ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Н. А. ХОВРИН

БАЛТИЙЦЫ ИДУТ НА ШТУРМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: «Революционная романтика — вот чем прежде всего привлекает к себе эта книга. Автор ее — бывший матрос линейного корабля «Император Павел I», участник большевистского подполья на флоте, а затем член Центробалта. Он встречался с В. И. Лениным и выполнял его задания командовал отрядом революционных моряков, штурмовавших Зимний и арестовывавших Временное правительство. В воспоминаниях нашли отражение и сложная обстановка тех дней, и самоотверженность рабочих и крестьян, пошедших за ленинской партией, и матросские думы о жизни о будущем. Книга рассчитана на широкий круг читателей».

Приводится разметка страниц в соответствии с печатным оригиналом. Номер страницы приводится в конце ее в квадратных скобках и отделяется от начала следующей страницы пустой строкой. Для удобства чтения можно использовать вариант без иллюстраций, разметки страниц и исправления ошибок, расположенный по адресу: http://lib.rus.ec/b/23159

Расположение иллюстраций отличается от печатного оригинала — V_E.

- Ховрин Николай Александрович
  - ПОДПОЛЬЕ
  - ПО ТЮРЬМАМ
  - «ДОЛОЙ ЦАРЯ!»
  - РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
  - БОЛЬШЕВИКИ
  - ЦЕНТРОБАЛТ
  - ИЮЛЬСКИЕ ДНИ
  - КОРНИЛОВЩИНА
  - НАКАНУНЕ
  -
  - Октябрьский штурм
  - ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ
  - ОБ АВТОРЕ ВОСПОМИНАНИЙ (В. К. Архипенко)
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

○ 7

Ховрин Николай Александрович
Балтийцы идут на штурм !

Николай Александрович
ХОВРИН

Н. А. ХОВРИН

БАЛТИЙЦЫ ИДУТ НА ШТУРМ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

ПОДПОЛЬЕ

Горько плакала мать, провожая меня в 1914 году на военную службу. Шла война, уносившая миллионы жизней. Газеты были полны сводок об убитых и раненых. С точки зрения матери, мне повезло больше, чем младшему брату Алексею. Его мобилизовали вслед за мной и почти сразу отправили на фронт. Я же, став моряком, попал на корабль, который не принимал участия в боевых действиях.

В те дни основные силы Балтийского флота стояли в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки). От неприятеля эту военно-морскую базу отделяла мощная Моонзундская оборонительная позиция, состоявшая из минных полей и системы береговых батарей. Возле нее несли дозорную службу эсминцы, тральщики, подводные лодки, легкие крейсеры. Они вступали в бой с патрульными судами противника, отражали атаки подводных лодок и самолетов. Линейные же корабли и тяжелые крейсеры стояли на Гельсингфорсском и Ревельском рейдах, ожидая своего часа. На один из таких кораблей, формально входивших в состав действующего флота, и направили меня после непродолжительной подготовки во флотском экипаже.

Назывался наш линкор «Император Павел I». Однако полное наименование фигурировало лишь в официальных бумагах. Между собой моряки называли его просто «Павлом». Он вступил в строй в 1907 году, но построен был еще по «доцусимским» проектам и к началу первой мировой войны безнадежно устарел, не идя ни в какое сравнение с новейшими зарубежными кораблями.

Служить на флоте с непривычки было трудно. Необычным и сложным казался размеренный по минутам ритм корабельной жизни. Но с первых же дней я почувствовал силу матросской дружбы, готовность товарищей прийти на помощь в трудную минуту. Старослужащие охотно объясняли новичкам все, что было непонятно. Мне, например, больше всех помогал матрос Василий Марусев общительный и знающий человек. Был он среднего роста, худощав, но довольно силен физически. Несколько старили его усы

[3]

цвета соломы, которые он отращивал на казацкий манер и имел привычку теребить во время разговора. Мне нравились его рассудительность и спокойствие, умение смотреть на вещи, что называется, в корень. Свою морскую специальность он знал в

совершенстве и многому меня научил.

Василий Марусев и Николай Ховрин

До призыва Марусев был помощником машиниста на паровозе, участвовал в революционной борьбе, имел связь с большевиками, которые вели работу среди железнодорожников. На военную службу его призвали еще до начала мировой войны. В характеристике с последнего места работы о нем говорилось как о человеке не слишком благонадежном в политическом отношении. Может показаться странным, что пролетарию, отнюдь не лояльному по отношению к властям, вдруг доверили защиту монархического строя. Но у царского правительства не было иного выхода — флот нуждался в специалистах, знающих технику. Отбирать их приходилось преимущественно из рабочих. Так взяли и Марусева. Сначала он попробовал «побрыкаться» — заявил даже, что не будет принимать присягу. Василия арестовали и по приговору суда направили в дисциплинарный батальон. Там его в короткий срок научили уму-разуму. Придравшись к совершеннейшим пустякам, Марусеву публично всыпали сто розог. Позднее он сам не без юмора говорил мне, что это явилось для него убедительнейшим доказательством того, что он избрал неверный путь: нет никакого смысла лезть на рожон, открыто пререкаясь с начальством. Жизнь научила его осмотрительности, у командиров не было больше поводов цепляться к нему, и его отнесли к категории «перевоспитанных».

Марусев же установил связь с большевиками и включился в партийную работу, к которой потом привлек и меня.

Вторым моим другом стал матрос 6-й роты Федор Дмитриев. С ним и с Марусевым я часто проводил свободное от службы время. Мы беседовали о доме, о заводской жизни, о корабле. Постепенно, с оглядкой стали говорить и о политике. Я рискнул сказать новым друзьям, что участвовал в забастовках, читал рабочую газету «Правда». В свою очередь Дмитриев признался, что и он был участником стачечной борьбы, рассказал о выступлении против царского самодержавия ивановских ткачей. От него я впервые услышал о товарище Арсении. Дмитриев с восторгом говорил об этом революционере, о его бесстрашии и стойкости. Лишь после установления Советской власти мы узнали, что под

[4]

именем Арсения скрывался Михаил Васильевич Фрунзе.

С этого разговора мы стали друг с другом откровеннее. Наши мнения по основным политическим вопросам совпадали. В

беседах стали участвовать и другие моряки — командир кормовой пушки Фотиев, командир бомбового погреба Муратов, матросы Громов и Чистяков, а также мои одногодки Алпатов, Мишин и Крылов. Их хорошо знал Марусев. Он заверил, что все они вполне надежны.

Я начинал догадываться, что на корабле существует какая-то организация. Вскоре мое предположение подтвердилось. Как-то вечером товарищи предложили мне вступить в подпольную большевистскую ячейку. Я согласился без колебаний.

Принимали меня в партию без протоколов и резолюций. Рекомендации, понятно, тоже были устными. Важное в моей жизни событие произошло в присутствии нескольких человек — Марусева, Чистякова, Муратова, Громова, Фотиева. Мы сидели за столом в каземате, и со стороны могло показаться, что, как обычно, рассказывали друг другу матросские байки. Я заверил товарищей, что давно мечтал связать свою жизнь с партией и готов выполнять любые ее задания.

Так я стал членом Российской социал-демократической рабочей партии. Первым моим поручением было вести беседы с молодыми матросами, выяснять их настроения, агитировать против царизма и империалистической войны. Через несколько месяцев мне поручили заведовать подпольной библиотекой. Вся она вмещалась в самодельном фанерном ящике, спрятать который не составляло особого труда. Я поместил книги в нашем каземате под восьмидюймовой пушкой. На ящик навесил замок, будто в нем хранились инструменты.

Литература сугубо нелегального характера добывалась через знакомых социал-демократов. Нам удалось раздобыть «Коммунистический манифест», «Нищету философии», «Анти-Дюринг». Эти произведения я хранил пуще всего и давал читать только самым надежным товарищам.

Кроме запрещенных политических книг были и научно-популярные. Их приобретали вскладчину. В магазин за ними ходили обычно Дмитриев, Марусев или Чистяков. Эти издания использовались для работы среди малограмотных моряков. Они помогали просто и доступно объяснять исторические события, многие явления природы, бороться с суевериями.

[5]

Но и такого рода брошюры приходилось пропагандировать тайком. Начальство запрещало все, что могло пробудить мысль рядового матроса. Поощрялось лишь чтение церковных книжек, сказок, лубков.

Очень скоро наша библиотечка полюбилась морякам, а

самым популярным произведением стал «Коммунистический манифест». Эту маленькую, но удивительно емкую книжку, проникнутую святой ненавистью к угнетателям, многие знали чуть ли не слово в слово. Для меня и моих товарищей она явилась как бы окном в новый мир. «Коммунистический манифест» сделал нас сильнее, он вселял уверенность в том, что строй эксплуатации и насилия неизбежно будет сметен. Прочитав этот труд, мы особенно остро почувствовали, что наша организация — частичка великой армии борцов за свободу и что наши усилия приближают час общей победы.

Большое влияние на нас оказывали также революционные стихи. Правда, в нашей библиотечке их не было, но зато на корабле служил человек, который наизусть знал великое множество поэтических произведений, — это радист Баранов. Он привил мне, да и многим другим, любовь к поэзии. Баранов был года на два или на три старше меня. Среднего роста, сухощавый и стройный, с задумчивыми выразительными глазами, он выглядел среди здоровяков матросов несколько тщедушным, я бы даже сказал хрупким. По манере говорить Баранов скорее напоминал интеллигента, нежели рабочего, каким он был на самом деле. До военной службы Баранов много читал и серьезно занимался самообразованием.

Вечером в уголке кубрика вокруг него часто собирались моряки. Баранов часами декламировал. Больше всего нам нравились стихи, посвященные борьбе с угнетателями. Некоторые из них, может быть, покажутся в наши дни наивными и художественно слабыми. Но тогда мы с жадностью, как губка влагу, впитывали в себя слова, призывавшие к борьбе за свободу. Радист очень любил читать стихотворение неизвестного автора, в котором рассказывалось, как восстал против тиранов народ Франции, разрушивший ненавистную Бастилию. Большое и незабываемое впечатление произвели на нас строфы Каляева, написанные им перед смертью. За убийство московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича царские власти приговорили Каляева к виселице. Прошло уже полвека, но я до сих пор помню его страстные строки. Вот они.

[6]

Мне смертию грозят.
Но разве смерть пугает?
Ведь это торжество для жизни молодой,
Когда покорно в рабстве умирают,
Остаться с поднятою гордо головой.

Ведь это торжество, когда у ног тирана
Несчастный, обездоленный народ
Покорно ползает, зализывая раны,
Стопою твердою взойти на эшафот.
И с высоты его, окидывая взором
Толпу насильников, холопов, торгашей,
Страну, покрытую бесправия позором,
Дрожащую под плетью палачей,
Сказать: я жил, я верил в свои силы,
Бестрепетно я шел в неравный бой,
Свой светлый идеал сберег я до могилы
Ведь это торжество для жизни молодой!

Мы не могли не восхищаться мужеством человека, идущего без страха на смерть ради свободы народа.

Мы читали книги и слушали стихи урывками, в свободное время, которого, кстати, было очень мало. Приходилось выкраивать минуты за счет сна. Собирались обычно по вечерам. Для конспирации большевики-подпольщики и примыкавшие к ним матросы были разбиты на пятерки. Связь между ними осуществляла особая группа. Мы называли ее центральной пятеркой, хотя по численности она была больше остальных. По сути дела, это был подпольный комитет. Несмотря на мою партийную молодость, товарищи включили в состав этого органа и меня. Это было большим доверием, и я изо всех сил старался его оправдать.

Из каждой пятерки только один человек знал кого-либо из комитета. Такая организация обеспечивала довольно гибкое руководство, гарантировала от поголовного провала.

Нам было известно, что жандармское охранное отделение на каждом корабле имело своих людей, и поэтому держали ухо востро. Агенты-осведомители служили вместе с нами и ничем не выделялись из общей массы. На крупных кораблях с охранкой обычно был связан и кто-либо из офицеров. У нас на «Павле» таким жандармским прихвостнем был старший штурман Ланге. Этот человек, разумеется, скрывал свое истинное лицо не только от матросов, но и от командного состава: многие офицеры, даже из самых заядлых монархистов, брезгливо относились к таким типам.

Осторожный Ланге однажды допустил довольно грубый промах, благодаря которому нам и удалось его раскрыть. Штурмана подвел разорванный конверт, оставленный им в офицерском гальюне. На измятом клочке хорошо были видны

фамилия Ланге и штамп жандармского управления.

[7]

Находка попала в руки вестового матроса, входившего в одну из наших пятерок. Он немедленно уведомил об этом своих товарищей, а связной сообщил в руководящую группу. Мы организовали наблюдение за штурманом и теми, с кем он чаще всего общался, надеясь выявить провокаторов. Однако сделать это нам не удалось. А в том, что агенты на линкоре есть, никто из нас не сомневался. Мы даже подозревали нескольких человек. Но прямых улик против них не было.

Подозрения наши, видимо, все же имели под собой почву: после Февральской революции матросы, которых мы держали на примете, внезапно исчезли с корабля — не иначе, как учуяли опасность и сбежали от расправы, знали, что, если их раскроют, пощады не будет. Каждый из них мог «нечаянно» свалиться в угольную яму или очутиться за бортом во время шторма. Такие случаи были. Я не раз слышал рассказ о том, как в 1912 году в том же Гельсингфорсе матрос Мокроусов, узнав, что один из его сослуживцев был связан с охранкой и выдал ей нескольких человек, своими руками задушил предателя во время ночной вахты. Сам он спасся от виселицы, бежав в Швецию. Впоследствии Мокроусов стал героем гражданской войны. О подвигах матроса-комбрига и партизанского командира ходили легенды.

Об осведомителях охранного отделения я говорю здесь подробно для того, чтобы нынешние читатели могли лучше представить себе тяжелую, а порой невыносимо трудную обстановку, в которой приходилось работать большевикам-подпольщикам на флоте. Малейшая неосторожность могла обойтись дорого. За три года до того, как я попал на линкор «Император Павел I», по доносу агентов охранки было схвачено двадцать девять человек. Девятерых царский суд за участие в подготовке вооруженного восстания приговорил к смерти. Лишь нарастание революции спасло их. Казнь была заменена каторгой. Остальные арестованные на «Павле» отбывали наказание в тюрьмах и арестантских ротах.

И все же, несмотря на тяжелые условия, мы активно работали среди моряков, вовлекая их в нашу организацию. Люди тянулись к нам, презирая опасность: ненависть против царского строя, против палочного режима на корабле была сильнее страха перед жандармами.

Матрос царского флота был существом полностью бесправным, и это ему давали почувствовать на каждом шагу,

причем очень часто в самой издевательской форме. В Кронштадте, например, у входа в парк висела таблица с надписью: «Матросам и собакам вход воспрещен». Процветало рукоприкладство, хотя официально оно и запрещалось. Уже в первые дни службы я явился свидетелем отвратительной сцены. Грузили уголь. Мы таскали его в корзинах и тазах. Матрос Головач по ошибке схватил стоявшую возле камбуза какую-то посудину с картофельными очистками и высыпал их в угольную яму. Ничего страшного в этом не было — очистки сгорели бы в топке. Тем не менее мичман Батагов с бранью набросился на моряка и начал его бить. Головач был головы на две выше низкорослого Батагова, и тот подпрыгивал, чтобы ударить по лицу. Матрос стоял, опустив руки по швам, бледный, и еле сдерживал ярость. Мы молча смотрели на избиение, зная, что за резкое слово против офицера можно угодить под военный суд.

От офицеров не отставали и младшие командиры. Они еще чаще пускали в ход кулаки. Особенно отличался в этом главный боцман Белоконь. Однажды, подойдя к группе первогодков, сидевших на баке, он приказал им построиться. Те быстро выполнили приказание, ожидая, что скажет им главный боцман. А Белоконь подошел поближе и вдруг залепил увесистую оплеуху матросу Богомолову. Увидев, что остальные шарахнулись от него в сторону, боцман довольно захохотал. Таким образом он нередко забавлялся.

От нас требовали, чтобы мы всегда были подтянутыми и аккуратными, чтобы обмундирование было без единого пятнышка. А как обеспечить чистоту, начальство не задумывалось. Стиркой матросы занимались сами. Зимой — в кочегарной бане, летом — на верхней палубе. Тазов для этого не выдавали, стирать приходилось прямо под струей. Бывало, только развесишь бельишко сушить, а тут вывернется откуда-нибудь портовый буксир, обдаст его черным дымом — и начинай сначала.

Часто вахтенные матросы принимали на корабль мясные туши, при этом, конечно, пачкалось обмундирование. А перед обедом общий осмотр. Звучала дудка боцмана, раздавалась команда:

— Все на шканцы, построиться!..

Полуротный командир внимательно осматривал руки, одежду. У только что работавших на разгрузке на робах, понятно, были кровяные следы. «Провинившиеся» немедленно брались на карандаш, следовал приказ:

— Постирать, после обеда показать...
[9]

Как хочешь, так и выполняй его. Не выполнишь — поставят под винтовку.

Нелепостью было и то, что нам запрещали перешивать казенное обмундирование, даже если оно уродовало человека. Был у нас случай, когда одному матросу из нашей роты выдали брюки с перекошенным швом. В них его не пускали на берег. Насидевшись без увольнений, моряк выпросил запасные брюки у товарища и подогнал их под свой рост. Но и на этот раз его не пустили в город — теперь уже за нарушение запрета.

За недостачу казенных вещей матросов отправляли в военно-исправительную тюрьму на срок до двух месяцев, а за нарушение дисциплины — в дисциплинарный батальон, где вполне официально разрешалось пороть розгами.

Приходилось переносить и грубость, и издевательства, и побои. Некоторые пытались протестовать. Непокорных ставили под ружье, сажали в карцер, отправляли на фронт. Но и это не всегда сдерживало. Служил у нас в роте Василий Бурыкин — жилистый, сухощавый человек с ершистыми волосами и торчащими рыжими усами. По натуре он был правдолюбцем и мучительно переживал малейшую несправедливость. Бурыкин иногда высказывал офицерам не совсем приятные вещи, за что отсиживал в карцере, побывал в дисциплинарном батальоне. Случалось, что товарищи были вынуждены буквально хватать Василия за руки, чтобы уберечь его от беды. Помню, как-то вечером мы сидели в каземате, беседовали. У входа неожиданно возник шум. Оказалось, в темноте кто-то из матросов не успел уступить дорогу офицеру, и тот так толкнул моряка, что он упал. Видевший это Бурыкин выскочил из-за стола, выдернул металлический рычаг от пушки и бросился в коридор. Мы едва успели перехватить его.

Свирепые и унизительные флотские порядки, по мнению начальства, должны были «выбить дурь из матроса», держать его в страхе и повиновении. На деле же получалось наоборот. Люто ненавидевшие существовавший режим, моряки все больше озлоблялись, чутко воспринимали агитацию против власти и были готовы в любой момент выступить против угнетателей.

К осени 1915 года наша подпольная организация была уже довольно многочисленной. Нас беспокоило отсутствие связи с другими кораблями и базами. Мы понимали, что к восстанию надо готовиться сообща — один линкор погоды

не сделает и в случае выступления может быть быстро изолирован. Поэтому старались найти пути для общения с другими подпольными организациями.

В это время произошел так называемый бунт на «Гангуте», всколыхнувший весь флот. «Гангут» был не чета нашему «Павлу». Вступивший в строй уже в дни войны, он по праву считался одним из сильнейших линейных кораблей в мире. Построили его по проекту талантливого русского судостроителя Бубнова вместе с тремя «близнецами» — «Полтавой», «Севастополем» и «Петропавловском». Каждый из них обладал большой скоростью, мощным вооружением и надежной броневой защитой. Эта могучая четверка, составлявшая 1-ю бригаду линкоров, была подлинной гордостью русского флота.

События на «Гангуте» развернулись неожиданно. В один из вечеров, когда с камбуза принесли ужин, часть команды не стала есть кашу, приготовленную из недоброкачественной крупы. Отказ от пищи был типичным выражением матросского протеста. Моряки собирались группами и в полный голос ругали начальство.

Их озлобление и повышенную нервозность можно было понять. Как раз в тот день на корабле производилась погрузка угля. По существующей на флоте традиции матросам после работы полагалось дополнительное питание. В этот же раз выдали обычную порцию каши, да к тому же прогорклой.

Надо сказать, что обстановка на линкоре и без того была накаленной. За несколько дней до вспышки на «Гангуте» были обнаружены революционные прокламации. В кубриках матросы говорили о бесчеловечном обращении с ними. К вечеру 19 октября было ясно, что недовольство экипажа вот-вот вырвется наружу. Большевики с «Гангута» понимали, что стихийное, неподготовленное выступление безоружных моряков будет потоплено в крови, и всеми силами старались сдержать страсти. Однако кое-где произошли столкновения с офицерами. Дело дошло до драки. Очень бурным было и объяснение со старшим офицером, которого командир специально прислал для переговоров. Но до вооруженного выступления дело не дошло. К ночи напряжение спало. И тем не менее власти объявили события на «Гангуте» бунтом. Десятки матросов были арестованы.

Следствие велось предвзято. Командование флота упирало на то, что произошел именно бунт. А за это в военное время полагались весьма строгие наказания, вплоть до

смертной казни. Факты подтасовывались. Например, во время общего галдежа кто-то крикнул: «Бей баранов!» Старший офицер, являвшийся остзейским немцем и обладателем баронского титула, заявил следователю, что матросы призывали бить не баранов, а баронов. Изменение одной лишь буквы в слове придавало выкрику политическую окраску. Подобными натяжками изобиловало все состряпанное против гангутцев дело.

Нам, рядовым матросам, в то время не были, конечно, известны все обстоятельства событий на «Гангуте», а тем более ход следствия. Мы пользовались лишь слухами и, к сожалению, не всегда точными вестями «матросского телеграфа». Одно было ясно: готовится расправа над неповинными людьми. На флоте шло глухое брожение. Подпольный большевистский комитет на «Павле I» в эти дни особенно остро чувствовал, что отсутствие связей с другими кораблями резко ограничивает рамки партийной деятельности. События на «Гангуте» убедительно показали, что разрозненные выступления не только бесцельны, но даже опасны для общего дела, потому что позволяют властям расправиться с недовольными поодиночке. Это подстегнуло нас. С новой энергией мы начали искать контакты с другими большевистскими организациями. Наконец установили связь с ячейками на линейных кораблях «Петропавловск» и «Цесаревич». А вскоре нам неожиданно представился случай связаться с подпольщиками за пределами Гельсингфорса.

Произошло это при следующих обстоятельствах. В конце октября 1915 года «Павел I» направился в Кронштадт для ремонта и подготовки к зимней стоянке. Осенняя Балтика встретила нас неприветливо. Холодные волны одна за другой накатывались на корабль, пронизывающий сырой ветер свистел в снастях, выдувал последние остатки тепла из-под матросских бушлатов. И все же команда радовалась перемене обстановки, возможности побывать в другом городе.

В связи с этим походом возникли некоторые планы и у нас, подпольщиков. Наша центральная пятерка поручила каждому члену партии через знакомых и родных узнать что только можно о кронштадтских большевиках. Первым радостную весть принес нам матрос четвертой роты Василий Ломакин. На берегу он встретил своего двоюродного брата Федора, который тоже служил на флоте. Это была на редкость счастливая встреча — родственник Ломакина состоял в нелегальной организации и имел задание устано-

вить связь с нашим кораблем. Он сообщил, что на «Павел» придет представитель кронштадтского подполья.

Мы были несказанно рады этому. Кронштадтцы передали нам манифест Циммервальдской конференции и другие материалы. Из них мы впервые узнали об организации группы левых циммервальдцев и что присутствовавшие на конференции большевики во главе с В. И. Лениным хотя и голосовали за манифест, считая его первым шагом в борьбе против войны, вместе с тем отметили его недоговоренность. Стал известен нам и взгляд ленинцев на выход из войны: только превращение ее в войну гражданскую может дать демократический мир.

Полученные материалы легли в основу нашей агитационной работы. По поручению комитета наиболее подготовленные товарищи стали проводить с матросами беседы, разъясняя позицию ленинцев по вопросу о войне и мире. До ушей начальства, конечно, дошло, что моряки часто собираются группами и о чем-то говорят. Но что могло оно сделать? Лишь ускорить ремонт корабля и скорее уйти из Кронштадта?..

Наконец в один из вечеров Дмитриев и Марусев отозвали меня в сторонку и сообщили, что завтра на линкор придет представитель кронштадтской большевистской организации Иван Давыдович Сладков. Вести переговоры с ним поручалось мне. Товарищи предупредили, что Сладков явится под видом моего земляка и, следовательно, держать себя надо соответственно. Польщенный доверием, понимая всю важность этой встречи, я не мог заснуть до утра, беспокойно ворочался в своей подвесной койке.

Встреча состоялась точно в назначенный час. В каземат вошел бравый и подтянутый унтер-офицер в ловко пригнанной по фигуре шинели. Кончики его усов были лихо закручены кверху. Он поздоровался со всеми по-военному четко, а потом направился прямо ко мне, видимо уже зная, как должен выглядеть его «земляк».

— Ваня, дорогой! — крикнул я как можно радостнее. — Как ты нашел меня? Как там дома? Что родственники пишут?

— Да не спеши ты с вопросами, — остановил меня Марусев, — дай человеку шинель снять, чайком угости... а то накинулся... А мы, братва, айда по своим делам. Не будем мешать землякам, пусть поговорят, душу отведут...

Он удалил из каземата всех, и мы остались с гостем вдвоем. Унтер-офицер улыбался, видимо довольный тем,

как ловко Марусев создал нам условия для разговора. Потом

протянул мне руку:

— Ну, давай теперь как следует познакомимся, товарищ Ховрин!

Так я впервые встретился с Иваном Давыдовичем Сладковым — человеком большой и красивой судьбы, несгибаемым борцом за дело партии. Сладков был в это время одним из руководителей Главного судового коллектива РСДРП. К моменту нашей встречи судовой коллектив успел установить связь со многими кораблями и, по сути дела, являлся руководящим органом большевистского подполья на всем Балтийском флоте.

А.З. Закупнев, И.Д. Сладков

Иван Давыдович служил инструктором-указателем в Учебно-артиллерийском отряде, был у начальства на хорошем счету. Прекрасно знавший свое дело, исполнительный и подтянутый, он был в глазах командования примерным служакой, человеком, внушающим доверие. Никто из офицеров, конечно, не догадывался о другой стороне его жизни, о том, что он вступил в социал-демократическую партию еще до первой мировой войны.

Основная цель визита Сладкова на наш корабль состояла в том, чтобы договориться о способах связи в дальнейшем, когда «Павел» вернется в Гельсингфорс. Мы просидели с ним часа два. Для маскировки на столе стояли чайник и кружки. Но чаепитием нам некогда было заниматься — мы составляли шифр. Так, крейсер «Рюрик» условились называть Антоном, линейный корабль «Гангут» — Гаврилом, крейсер «Диану» — Дашей. Фраза «мама жива и здорова», например, обозначала, что в организации все обстоит благополучно. А такой вот текст письма, как «из дому пишут, что яровые уродились хорошо. Вчера во время увольнения на берег встретил земляка из соседней деревни. Зовут его Антон», нужно было понимать так: «подпольная работа дает хорошие результаты. Вчера установлена связь с товарищами с крейсера «Рюрик».

Шифр составили в двух экземплярах — один для Сладкова, другой для меня. Все черновики были тут же уничтожены. Сладков рассказал, что через несколько дней из Петрограда должны поступить прокламации, и обещал занести пачку к нам на корабль. В случае если к тому времени «Павел» уйдет, политические листовки будут доставлены в Гельсингфорс. Нам надо было подыскать надежного человека на линейном корабле «Цесаревич», который должен встать на ремонт в кронштадтском доке после нас. В этом помог Марусев. Оказалось, что на «Цесаревиче» слу-

жит его приятель — кочегар Ерохин. Марусев обещал договориться с ним обо всем. Сладков записал адреса Ерохина и мой. По правилам конспирации он должен был выучить их наизусть, а бумажку уничтожить. Но он почему-то не сделал этого. Такая небрежность впоследствии нам очень дорого обошлась...

В Кронштадте «Павел I» пробыл недолго. Все же в оставшиеся дни я успел побывать на подпольном собрании на берегу. Нашего

представителя на него пригласил Главный судовой коллектив. Собрание проходило в чайной, присутствовали на нем матросы и рабочие. Перед нами выступил товарищ из Петербургского комитета РСДРП. Он рассказал о положении в стране, подчеркнул, что для нас главное сейчас — копить силы, расширять организацию, быть в готовности в нужный час дружно выступить вместе с рабочими против царского самодержавия.

Там же, в чайной, я познакомился с представителем кронштадтского подполья Владимиром Михайловичем Зайцевым. Это был закаленный большевик и опытный конспиратор. Работу вел умно. Вплоть до Февральской революции ни жандармы, ни флотское начальство так и не заподозрили в нем большевистского организатора. У матросов Зайцев пользовался огромным авторитетом. Владимир Михайлович говорил мне о том, как важно создать в Гельсингфорсе разветвленное подполье.

Вернувшись в Гельсингфорс, «Павел I» занял свое привычное место на рейде, где ему предстояло простоять во льду очередную зиму. Внешне на корабле все было по-прежнему. Но это только внешне. Мы заметно активизировали свою работу среди команды. Кроме того, нам удалось наладить и укрепить связи с большевиками, служившими на других кораблях. Начинали уже подумывать о создании комитета, который руководил бы подпольем в масштабе всей военно-морской базы. В это время произошло событие, которое едва не закончилось трагически. В центре его оказался матрос Павел Ефимович Дыбенко. Высокий, плечистый, быстрый в движениях, он отличался шумным и общительным нравом. В выразительных его глазах всегда пряталась лукавая усмешка. Человек он был начитанный, за словом в карман не лез. Многие моряки тянулись к нему. По специальности Дыбенко был электриком, следил за исправностью электрических сетей. Имея доступ во все уголки корабля, он успел завести немало приятелей среди специалистов самых различных служб. Дыбенко смело и убедительно критиковал существовавшие порядки. Он мог бы

стать прекрасным большевистским агитатором. Но нас смущало одно обстоятельство — уж слишком открыто выражал он свои мысли. Порой ругал царя и правительство со всеми его министрами даже в присутствии малознакомых людей. Бывало, даже вступал в споры с офицерами, в присутствии непроверенных людей позволял себе нелестно высказываться о командовании. Из-за этого мы воздерживались давать ему какие-либо поручения.

П.Е. Дыбенко

П. Е. Дыбенко

Однажды декабрьским вечером Дыбенко вернулся на корабль из увольнения очень возбужденным и начал собирать вокруг себя матросов. Через некоторое время ко мне прибежал взволнованный Марусев. С трудом переводя дыхание, он сказал:

— Срочно собирай центральную пятерку!

— А что случилось?

— Дыбенко агитирует матросов начать сегодня восстание...

От этой новости я чуть не сел на палубу. Звать команду к неподготовленному выступлению — значило бессмысленно подставить людей под пули, обречь восстание на неизбежное поражение. Я помчался по кубрикам, разыскал Дмитриева, Чистякова, Чайкова и других членов комитета. Мы подошли к группе, в центре которой находился Дыбенко. Он рассказывал, что побывал в «Карпатах» (так у нас называли скалистое место за городом, где обычно собирались матросы, желавшие быть подальше от глаз начальства). Дыбенко говорил, что в «Карпатах»

состоялось собрание военных моряков. Оно постановило сегодняшней ночью подняться на всех кораблях и освободить ожидавших суда матросов с «Гангута».

Мы видели, что идея эта пришлась многим по душе. Даже отдельные члены нашей организации поддержали мысль о восстании. Эти горячие головы могли наломать немало дров. Некоторые из них предлагали не дожидаться ночи, а начать действовать немедленно. С большим трудом нам удалось унять разгоревшиеся страсти и уговорить матросов подождать, что скажут представители всех рот корабля. Созывать многолюдное собрание было по меньшей мере неосторожно. Однако в сложившейся ситуации мы скрепя сердце вынуждены были пойти на это.

Собраться договорились на броневой палубе. После отбоя пробирались туда с большой осторожностью, торопливо спускались в единственный люк. Когда пришли все, выделили товарищей, которые в случае опасности должны были предупредить нас, и собрание началось. Дыбенко изложил

суть дела. В заключение сказал, что первым выступить предстоит экипажу нашего линкора. На вопросы, кто присутствовал на сходке в «Карпатах», Дыбенко не мог ответить толком. Разгорелись ожесточенные споры. Решить задачу было сложно. Если восстание на других кораблях в самом деле начнется, то мы не имели права остаться в стороне, обязаны были выступить вместе со всеми. Если же это была затея лишь группы не в меру горячих голов, то, поднявшись, мы подставим под удар сотни матросов, провалим с таким трудом налаженную организацию. Представители рот в конце концов поддержали точку зрения комитета — сейчас не выступать.

Расходились не спеша, по одному, по двое. Вышедший вслед за мной Дмитриев заметил:

— Больше такой неосторожности допускать нельзя! Стоило только одному шпику выследить нас и захлопнуть люк, как весь актив очутился бы в мышеловке.

Он был прав. Но, к счастью, все обошлось благополучно. Я думаю, что никто из матросов не заснул в ту тревожную ночь. Лежали молча, чутко прислушиваясь — не донесутся ли звуки выстрелов с соседних кораблей. Однако на рейде было спокойно.

Прошло утро, за ним день — никаких событий. Члены нашей организации, увольнявшиеся на берег, получили задание разузнать все, что возможно, о собрании, которое, по словам Дыбенко, происходило в «Карпатах». Выяснить ничего не удалось.

На Дыбенко стали смотреть косо. Не знаю, как сложились бы наши отношения с ним дальше, но вскоре он был отчислен в батальон морской пехоты, направляемый на фронт.

Я вспоминаю об этом вовсе не для того, чтобы как-то опорочить человека, который впоследствии так много сделал для революции, стал одним из крупных военачальников Красной Армии. Мне и самому приходилось впоследствии работать с Дыбенко бок о бок, и действовали мы дружно. Скорее всего, тот случай был следствием нетерпеливости и горячности Дыбенко, который, не подумав как следует, решил своим вмешательством ускорить события, поднять матросов «Павла», а там, дескать, и весь флот поддержит... События тревожной ночи заставили нас еще острее почувствовать, как важно иметь надежную связь с другими кораблями базы. Вскоре нам удалось договориться с представителями нескольких команд. Решено было провести встречу и обсудить вопрос о совместных действиях. Комитет направил на нее Марусева и меня.

[17]

Собрались мы в маленьком уютном финском кафе на окраине города. Уселись за столиком, заказали кофе и булочки. Разговаривали вполголоса, так, чтобы наши слова не долетали до хозяина, находившегося в другой комнате. Все шло хорошо, пока в помещение не зашли двое незнакомцев. Увидев их, Марусев сразу же толкнул меня ногой под столом. Одного взгляда на непрошеных посетителей было достаточно, чтобы понять, с кем имеем дело. Не знаю отчего, но многие шпики охранного отделения были на одно лицо, и узнать их можно было в любой толпе. Котелки, которые они носили, воспринимались чуть ли не как часть формы. Вошедшие тоже были в котелках. Усевшись за столик возле двери, они стали бесцеремонно рассматривать моряков.

Не нужно было никакого сигнала. Все поняли, в чем дело, и начали по одному расходиться. Вышли на улицу и мы с Марусевым. Пройдя два квартала, заметили, что один из агентов прицепился к нам. Мы попытались от него отвязаться. Но он упорно преследовал нас. Возвращаться с этим хвостом в порт было нельзя. Марусев вспомнил, что он знает проходной двор. Дошли до него спокойным шагом, но, как только скрылись за воротами, пустились бежать во весь дух. Выскочив на соседнюю улицу, увидели неподалеку фотосалон, юркнули в него. Сухонький и разговорчивый фотограф тотчас занялся нами. Он стал расспрашивать, какие снимки нам нужны, предложил посмотреть образцы. Мы с удовольствием занялись этим: спешить

все равно было некуда, чем дольше пробудем в фотографии, тем больше шансов, что шпик потеряет наш след, если только не догадается заглянуть сюда.

Нам повезло. Агент охранки не обнаружил нас. Мы благополучно вернулись на корабль.

В эти дни в городе появился новый человек по фамилии Брендин. Он приехал из Кронштадта и устроился работать в Гельсингфорсе на ремонтном заводе. Прежде он служил на крейсере «Россия» унтер-офицером, но был уволен по болезни. Брендин привез нам весточку от большевиков Кронштадта. Он разыскал Марусева и попросил, чтобы кто-нибудь из нашей организации пришел к нему на берег. Члены подпольного комитета на «Павле» обрадовались, надеясь, что посланец привез нам необходимую литературу и инструкции. Встретиться с Брендиным поручили Дмитриеву и Марусеву.

Но наши товарищи вернулись разочарованными. Приехавший рассказал им, что его послал в Гельсингфорс Ти-

мофей Ульянцев. Имя это нам не было известно. Только впоследствии мы узнали, что он являлся одним из руководителей Главного судового коллектива РСДРП. Ульянцев дал Брендину наши адреса да еще письмо к одному мастеру с ремонтного завода с просьбой поселить приехавшего. Никаких конкретных поручений Брендин не имел.

Т.И. Ульянцев

Т. И. Ульянцев

С нетерпением ждали подпольщики, когда же наконец прибудет из Кронштадта «Цесаревич». Ведь Сладков обещал нам прислать прокламации с кочегаром Ерохиным. Наконец корабль пришел, но от Ерохина не было ни слуху ни духу. Членам комитета это показалось подозрительным.

Вскоре до нас дошли сведения о решении суда по делу матросов с «Гангута». Из тридцати четырех человек было оправдано восемь. Двадцать четыре — приговорены к различным срокам каторжных работ, двое — к расстрелу. Командующий Балтийским флотом, опасаясь новых волнений, приказал смертную казнь заменить каторгой. Но и этот приговор военно-морского суда был чудовищно жесток. На долю двадцати шести матросов пришлось в общей сложности 256 лет каторжных работ. И это лишь за протест против плохой пищи и грубого обращения офицеров!

Я, как и мои товарищи, глубоко переживал судьбу гангутцев. Тогда мне и в голову не приходило, что сам в любой момент могу очутиться в таком же положении. Никто из нашей организации в те дни не подозревал, что в руках охранки уже есть ниточка, которая тянулась к нам...

28 декабря вечером, уже после отбоя, я лежал в койке и читал книгу. Другие матросы укладывались спать. Неожиданно в каземат вошел наш ротный командир мичман Князев в сопровождении фельдфебеля. В визите командира не было ничего необычного. Он обязан был время от времени посещать нас, смотреть за порядком. Но то, что вместе с ним был фельдфебель, сразу насторожило. Пришедшие подошли к старшине Веремчуку и что-то тихо у него спросили. Мне показалось, что была произнесена моя фамилия. Я быстро отложил книжку и притворился спящим. Мичман Князев вышел, а фельдфебель, приблизившись к моей койке, потряс меня за плечо.

— Одевайся! — приказал он.

Натягивая робу, я лихорадочно думал: «Что могло случиться?» Провожаемый молчаливыми взглядами товарищей, вышел вслед за фельдфебелем из помещения. Он направился к матросским рундукам. Похоже было, что сей-

час начнется обыск. Тут я вспомнил, что у меня на одном кольце с другими ключами и ключ от нашей подпольной библиотеки. Хорошо, что спохватился вовремя. Когда спускались по трапу, мне удалось незаметно отцепить ключ от фанерного ящика и засунуть его в сапог. Подойдя к рундукам, фельдфебель спросил, какой из них мой, и потребовал открыть. Я повиновался. Среди вещей ничего крамольного не оказалось. Фельдфебель забрал только письма из дому и несколько старых журналов. По возвращении в каземат он приставил ко мне матроса, объявив, что это мой выводной и без него я не могу никуда выйти. А выводному велел никого не подпускать ко мне. Но как только фельдфебель ушёл, меня сразу же окружили товарищи и начали спрашивать, в чем дело. А я и сам ничего не знал. Кто-то из подпольщиков тихо спросил, не приходилось ли мне в последнее время разговаривать с кем-нибудь из посторонних. Я отрицательно покачал головой.

Не прошло и часа, как фельдфебель появился вновь.

— Забрать койку, — сказал он.

Это означало, что меня отправляют в судовой карцер.

В нем я пробыл двое суток, безуспешно гадая: за что могли меня посадить, в чем проявил неосторожность? Держали в полной

изоляции и никуда не вызывали. Лишь мельком удалось увидеть Марусева. Он воспользовался тем, что помещенным в карцер приносили пищу матросы их же роты. Передавая миску, он шепотом спросил:

— За что?..

Я развел руками. Обеспокоенный Марусев забрал грязную посуду и ушел. Глядя на уходившего товарища, я не знал, что вновь встречу его только после Февральской революции...

В тот же вечер под конвоем двух матросов и одного унтер-офицера меня сняли с корабля и пешим порядком отправили на гарнизонную гауптвахту.

[20]

ПО ТЮРЬМАМ

Одиночка... До сих пор это слово вызывает у меня неприятное ощущение, напоминая о днях, проведенных в тюрьме. Подолгу не слышать человеческого голоса, не иметь ни малейшего понятия о том, что делается за глухими стенами, быть заживо похороненным в каменном мешке — что может быть ужаснее?

Впоследствии я читал об узниках, проведших в одиночном заключении по многу лет. Мне трудно представить себе это. Даже один месяц в таких условиях показался мне вечностью. Я сидел, не зная, за что арестован. Тридцать дней — достаточно большой срок, чтобы вспомнить мельчайшие подробности своей жизни на корабле. Но ничего такого, что могло бы меня выдать как подпольщика, я вроде не допустил. Оставалось только одно ждать. Рано или поздно должны же вызвать на допрос. Тогда можно будет понять, по какому делу привлекаюсь...

Наконец настал день, когда меня отвели в жандармское отделение Гельсингфорса. Однако в этот раз никто никаких вопросов мне не задавал. Я был поставлен перед фотоаппаратом и запечатлен в двух видах. Затем мои пальцы вымазали черной краской и сняли с них отпечатки. После этой процедуры я окончательно утвердился в мысли, что попал в разряд государственных преступников.

Возвращенный в опостылевшую одиночку, я стал было опять гадать, за что схвачен, но потом махнул рукой. Тревожила лишь судьба товарищей: как они там? Не раскрыта ли наша организация?

На этот раз размышлять пришлось не слишком долго. Утром меня снова доставили в жандармское отделение, теперь уже в сопровождении двух конвоиров с обнаженными шашками.

В приемной меня посадили на стул. Проходили час за часом, а мною никто не интересовался. Видимо, столь долгое ожидание входило в систему «психологической обработки». Когда прошло часа четыре, меня ввели в большую комнату. В ней за столом, склонившись над бумагами, си-

дел генерал. Шевелюра и усы у него были почти совсем седыми. Он молча что-то писал, а я молча стоял у двери. Так прошло еще минут десять. Потом генерал приказал подойти поближе, но головы так и не поднял. Я приблизился, и опять наступила долгая пауза. Наконец генерал отложил ручку в сторону, откинулся на спинку кресла и взглянул мне в глаза.

Последовавшие вопросы были самыми обычными, что называется, протокольными — где родился, кто родители, где они работают и живут. Потом генерал откашлялся и уже другим тоном сказал:

— Ты находишься на военной службе, да еще во время войны. А между тем вступил в преступную организацию, ставящую целью свергнуть государя и правительство. Надеюсь, что ты и сам хорошо понимаешь, какой карой это тебе грозит. Предупреждаю: в создавшихся условиях одно лишь чистосердечное признание своей вины, полное раскаяние и раскрытие всего, что неизвестно еще правосудию, — только лишь это может дать надежду на помилование и избежание строжайшей кары...

Слушая эти слова, я подумал: что-то случилось в Кронштадте. Решил отрицать все подряд, а там будь что будет.

— Ну-с, понял, что я тебе сказал? — спросил генерал после внушительной паузы.

Вытянув руки по швам и выпятив грудь, я гаркнул:

— Не могу знать!

Генерал поморщился, забарабанил пальцами по столу.

— Вот что, братец, оставь эти штуки, не на палубе находишься. Скажи-ка, знаешь ли ты эту личность?

Он протянул фотографию, и я увидел совершенно незнакомое лицо, а посему вполне чистосердечно ответил, что не знаю этого человека. Генерал начал показывать другие фотографии. Все это были незнакомые люди. И вдруг на одной узнал своего кронштадтского знакомого Ивана Давыдовича Сладкова одного из главных руководителей матросского подполья. Не знаю, удалось ли мне скрыть волнение. Во всяком случае, генерал начал на меня наседать вовсю.

— Да ты припомни, припомни, — настаивал он, — этого ты наверняка должен знать. Встречался же с ним?

— Не могу знать! — стоял я на своем, твердо решив придерживаться намеченной линии.

— Должен ты помнить этого человека, обязательно должен...

— Не могу знать!

— Ну что ты, как попугай, заладил «не могу знать»!

[22]

Я же предупреждал, что только признание может облегчить твою участь. Это тебе ясно?

— Не могу знать!

Наверное, жандарму надоело мое упрямство. Вынув из отдельной папки листок бумаги, он сунул его мне под нос. Я увидел переписанный четким почерком шифр, составленный вместе со Сладковым во время стоянки в Кронштадте, а сбоку, на

поле, адрес: «Действующий флот, линейный корабль «Император Павел I», .2-я рота, Николаю Александровичу Ховрину». Все честь по чести, и даже имя, отчество полностью. Деваться было некуда, но и терять, собственно, тоже нечего, а потому я сказал снова:

— Не могу знать!

Тогда генерал показал изъятый из моих вещей цифровой шифр, написанный моей собственной рукой. Это надо было как-то объяснить. Я придумал историю, которая мне показалась убедительной. Дело обстояло якобы так, что в Ревеле я встретился с незнакомым человеком по имени Василий, который научил меня от скуки коротать время за составлением цифровых записей. Этот незнакомец как будто сидел в тюрьме, а по какому делу — не знаю. Где он находится в настоящее время, тоже не ведаю.

— Ну, допустим, что все это так и было, — сказал жандарм. — Но каким же образом мог очутиться твой адрес в Кронштадте у подследственного Сладкова?

— Не могу знать!

— Но Сладкова ты уж знаешь...

— Не могу знать!

Генерал наконец вышел из себя. Он стал кричать, обзывать меня идиотом, стучать кулаком по столу. Я только глупо таращил глаза и продолжал твердить свое. Жандарм умолк и озадаченно посмотрел на меня. Может быть, у него мелькнула мысль — не имеет ли он дело со случайным человеком. По крайней мере я на это надеялся. Генерал прекратил допрос. Так состоялось мое первое знакомство с жандармским генерал-майором Поповым.

Теперь кое-что прояснилось: очевидно, Сладкова арестовали и при обыске нашли шифр с моим адресом. Возможно также, что схвачены и другие участники подполья, которых я не знал, но которые, по-видимому, были как-то связаны со Сладковым. Все это наводило на тревожные размышления. Утешало одно: на «Павле I» Сладков имел связь только со мной и, судя по всему, охранка еще не нащупала нашей корабельной организации. Конечно, жан-

дармы постараются кое-что выведать у меня. Так что надо держаться...

Мои думы прервал лязг засова. Дверь распахнулась, и в камеру втолкнули незнакомого матроса. Когда мы остались вдвоем, я стал расспрашивать его, за какие грехи он сюда попал. Вновь прибывший ответил, что служит на линейном корабле «Петропавловск», а посадили его за то, что переодевался в

штатский костюм. Говоря об этом, он многозначительно добавил, что причина ареста может быть и другая. Помня о возможной провокации, я перевел разговор на другую тему. А несколько часов спустя меня предупредили. В общей уборной один из арестованных успел шепнуть, что соседа ко мне подсадили специально.

Вернувшись в камеру, я буквально впился глазами в «моряка». На моем лице, видимо, довольно ясно отразились овладевшие мною чувства. Сосед съежился и отошел в дальний угол. Наверное, человек поопытнее и повыдержаннее не показал бы и виду, что заподозрил что-то неладное, но я не сумел сдержаться и начал задирать провокатора. Он еще больше сник, стушевался, глаза его растерянно забегали по сторонам. Это меня подогрело. Я двинулся на него, прижал к стене и сказал зловеще:

— Вот что, сукин сын: мне терять нечего... Этой же ночью я тебя прикончу!

Агент бросился к двери и, как сумасшедший, стал барабанить в нее кулаками и вопить, чтобы его отсюда перевели. Просьбу его уважили довольно быстро, и я снова остался один. А дня через два меня по этапу отправили в Кронштадт и поместили в военно-морскую следственную тюрьму. По пути наведались в кронштадтское жандармское отделение, где меня еще раз сфотографировали, измерили уши и голову, определили цвет глаз.

В военно-морской следственной тюрьме (во времена парусного флота в этой каменной постройке, обнесенной земляным валом, размещался склад боеприпасов) было пять больших камер. Четыре из них были общими, в каждой из которых могло поместиться до пятидесяти арестованных. Пятая — разделена на двенадцать узких «пеналов» длиной два и шириной полтора метра. Эти клетушки — по шести с каждой стороны — выходили в коридорчик, где круглосуточно дежурили часовые. Двери «пеналов» запирались одним ключом. Хранился он у боцмана тюрьмы. Кроме того, все это помещение запиралось еще и снаружи.

В один из таких «пеналов» попал и я. Он не имел окна и был очень тесен. Электрический свет проникал в этот ка-

менный мешок из коридора через зарешеченный вырез в двери, на которую с моим появлением навесили дополнительный замок.

Начальником военно-морской следственной тюрьмы был в то время подполковник Вандяев. Когда меня привели впервые, он

долго читал сопроводительные бумаги. Это был довольно плотный краснолицый пожилой человек. За спиной его висели иконы, лампадка. Прочитав мои бумаги, он аккуратно сложил их, вышел из-за стола и, заложив руки за спину, спросил:

— Заповеди тюремные знаешь?

— Никак нет!

— Ну и дурак. Слушай и запоминай. Заповедь первая: клопов на стенке не дави. Заповедь вторая: начальство не гневи.

На этом и закончилось наше первое знакомство. В дальнейшем мне еще не раз пришлось встречаться с этим человеком и узнать его поближе. Вандяев был прежде просто матросом. Потом выслужился и очень дорожил своим званием и местом. Второй заповедью он и сам неукоснительно руководствовался в своей жизни, стараясь никогда не вызывать недовольства начальства. Когда ему доводилось встречаться со старшими по чину, он отдавал им честь не хуже строевого матроса. Если звонил по телефону главный командир кронштадтского порта Вирен, Вандяев разговаривал с ним только стоя. А если был в фуражке, то прикладывал руку к козырьку. Конечно, он знал, что начальник не мог этого видеть. Расчет служаки был прост: рано или поздно о его подобострастии Вирену расскажут. Авось учтется при случае...

Заключенных Вандяев не притеснял, на нарушения тюремного режима смотрел сквозь пальцы. Я убедился в этом в первую же ночь. Когда начал было уже засыпать, вдруг услышал какую-то возню у двери. Пулей сорвался со своей деревянной полки и приник к крохотному окошку. Выводной пытался открыть замок. Увидев меня, он сделал предостерегающий жест. Я не знал, что и думать... Но вот дверь распахнулась, и передо мной возник улыбающийся Сладков. Чего-чего, а такой встречи я, конечно, не ожидал. Оказалось, Иван Давыдович — мой сосед. Сидит уже давно. Здесь же находился и Ерохин с «Цесаревича», которого мы столь тщетно ожидали в Гельсингфорсе. Я затащил Сладкова к себе. Скоро пришел и Ерохин. На мой вопрос, как это им удалось договориться с охраной, они ответили, что матросы из караульной команды, когда началь-

ство покидает тюрьму, разрешают заключенным видеться друг с другом.

Разговаривали мы почти до утра. Из слов товарищей узнал все, что произошло с ними после того, как «Павел I» покинул Кронштадт. Сладков, получив обещанные прокламации из Петрограда, как мы и уславливались, отнес пачку Ерохину на

линкор «Цесаревич». Тот спрятал листки, попросив принести еще. На другой день Сладков, сказавшись нездоровым, не пошел проводить занятия с матросами, а, нагрузившись листовками, отправился в док. Уйти ему было просто, потому что, как инструктор, он имел постоянный увольнительный билет. Сладков не подозревал, что за ним уже следили. Поднявшись на корабль, он обратился к вахтенному офицеру и спросил, нельзя ли ему повидать земляка. Тот приказал Сладкову пройти в рубку, а сам направил посыльного за старшим офицером корабля. Иван Давыдович понял, что дело неладно. Но деваться было некуда. Появившийся старший офицер, видимо, уже знал что-то о Сладкове. Грубо ругаясь, он начал обыскивать Ивана Давыдовича и вскоре вытащил у него из-под поясного ремня пачку политических листков.

Ерохин в это время в кочегарной бане стирал белье. Его вызвали и заставили открыть рундук. В нем нашли прокламации. Обоих подпольщиков отправили на пристань, где их уже ждала машина жандармского отделения.

Сладков рассказал также, что арестованы еще два члена подпольной организации — Кузнецов-Ломакин и Филимонов. Оба они содержатся в этой же тюрьме, но в другом помещении. До остальных охранка пока как будто не добралась. Сказать точнее он не мог — давно не было вестей с воли.

Сладкова и Ерохина допрашивали уже несколько раз. Им тоже показывали фотографии. Иван Давыдович знал почти всех, но, конечно, никого не признал.

Я спросил у Сладкова, каким образом попал в руки жандармов наш шифр, да к тому же с моим адресом. Он нахмурился, опустил голову.

— Моя вина, — сказал он глухо. — Надо было выучить наизусть, а бумажку уничтожить... Пытался я на допросе выгородить тебя, придумал историю. Не поверили...

Безусловно, Сладков допустил вопиющую небрежность. Однако сердиться на него я не мог. Мы договорились, как дальше держаться на допросах, и разошлись.

Порядок в военно-морской следственной тюрьме был своеобразный. Спали здесь в основном не ночью, а днем.

[26]

Ночью же заключенные навещали друг друга, в общих камерах резались в карты и даже пили неизвестно как добытую водку. Караульная команда, несшая службу внутри тюрьмы, не препятствовала этому. Снаружи тюрьму охраняли солдаты кронштадтского гарнизона, которые к тюремным делам не имели

никакого отношения.

Но однажды один из дежурных офицеров при коменданте после проверки внешнего караула ненароком заглянул в окно общей камеры. Зрелище, представшее перед ним, потрясло его. В камере шло лихое веселье чуть ли не с плясками. Ничего не понимая, прапорщик начал стучать по решетке. На него долго никто не обращал внимания. Наконец к окну подошел матрос. Увидев офицера в армейской форме, он с минуту подумал, потом снял штаны и прижал к стеклу ту часть тела, которую обычно деликатно называют местом пониже спины. Прапорщика чуть удар не хватил. Несмотря на позднее время, он помчался к начальнику тюрьмы. Вандяев не любил, когда кто-то совал нос, куда ему не положено, и, видимо, решил проучить молодого прапорщика. Согласившись, что случай этот вопиющий и его ни в коем случае нельзя оставить без внимания, он сказал, что заняться этим инцидентом лучше с утра. После завтрака Вандяев привел жалобщика в камеру и приказал арестованным построиться. Боцман из караульной команды доложил, сколько людей в наличии и что ночью никаких происшествий не было.

— Врешь небось! — строго сказал начальник тюрьмы. — Вот его благородие говорит, что было.

Заложив за спину руки, он не спеша прошелся вдоль строя заключенных матросов.

— Что же это вы, охальники, делаете? Разве мыслимо показывать чужому человеку голую задницу, да еще офицеру? А ну, признавайтесь, кто это сделал?,

В ответ — молчание. Тогда Вандяев еще раз изложил суть дела. Из рядов послышалось хихиканье. Прапорщик покрылся багровыми пятнами. Вандяев повернулся к нему и с сожалением произнес:

— Не сознаются, подлецы... Может быть, вы в лицо... или еще как узнаете?

Раздался взрыв смеха. Однако Вандяев и бровью не повел. На полном серьезе он уговаривал прапорщика, чтобы он постарался узнать обидчика.

Офицер понял, что над ним откровенно издеваются. Трясясь от негодования, он поспешно удалился.

Однажды в тюрьме поднялся невообразимый переполох.

[27]

И арестованные из общих камер, и матросы караульной команды начали авральным порядком наводить чистоту: мыли, скребли, подметали каждый уголок. В нашем карцере тоже чистили все, даже то, что не поддается чистке... Я не мог

сообразить, в чем дело. Кто-то шепнул, что ждут самого адмирала Вирена — главного командира порта и военного губернатора Кронштадта. Этого человека боялись. Это был монархист, до фанатизма преданный царской фамилии. Назначенный в Кронштадт как начальник, способный искоренить «крамолу», он ввел в крепости суровейший режим. К нижним чинам Вирен придирался особенно беспощадно. Он всегда находил предлог, чтобы наказать матроса. Иногда доходил до того, что заставлял моряков прямо на улице расстегивать брюки, и смотрел, есть ли на белье казенная метка. Поэтому, завидев адмиральскую пролетку, нижние чины бросались куда глаза глядят. Вирена люто ненавидели. Впоследствии царскому сатрапу дорого обошлась его свирепость.

Прослышав о том, что во вверенной ему тюрьме содержатся важные государственные преступники (так именовала нас охранка), Вирен пожелал самолично взглянуть на бунтовщиков. К его приезду все внутри сверкало чистотой не хуже, чем на палубе боевого корабля. Охрана тоже выглядела так, что хоть на парад.

Меня приезд адмирала волновал мало. Правда, любопытно было увидеть человека, о котором так много говорили. Вскоре он появился. Моя клетушка располагалась ближе всех к входу. Очевидно, поэтому Вирен и начал с нее. Вандяев зычным голосом приказал мне встать возле двери. Я повиновался. Через окошко были видны лишь шея и грудь адмирала, увешенная орденами. Мне велели развязать тесемки на воротнике форменной рубахи. Я выполнил это требование. Адмирал интересовался, есть ли у меня на шее крест. Крест у меня был. Носил я его по двум причинам. Во-первых, мать взяла с меня клятву, что я не сниму его за все время военной службы, а во-вторых, он нужен был мне для маскировки.

Вирен озадаченно помолчал, потом громко сказал:

— Другой и два наденет!

Возле камеры Ерохина он не стал задерживаться, возможно, потому, что матрос служил на корабле, не приписанном к Кронштадтской базе. Зато, увидев Сладкова, разошелся вовсю: топал ногами, кричал на всю тюрьму, что это позор для флота, когда унтер-офицер выступает против отечества.

[28]

Я уверен, что, будь у Вирена на то право, он, не задумываясь, повесил бы нас в назидание другим. Пока же адмирал довольствовался криком. К счастью, он вскоре уехал.

22 февраля 1916 года (это было через несколько дней после визита Вирена) Сладкову, Ерохину и мне надели наручники. А

некоторое время спустя вывели за ворота тюрьмы. Сначала мы думали, что идем к пристани, но оказалось — на Павловскую, в казарму учебно-минного отряда. Там нас посадили в карцер.

Когда конвойные удалились, к окошку стали подходить матросы и спрашивать, не нужно ли нам чего. В щель под дверью они просовывали разную снедь. Это сочувствие к нам растрогало даже сурового Сладкова.

— Легче дышится, когда знаешь, что на свободе остались друзья и соратники, — задумчиво сказал он.

Матросская солидарность вызвала в нас прилив новых сил, зарядила бодростью.

Только одну ночь провели мы на Павловской улице. Утром отправились к Петроградским воротам, где формировались этапы. Здесь произошел небольшой инцидент. Начальник конвоя — унтер-офицер — отказался принять нас в наручниках, ссылаясь на устав, по которому нижние чины, неразжалованные и носящие форму, не должны заковываться. Наши охранники вступили с ним в спор. Однако унтер-офицер был непреклонен. Начались переговоры по телефону с Вандяевым. В конце концов пришел боцман из тюремной караульной команды и снял наручники. Мы были от души благодарны начальнику конвоя. Как хорошо, что он назубок знал воинские уставы!..

Из Кронштадта в Ораниенбаум этап двинулся по льду. Там сели в арестантский вагон. Отправления прождали несколько часов. Наконец поезд тронулся. И хотя уже стемнело, нам удалось определить, что едем мы в Петроград.

На Балтийский вокзал прибыли поздно вечером. Арестованных несколько раз пересчитали, а потом долго вели по улицам вдоль Обводного канала. На ночлег разместили в Пересыльной тюрьме, всех в одной камере.

Название тюрьмы было в известной мере условным. Здесь сидело немало людей, приговоренных к бессрочным каторжным работам. Проходили годы, а они все дожидались пересылки и уготованных им работ. С нами, однако, этого не случилось. Ни свет ни заря нас подняли, в кабинете начальника устроили беглый опрос, затем, сформировав группу человек в двадцать пять, куда-то погнали. Невы-

спавшиеся, мы устало шагали по темным улицам огромного города, таща с собой пожитки, завернутые в одеяла.

Первую остановку сделали в тюрьме предварительного заключения. Здесь от группы отделили нескольких человек. Оставшиеся проследовали на Выборгскую сторону к «Крестам». И

там кого-то оставили. Так от тюрьмы к тюрьме таял наш этап, пока в нем не остались Сладков, Ерохин и я. Конвой же был в прежнем составе. Редкие ночные прохожие с изумлением смотрели на странную процессию — трех исхудавших матросов сопровождали десять солдат с обнаженными шашками.

На какой-то малолюдной улице Петроградской стороны незнакомая женщина неожиданно бросилась к нам. Конвойные не успели опомниться, как она сунула мне в руку какую-то бумажку и убежала. У меня взволнованно забилось сердце: наверно, друзья с воли что-то сообщают нам. Когда тревога среди охраны улеглась, я осторожно разжал кулак. В нем оказалась не записка, а трехрублевая купюра...

Мы продолжали шагать. Все известные нам тюрьмы Петрограда уже обойдены. Оставалась одна, о которой не хотелось думать. Однако вскоре именно она и предстала перед нашими взорами. Это была Петропавловская крепость, куда самодержавие отправляло самых опасных своих врагов. Высокой же чести мы удостоились!

Миновали тяжелые железные ворота, прошли по булыжной мостовой мимо собора и очутились перед двухэтажной постройкой. Здесь наше внимание привлекла одна деталь. К подъезду дома было приделано решетчатое сооружение — нечто вроде железной клетки, запертой снаружи на замок. Чтобы войти в здание, нужно было сначала проникнуть внутрь этой клетки, в которой стоял часовой с винтовкой. Такого мы еще не видели...

Сладков лишь покачал головой. Ерохин мрачно процедил:

— Одним словом — Петропавловка...

Как только мы вступили в нее, нас разъединили.

Вскоре меня втолкнули в какую-то комнату и приказали раздеться догола. Все вещи собрали и унесли. Взамен выдали белье, грубые туфли и суконный халат. Обрядив таким образом, меня отвели в одиночку и закрыли снаружи на засов.

Камера была довольно просторной — десять шагов в длину и пять в ширину. Потолок высокий, сводчатый. Почти посредине, поперек, — железная кровать, намертво вде-

ланная в пол и стену. Возле нее на кронштейнах полочка, выполнявшая роль стола. Чуть выше, в стене, — электрическая лампочка, несколько в стороне — вторая, послабее. Та, что поярче, включалась вечером и утром на определенное время. Другая же горела всю ночь, чтобы из коридора можно было видеть, чем занимается заключенный. Включались и выключались они в коридоре. В углу камеры, у стены, где дверь, — унитаз и

умывальник. Вот и вся обстановка.

Окно камеры с толстой решеткой находилось высоко, сквозь него виднелся лишь маленький кусочек неба. Ни стула, ни табуретки не было. Дверь массивная, с глазком и форточкой, через которую подавали пищу. Глазок застеклен, с заслонкой снаружи. Открывалась она всегда внезапно — в коридоре лежали половики, а надзиратели носили мягкую обувь, их шаги не были слышны.

Меня это око страшно раздражало. Когда в него кто-то смотрел, у меня было чувство, будто мое тело протыкают шилом. Угнетала также мертвая тишина. А шуметь и разговаривать запрещалось категорически. Еду подавали молча, на прогулку выводили молча, в баню вели молча. Это тоже действовало на психику, и иногда хотелось кричать в полный голос.

В первый день пребывания в камере меня поразил ее резонанс. Стукнешь миской по столу — и отзвук долго не замирает. Удивленный этим эффектом, я попробовал запеть. Тотчас же открылась форточка, и мрачный голос из-за двери произнес:

— Петь не разрешается!

Я умолк, походил немного и начал насвистывать. Форточка вновь открылась, и тот же голос напомнил:

— Свистеть не разрешается!

Затем надзиратель протянул мне тоненькую книжицу в синем переплете. Это была инструкция. Из нее я узнал, что можно делать заключенному, а чего нельзя. За нарушение режима полагались различные наказания, вплоть до строгого карцера. Делать нечего, надо подчиняться.

Режим Петропавловки был таким, что заключенный постоянно чувствовал одиночество, днем и ночью находился под пристальным взглядом. На прогулку (очень короткую — всего полчаса) выводили только по одному. Надзиратель приносил шинель, фуражку, брюки и сапоги, присутствовал при одевании и выводил во внутренний дворик. Там полагалось шагать по кругу. От подъезда следил за

заключенным крепостной солдат, а с другой стороны вышагивал жандарм.

Раз в две недели водили в баню, находившуюся тут же, во дворе. Два конвоира оставались в раздевалке, а двое других дежурили внутри, как бы выполняя роль банщиков. Они не разрешали заключенному самому наливать воду в тазик, если надо, помогали тереть спину. И все это без единого слова.

Заключенному не давали в руки ничего, что могло бы в какой-то степени послужить оружием. Нужно, скажем, остричь ногти — приходил надзиратель с ножничками и выполнял эту нехитрую процедуру. Он же пришивал и отлетевшую пуговицу. Полотенце выдавали утром и отбирали перед сном.

Питание было скудное. Утром давали кипяток и заварку, ломоть белого хлеба. На обед приносили жиденький суп, а на второе чаще всего кашу. На ужин опять же каша и толченая картошка...

В гнетущей обстановке Петропавловской крепости было одно светлое пятно — заключенным разрешалось читать книги из тюремной библиотеки. Запас литературы в ней был весьма большой. Процедура получения ее была такая. В камеру передавались список литературы и грифельная доска. На ней надо было написать названия интересующих произведений и молча возвратить надзирателю.

Прежде мне некогда было особенно читать. Теперь это стало моей единственной утехой. Я буквально набросился на русскую классику, проштудировал многотомную историю России Соловьева.

Иногда, начитавшись, забирался под жесткое тюремное одеяло и подолгу не мог уснуть. Думал о воле, о родных, о товарищах с корабля. Что и как у них? Все ли на местах? Размышлял и о предстоящем суде. Надежды на благоприятный исход не было. Если уж упекли в Петропавловку, — значит, дело серьезное. Недаром, видно, жандармский генерал пугал на допросе виселицей... Мне не совсем было ясно, почему меня, молодого матроса и довольно неопытного подпольщика, поместили в тюрьму, в которой содержались самые опасные враги самодержавия. За что мне такое отличие? Ведь если смотреть на вещи объективно, то я ничего особенного сделать не успел. Неужели матрос 2-й статьи Николай Ховрин представляет столь серьезную опасность для царизма? Сказать по правде, я даже загордился на какое-то время. Но постепенно все же понял, что дело вовсе не во мне лично, не в Ерохине и Сладкове. Са-

ми по себе мы не представляли никакой опасности для существующего строя. Царизм, несомненно, пугала наша принадлежность к партии большевиков. Правительство не без оснований опасалось, что большевики могут повернуть за собой рабочих и крестьян, одетых в солдатские и матросские шинели. И если это произойдет, то самодержавию — конец. Я и мои товарищи были страшны властям, потому что они видели в нас

частичку организованной силы, подрывавшей армию изнутри.

Дни в заключении были однообразны и до мелочей похожи один на другой. Лишь изредка они нарушались чем-либо необычным. Однажды ко мне в камеру пожаловал начальник тюрьмы, заявивший, что в его обязанности входит опрашивать заключенных, желают ли они говеть, исповедоваться и причащаться. Я подумал: если соглашусь, то смогу увидеться с Ерохиным и Сладковым в церкви. Там сумеем как-нибудь перекинуться словечком.

— Желаю и говеть, и причащаться, — ответил я.

Однако мой расчет на встречу с товарищами не оправдался. Вместо церкви меня отвели в одну из соседних камер. Она была точной копией моей. Разница состояла лишь в том, что кровать и унитаз были закрыты простынями, а к стене прислонен складной иконостас. Старенький священник елейным голоском стал расспрашивать меня о совершенных грехах. Я вяло отвечал, что уже долго сижу в заключении и грешить не имел возможности. А в душе корил себя за то, что свалял дурака. Однако сразу уйти считал неудобным.

Помолчав немного, попик подвел меня к окну и, указывая на голубой квадрат, сочувственно спросил:

— На волю-то хочется, а?

— Еще как, батюшка! — в тон ему ответил я.

— Так ты скажи мне, за что тебя жандармы арестовали, покайся...

Я усмехнулся и посмотрел на священника так, будто передо мной была гадюка.

На этом и закончилась моя первая и последняя исповедь в тюрьме.

Несколько дней спустя произошло событие, которого я никак не мог ожидать. Утром меня привели в комнату для свиданий — помещение, разделенное на две части железными сетками. За столом сидел знакомый уже начальник тюрьмы. Внезапно открылась противоположная дверь, и я

увидел мать — бледную и исхудавшую. Она бросилась к решетке, протягивая навстречу руки.

— Мама, как ты сюда попала? — ошеломленно спросил я.

Она, словно не слыша моих слов, смотрела и смотрела на меня сухими, блестящими глазами, а потом вдруг сказала тихо, отрешенным голосом:

— А Лешеньку-то убили...

Я почувствовал, что горло сдавило, как клещами, стало трудно дышать. Погиб на фронте младший брат, которого я так любил. Мать что-то торопливо говорила, но ее слова не доходили до сознания, потому что в ушах стояло одно: «А Лешеньку-то убили...» Так и прошло, точно в полусне, это короткое и неожиданное свидание.

Ночью, лежа на спине и глядя в потолок, я гадал, кто мог сообщить матери, что я нахожусь в Петропавловской крепости. Неужели с корабля? Нет, скорее всего это сделали жандармы. Им нужно сломить мою волю.

На следующий день вызвали на допрос.

В комнате, куда меня привели, я увидел гельсингфорсского знакомого жандармского генерала Попова. Он сидел за письменным столом, а на подоконнике довольно-таки легкомысленно примостился какой-то чин в форме министерства юстиции.

— Ну-с, Ховрин, — сказал Попов почти весело, — вот мы опять встретились. Теперь нам уже все известно, и отпирательства ни к чему. Хочу предупредить, что чистосердечным признанием еще можно смягчить свою вину. А теперь рассказывай все, что знаешь, назови тех, кто вовлек тебя в преступное сообщество.

Я равнодушно проговорил:

— Не могу знать!

Попов насупился, краем глаза взглянул на чиновника, сидевшего на подоконнике, потом стал быстро задавать вопросы, из которых я понял, что он действительно многое знает, пожалуй, даже больше, чем я сам. Однако я по-прежнему упорствовал:

— Не могу знать!

Как и в Гельсингфорсе, Попов быстро вышел из себя. Человек на подоконнике чуть заметно улыбался, наблюдая этот спектакль. Ничего не добившись и в этот раз, жандармский генерал велел меня увести.

В камере я долго ходил из угла в угол, пытаясь понять, откуда Попов знает подробности о работе нашей подполь-

ной организации. Неужели кто проговорился? Как необходимо было увидеться с товарищами!..

Ответы на свои вопросы я получил только тогда, когда познакомился с обвинительным заключением. Было это так. Утром в камеру принесли одежду, как это всегда делалось перед прогулкой. Но на этот раз меня вывели за ворота, возле которых стояло пять тюремных карет, и усадили в одну из них. Примерно

через полчаса я был уже в здании суда. Там увидел всех арестованных по нашему делу. Среди них был и мой первый наставник по большевистскому подполью Василий Марусев.

Поговорить с друзьями не удалось. Мы только издали улыбались друг другу. Всего обвиняемых оказалось двадцать человек. Штатских было только трое, остальные — матросы. Нас поодиночке подводили к столу и вручали по экземпляру обвинительного акта.

Вернувшись в камеру, я углубился в чтение бумаги. Все мы обвинялись в создании нелегальной организации, ставившей себе целью насильственное изменение существующего строя, в распространении запрещенной литературы и листовок, в агитации против правительства, в попытке разложить армию. Из акта явствовало, что подпольная большевистская организация на Балтике распространила свое влияние на весь флот.

Несмотря на арест группы организаторов подполья, партийная работа среди матросов не ослабла. По этому поводу начальник кронштадтского жандармского управления доносил: «В настоящее время почти на всех судах замечается приподнятое настроение... Идейные руководители подпольной работы на военных судах всячески удерживают матросов от единичных выступлений, подготовляя соответствующую обстановку на случай общих выступлений и учитывая возможность активных выступлений со стороны рабочего класса, могущих оказать решительное влияние на изменение существующего государственного строя...»

Из этого документа видно, что жандармы и сами поняли, что им не удалось разгромить большевистскую организацию.

В момент ареста я слабо представлял себе размах партийной работы на флоте. Полная картина вырисовалась значительно позже.

Кронштадтской организацией РСДРП, взявшейся объединить подпольщиков Балтики, руководили замечательные люди ленинской закалки. Среди них в первую очередь хочется назвать Степана Лысенкова, Ивана Дудина,

Тимофея Ульянцева, Владимира Зайцева, Ивана Сладкова. Эта организация распространила свое влияние сначала на учебные отряды и учебные корабли, стоявшие в Кронштадте, на воинские части и службы крепости. Следующий этап — связь с основными базами Балтийского флота — гельсингфорсской и ревельской. Руководить всем флотским подпольем стал Главный судовой коллектив. Его основной опорой в Гельсингфорсе были

большевики линейного корабля «Император Павел I», а в Ревеле — крейсера «Россия».

Главный судовой коллектив имел тесный контакт с Петербургским комитетом РСДРП, получая от него инструкции, литературу, листовки. Для работы в Кронштадте Петербургский комитет направил профессиональных революционеров К. Орлова (Егорова), А. Михельсона и рабочего М. Стакуна. Наиболее опытным среди этих товарищей был Кирилл Орлов — подпольщик с большим стажем, участник Севастопольского восстания 1905 года, не раз судимый царскими властями. Он изведал тюрьмы и ссылки, бывал за границей. В деятельности кронштадтской организации он играл большую роль.

В конце 1915 года охранке удалось напасть на след некоторых членов РСДРП. Одним из первых на заметку был взят Сладков. За ним установили слежку, выяснили, с кем встречается. Арестовали в тот момент, когда он нес листовки. От Сладкова ниточки протянулись ко мне и Ерохину. Одновременно под стражу взяли матросов Власа Филимонова и Федора Кузнецова-Ломакина. Оба — ближайшие помощники Сладкова. Охранка установила, что они, бывая в Петрограде, посещали квартиры революционеров, взятых па учет жандармами. На этой пятерке и замкнулся круг. Ни один из нас не дал никаких показаний.

Но у охранки на примете был еще один человек — унтер-офицер с крейсера «Россия» Брендин. Он находился в товарищеских отношениях с Тимофеем Ульянцевым — руководителем корабельной подпольной организации и одним из членов Главного судового коллектива. Ульянцев доверял Брендину и, когда узнал, что тот по болезни уходит в шестимесячный отпуск, решил использовать его для связи с Гельсингфорсом. Брендина снабдили адресами гельсингфорсских подпольщиков. В том числе поручили связаться с Марусевым и со мной, дали письмо к надежному человеку, работавшему на ремонтном заводе, чтобы тот помог Брендину устроиться на квартиру.

Приехав в Гельсингфорс, унтер-офицер связался с под-

польщиками. От нашей корабельной организации к нему ходили Марусев и Дмитриев. В это время Брендин и попал на подозрение охранки. За ним установили наблюдение.

Когда арестовали Сладкова и его товарищей, Главный судовой коллектив немедленно уведомил об этом Брендина и посоветовал ему быть осторожнее. Получив это предостережение, Брендин растерялся и пал духом. Он перестал выходить из дому,

очевидно, чтобы не привлекать к себе внимания. Но при этом и в голову не пришло уничтожить или хотя бы спрятать адреса и другие компрометирующие материалы.

Арестовали его с богатым «багажом». Нити, которые Брендин дал в руки жандармам, позволили им схватить в Кронштадте Ульянцева, Мусьяченко и Писарева, в Петрограде — Орлова, Михельсона и Стакуна, в Гельсингфорсе Марусева, Варюхина, Мурашова, Вахрамеева. Последнего, правда, арестовали по ошибке, но об этом я скажу несколько дальше.

И. И. Вахрамеев

И. И. Вахрамеев

На допросах Брендин рассказал все, что знал (а знал он немало). Когда ему устроили очную ставку с арестованными, он стал всех подряд признавать членами подпольной организации. При этом даже оговорил человека, который попал в руки охранки случайно.

Арестовать должны были и Федора Дмитриева — участника нашей корабельной подпольной организации. Он приходил вместе с Марусевым на встречу с Брендиным. Но шпики в тот раз

хорошенько не рассмотрели Дмитриева и впоследствии спутали его с матросом Вахрамеевым, который был такого же роста и тоже брюнет. Увидев однажды на улице Вахрамеева вместе с Марусевым, шпики решили, что он и есть тот самый человек, который приходил к Брендину. Его выследили, узнали, на каком корабле служит, и схватили. Когда на допросе жандармы показали Брендину фотографию Вахрамеева, вконец запутавшийся унтер-офицер подтвердил, что это и есть матрос, приходивший к нему с Марусевым. Так нежданно-негаданно Вахрамеев очутился среди обвиняемых. Однако он ничем не дал понять жандармам, что это ошибка, дабы они не смогли добраться до Дмитриева.

Впоследствии, узнав о показаниях Брендина, Кирилл Орлов и Тимофей Ульянцев стали считать его провокатором охранки. Но я думаю, что они ошибались, Брендин просто был малодушным человеком. Если бы он действительно был агентом охранки, его вряд ли дали бы в обиду, не поз-

волили бы уголовникам издеваться над ним. А Брендина били смертным боем во всех камерах, где он сидел, и даже в тюремном лазарете. К началу суда он был уже полным инвалидом.

Суд над двадцатью участниками подполья начался 26 октября 1916 года под председательством генерал-лейтенанта Алабышева. Членами суда были капитаны 1 ранга Теше и Махлин. От обвинения выступал помощник военного прокурора Шпаковский. Первые три дня нас возили из Петропавловской крепости в каретах, но вскоре чины жандармерии одумались и поместили нас в карцер Гвардейского флотского экипажа, казармы которого находились на той же улице, что и суд.

Там я познакомился с теми подпольщиками, кого еще не знал. Сильное впечатление произвел на меня Тимофей Ульянцев — человек, напомнивший мне горьковского Данко. Он был предан революции до самозабвения и делал все, что мог, чтобы приблизить ее. Для него не существовало личной жизни, он всегда был занят партийными делами. Ульянцев горел сам и зажигал других. О себе думал меньше всего. Я уверен, что для революции он, не колеблясь, вырвал бы, как Данко, собственное сердце.

Ульянцев попал на флот в 1909 году, служил во флотском экипаже, в учебно-минной школе, на минном заградителе «Онега», на тральщике и на крейсере «Россия». Последние месяцы

перед арестом он провел в 1-м Балтийском флотском экипаже. И повсюду он сплачивал вокруг себя матросов, разъяснял им цели и задачи большевистской партии, раскрывал перед ними язвы существующего строя. Ульянцев был одним из организаторов Главного судового коллектива. Работу вел умело и осторожно. Лишь провокатор Шиба помог охранке напасть на его след.

Внешний облик Ульянцева на всю жизнь остался в моей памяти таким, каким я увидел его на суде, — высокий, худощавый, порывистый, с большими и всегда блестевшими глазами. Говорил он с убежденностью и страстью, подчеркивая слова взмахом руки и глядя собеседнику в глаза. Товарищи любили его, враги боялись.

После Февральской революции Ульянцев стал одним из самых авторитетных руководителей кронштадтского гарнизона.

Убежден, что таким, людям, как Тимофей Ульянцев, надо ставить памятники.

[38]

Царский суд считал Ульянцева главным организатором подполья в Кронштадте. Однако в его распоряжении было мало улик как против Ульянцева, так и против других обвиняемых. Основными документами служили прокламации, найденные при аресте Сладкова и Ерохина. Кроме то го, в деле фигурировал шифр, составленный мной и Сладковым (с моим адресом на полях). Были приобщены также письма и адреса, найденные у Брендина, использовались агентурные сведения. Среди арестованных были люди, которым вообще нечего было предъявить. Например, Филимонова и Кузнецова-Ломакина арестовали только потому, что они были друзьями Сладкова. Совершенно не в чем было обвинить матроса Николая Писарева.

Самым страшным и крамольным, с точки зрения царских судей, был текст прокламации. Я приведу его почти полностью:

»Солдаты! Вас, которых оторвали от родных гнезд, разлучили с женами и детьми, во имя чего и чьих интересов заставили вас идти сражаться с врагом, которого вы раньше не видели и не знали? Для кого нужны те потоки крови и горы трупов, которыми устланы галицийские поля и Карпатские горы?.. Нет, нам не нужна война. Не в наших интересах она затеяна. Война... затеяна в интересах крепостников дворян и хищнической буржуазии... Не пора ли задуматься над вопросом, чтобы самим положить конец этой бессмысленной войне?.. Не пора ли обернуть... штыки против угнетателей народа помещиков, буржуазии, царизма? Да, товарищи, пора! Прислушайтесь, что говорят передовые рабочие, организуйте ротные, батальонные и полковые солдатские

дружины, читайте, распространяйте листки, подготовляйтесь и подготовляйте товарищей, чтобы, организовавшись, выступить вместе с революционным пролетариатом на борьбу с царским самодержавием и кровожадно-хищными капиталистами... Только совместной борьбой мы завоюем себе лучшую долю... Становитесь в ряды революционной армии под красным знаменем РСДРП! Один за всех, и все за одного! Да здравствует революционное объединение солдат и рабочих! Долой царское самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует конфискация земель!»

Содержание прокламации суду казалось настолько страшным, что ее решили не зачитывать. Основные усилия обвинения сводились к тому, чтобы доказать, что все арестованные являются членами преступной антиправительственной организации, угрожающей безопасности государ-

ства. На этом основании прокурор требовал применить к нам самую суровую меру наказания. Защитники же доказывали, что многие из нас не связаны друг с другом и не могут быть причислены к единой организации.

Защита у нас была хорошая. Петербургский комитет РСДРП пригласил пятерых прогрессивно настроенных адвокатов (официально же считалось, что к ним обратились сами подсудимые и их родственники). Они быстро нащупали слабые места обвинения и делали упор на слабость улик. Прекрасно зная законы и судопроизводство, они цеплялись за каждый сомнительный пункт. Ожесточенные споры между защитой и обвинением вспыхнули, например, по поводу записки, переданной Ульянцевым Брендину. Записка эта предназначалась для подпольщиков с линейного корабля «Павел I». В ней, в частности, сообщалось, что «были трения по поводу работы комитета». Первая буква в слове «трения» была написана не очень разборчиво. Обвинение доказывало, что первую букву следует читать, как «п», и, значит, все слово должно читаться, как «прения». Защита же настаивала на букве «т». Суть этого спора заключалась в том, что если непонятное слово обозначает прения, то это говорит о том, что происходило заседание комитета, то есть комитет существовал и работал. Если же речь шла о трениях, то это вовсе не говорило о том, что комитет существует, ибо мог идти разговор лишь о его будущей работе.

Дебаты были длительными, и ни одной из сторон не удалось убедить другую.

Несмотря на слабость улик, суд наверняка приговорил бы многих к повешению, если бы не произошли события, заставившие его быть крайне осторожным в выборе меры наказания. На защиту подсудимых поднялась такая сила, перед которой дрогнули нервы власть имущих.

Большевики Петрограда, внимательно следившие за процессом, пришли на помощь. По призыву столичного комитета РСДРП рабочие города объявили политическую забастовку. За два дня до открытия суда на петроградских предприятиях появилась листовка Петербургского комитета РСДРП, в которой говорилось: «Товарищи рабочие!

26 октября состоится суд над теми из наших товарищей матросов, кто захотел включить свои силы в революционное движение рабочего класса. Им осмеливаются угрожать смертью за то, что они в душных казармах сохранили ясность революционного сознания. Несмотря ни на

[40]

какие угрозы военного положения, товарищи матросы не захотели, не смогли быть бессловесным орудием в руках шайки грабителей, упивающихся никогда не виданной прибылью, барышами от устроенной ими всемирной бойни.

Царский суд хочет из матросов сделать преступников, но для нас они останутся примером. Мы знаем, что они идут за дело народа, против угнетения его господствующими классами и царской монархией.

...Товарищи матросы и солдаты! Мы заявляем свой голос возмущения против смертельной расправы с вами. В знак союза революционного народа с революционной армией мы останавливаем заводы и фабрики. Над вами занесена рука палача, но она должна дрогнуть под мощным протестом восстающего из рабства народа.

Долой суд насильников! Долой смертную казнь! Да здравствует стачка протеста! Да здравствует единение революционного пролетариата с революционной армией!»

Пролетариат столицы откликнулся на призыв большевиков. В тот день, когда начался суд, остановились десятки заводов и фабрик. Сто тридцать тысяч рабочих включились в политическую стачку. Замерли станки крупнейших заводов, выполнявших заказы армии.

И царский суд дрогнул перед силой пролетарской солидарности, не посмел расправиться с обвиняемыми, как намеревался. В последний день суда мы, стоя, выслушали

приговор, произнесенный от имени Российской империи. Тимофей Ульянцев приговаривался к восьми годам каторжных работ, Брендин — к семи, Сладков — к шести и Орлов — к четырем. Дело о Ерохине было выделено в отдельное производство, потому что незадолго до конца процесса с ним случился в карцере сильнейший нервный припадок и его увезли в госпиталь. Остальных суд не признал виновными из-за недостаточности улик.

Так рабочие Петрограда спасли жизнь подпольщиков-матросов.

Приговоренных к каторжным работам сразу же увезли. Стакуна и Михельсона, как лиц гражданских, отпустили, других направили сначала все в тот же карцер Гвардейского экипажа, а оттуда под конвоем перевезли в Кронштадт. Несмотря на решение суда, нас не собирались отпускать.

Нас ждали новые мытарства.

[41]

«ДОЛОЙ ЦАРЯ!»

На Балтике было три флотских экипажа. 2-й и Гвардейский размещались в Петрограде, а 1-й — в Кронштадте. 1-й Балтийский флотский экипаж находился на особом положении. Туда, как в ссылку, отправляли всех неблагонадежных матросов. Еще накануне войны комендант Кронштадтской крепости в одном из писем с раздражением замечал, что экипаж переполнен «всеми отбросами флота», и требовал, чтобы поднадзорных матросов высылали куда-нибудь подальше от столицы. Но, видимо, число неблагонадежных было слишком велико. Вплоть до Февральской революции в кронштадтских казармах находились сотни сосланных с различных кораблей моряков.

В сумрачный осенний день под конвоем туда же направили и нас. Определили во вторую роту «временно пребывающих». Сюда зачисляли наиболее провинившихся. В самом подразделении еще раз рассортировали. В первом взводе оставили более или менее терпимых, с точки зрения начальства. В четвертый отобрали самых опасных. Нас, оправданных по суду, закрепили именно за четвертым взводом.

Во всех взводах второй роты обмундирование было разным. В первом матросы носили обычную форму, установленную уставом. Во втором — лишь рабочее платье с синими матросскими воротниками поверх рубах, в третьем тоже рабочая форма, но уже без воротников. В четвертом — как в третьем, но только вместо сапог выдавали лапти. Надо полагать, что ношение лаптей было одной из форм наказания. Но нас эта обувь мало смущала. Гораздо хуже было то, что четвертый взвод находился в особом помещении, запиравшемся снаружи на замок, и мы, по сути дела, продолжали оставаться под арестом.

Распорядок дня был жестким, свободного времени не оставалось ни минуты. Особенно донимали строевые занятия, и тем более что занимались мы не во дворе, а в душном и пыльном помещении. Руководил шагистикой прапорщик, фамилию которого я не запомнил. Он строил нас

в две шеренги, заставлял маршировать вокруг кроватей.

Прапорщик требовал, чтобы мы печатали шаг. Будь на нас сапоги, мы, конечно, порадовали бы слух прапорщика. Но от лаптей какой звук? Прапорщик злился, кричал:

— Крепче ногу!

Однако желаемого эффекта не получалось. Тогда он

командовал:

— Бегом — марш!

Мы носились вокруг кроватей до тех пор, пока не надоедало нашему мучителю. Приходилось сносить все это молча — иначе грозил карцер. Наказывали нас часто. Особенно старался «подловить» матросов боцман Гусельников, отличавшийся крайней жестокостью и самодурством. Если бы не страх перед расстрелом, матросы давно бы проломили ему голову. На флоте такие случаи были. Об одном из них я услышал, когда нас переводили из кронштадтской военно-морской следственной тюрьмы в Петроград. В нашем этапе находился матрос Кожин, служивший прежде на одном из миноносцев. Издевательскими придирками корабельного боцмана он был доведен до того, что однажды, стоя на вахте, выстрелил обидчику в спину. Суд приговорил Кожина к смертной казни.

Не лучше Гусельникова был и командир экипажа капитан 1 ранга Стронский. Этот вообще не признавал иной меры наказания, кроме тридцати суток карцера. При обходе экипажа он вслушивался в доклады командиров лишь краем уха и почти каждый раз изрекал:

— Тридцать суток!

О Стронском матросы рассказывали такой анекдот. Однажды ему доложили, что ночью на конюшне околела кобыла. По своему обыкновению, не вникая в смысл доклада, он тут же распорядился:

— Тридцать суток!

Не знаю, был ли в действительности такой случай, но это в характере Стронского.

Командир 2-й роты «временно пребывающих» подпоручик Сафронов отличался непроходимой глупостью. Он выслужился из рядовых благодаря тому, что вызубрил наизусть все воинские уставы и в совершенстве отработал строевые приемы. По царским законам, дослужившийся до офицерского звания получал так называемое личное дворянство. Сафронов нанял гимназиста, чтобы тот учил его «манерам» и объяснял «заграничные» слова. Подпоручику

хотелось, чтобы и дети его носили дворянское звание. Но для этого нужно было, чтобы и жена его была из дворянского сословия. А так как супруга Сафронова происходила не из привилегированного класса, то честолюбивый подпоручик написал на имя Вирена рапорт с просьбой разрешить ему развод.

Вирен, насколько мне известно, отклонил его просьбу.

Ротный командир ничем не отличался от своих коллег-офицеров в жестокости и самодурстве. Он частенько заходил по вечерам к нам в четвертый взвод, чтобы поговорить «на умные темы». Сафронов присаживался на матросскую койку и, поманив кого-нибудь пальцем, спрашивал:

— А ну-ка, братец, скажи, что такое зенита? Не знаешь? А об обрите что-нибудь слыхал?

Подпоручик имел в виду зенит и орбиту. Не получив ответа, он самодовольно улыбался и уходил радостный, считая, что утвердил свое умственное превосходство.

Вечером, перед сном, нас собирали в углу помещения, где висела икона, и заставляли петь «Отче наш», «Богородицу», «Спаси, господи, люди твоя». На эту процедуру являлись ротный и полуротный командиры. Они ходили между нами и время от времени наклонялись то к одному, то к другому. Так они проверяли, достаточно ли громко поют молитвы матросы.

Ненавидели экипажных офицеров люто. И стоит ли удивляться тому, что во время Февральской революции Стронского и других ротных командиров восставшие застрелили в первую очередь.

Несмотря на всю тяжесть режима в 1-м Балтийском флотском экипаже, больше всего угнетали нас не свирепые порядки, а то, что мы находились под замком. Вести с воли к нам просачивались с большим трудом. Все же мы знали, что подпольная организация Кронштадта продолжает действовать, и довольно активно. Осенью 1916 года охранка произвела новые аресты, но и на этот раз ей не удалось разгромить подполье. В Кронштадте находился мой друг с «Павла I» Федя Дмитриев, направленный на учебу в машинную школу. Он сообщил, что на «Павле» все в порядке, товарищи помогают, чем могут, моей семье. Я очень хотел встретиться с ним, но это оказалось невозможным.

Во флотском экипаже мы задержались недолго. Все тринадцать «оправданных» были переведены в плавучую казарму, как она называлась официально. На деле же это

[44]

была настоящая тюрьма с соответствующими порядками. Под нее приспособили старое судно с деревянной обшивкой, построенное в переходный период между парусным и паровым флотом. Оно могло двигаться как с помощью винта, так и ветра. В кормовой части имелся специальный колодец. Через него водолаз добирался до винта и снимал его, если надо было перейти на парусный ход.

К тому времени, когда нас перевели на эту допотопную посудину, она давно уже забыла, как выглядит открытое море. С судна были сняты механизмы и рангоут с такелажем. Средняя часть была перекрыта досками, образующими нечто вроде крыши. Внутри стоял небольшой котел системы Шухова для отопления, встроены нары. Народу здесь было порядком — до сотни человек. В большинстве это были матросы с крейсера «Аскольд», присланные сюда из французского порта Тулон. На их истории остановлюсь подробнее.

Накануне первой мировой войны крейсер «Аскольд» находился во Владивостоке. Русское правительство договорилось с союзниками о том, что он будет нести боевую службу в Индийском океане, охраняя союзные суда от немецких рейдеров. Но потом «Аскольд» перевели в Средиземное море, где он действовал совместно с английскими и французскими кораблями. После полутора лет почти непрерывного плавания «Аскольд» встал на ремонт в Тулоне.

Между матросами и командирами сложились тогда весьма натянутые отношения, которые объяснялись жесткими порядками и бесчеловечным отношением к команде со стороны некоторых офицеров, и особенно инженер-механика Петерсона. В это время в Тулоне появился некий Виндинг-Гарин — русский подданный, служивший во французской армии. С его слов командованию «Аскольда» стало известно, что на корабле готовится восстание и команда якобы запаслась револьверами и винтовками. Это была чистейшей воды провокация. Дважды проведенные обыски показали, что у матросов вовсе нет оружия. На этом дело могло бы и закончиться. Но в ночь на 21 августа 1916 года под офицерским помещением в пороховом погребе «Аскольда» раздался взрыв. Немедленно начатое расследование показало, что был взорван патрон 75-миллиметрового снаряда. Из Петрограда пришла депеша: во что бы то ни стало разыскать виновных. Следствие установило, что в момент взрыва все матросы спали на своих местах. Было также доказано, что взрыв произведен с точным расчетом, чтобы не сдетонировали боеприпасы корабля. Приглашенные на «Аскольд»

французские эксперты заявили, что так подготовить взрыв можно было только при участии офицеров. Короче говоря, все данные свидетельствовали о провокации.

Но эти факты не были приняты во внимание. Суд, устроенный тут же, на корабле, признал виновными матросов. На рассвете 15 сентября четверых русских моряков расстреляли во

французском форту Мальбуск. Около ста человек списали с корабля и отправили в Россию. Почти все из них попали в плавучую тюрьму.

Они рассказали нам, что подозревают в провокации инженер-механика Петерсона. Однако прямых доказательств против него нет. Среди аскольдовцев было несколько большевистски настроенных товарищей, знакомых с нелегальной литературой. Но в массе своей прибывшие из Тулона были далеки от политики и до ареста не интересовались ею. Впоследствии многие из этих моряков связали свою судьбу с партией большевиков, участвовали в Октябрьской революции, сражались на фронтах гражданской войны.

Жизнь наша здесь была однообразной. Поднимали нас ни свет ни заря. Начиналась уборка. Воду из-за борта качали ручной помпой. Потом всех выстраивали на корме, пересчитывали и под конвоем вели в порт на работу. Чаще всего нас заставляли засыпать ямы и выбоины. Матросы впрягались в телегу, у кочегарки нагружали ее шлаком, затем тащили к местам, которые надо было выравнивать. Иногда нас посылали во двор Адмиралтейства Петра I. Тут мы перетаскивали тяжелое листовое железо. Через день-два нам приказывали эти же листы перенести на прежнее место. Это было откровенным издевательством.

Наступили холода, началась осенняя слякоть, а у нас худая обувь. Как-то я попробовал обратиться к помощнику начальника тюрьмы флотскому кондуктору Денисову. Этот рыжий детина, приложив ладонь к уху и скаля зубы, переспросил:

— Что? Не слышу, говори громче!

Глянув на наглую морду тюремщика, я понял, что просить его о чем-либо нет смысла, и ушел.

Вскоре выяснилось, что во время работы можно и отлучиться. Конвойную службу несли матросы, они отпускали нас под честное слово на час-два, а иногда и больше.

Кронштадтцы Филимонов и Кузнецов-Ломакин сумели быстро связаться с подпольщиками. Удалось побывать в городе и мне. К этому времени моя семья перебралась в Кронштадт, и я отправился прямо к своим. Мать не удержалась от слез, увидев, каким оборванцем стал ее сын. От

родных я узнал, что к ним часто захаживает Владимир Михайлович Зайцев — тот самый, с которым мы познакомились в ноябре 1915 года во время нелегального собрания в чайной. Я попросил младшую сестру Веру сбегать за ним и пригласить к нам, если его отпустят из части. Зайцев вскоре пришел.

Он коротко рассказал о важнейших событиях, о том, что комнату, в которой живут мои родители, подпольщики не раз использовали как явку, хранили в ней нелегальную литературу. Зайцев считал, что зимовать в плавучей тюрьме нам совершенно незачем и надо подумать о побеге. Он обещал организовать его, а мне поручил подготовить товарищей.

В свою корабельную темницу я возвращался в тот день преисполненный самых радужных надежд. Но, увы, им не суждено было сбыться. Дня через два в плавучую тюрьму пожаловал адмирал Бутаков — представительный мужчина с огромной окладистой бородой, в которой заметно пробивалась седина. Он произнес перед строем речь, суть которой сводилась к тому, что у батюшки-царя поистине безграничное терпение и он дает возможность нам, каторжникам и крамольникам, искупить свою вину. Надо только не щадить себя во имя веры, царя и отечества.

Услышав эти слова, мы переглянулись: уж не на фронт ли собираются нас направить? Догадка подтвердилась. На следующее утро всех переодели в солдатское обмундирование, сшитое из плохонького японского сукна. К борту нашей «плавучки» подошел ледокол. Приняв новоиспеченных солдат, он направился в Ораниенбаум. Там нас распределили по теплушкам и повезли дальше.

Пять суток тащились мы по железным дорогам, подолгу простаивая на разъездах и полустанках. Навстречу с фронта тянулись поезда с ранеными солдатами. Мимо окон медленно проплывали заснеженные поля и леса, у тону вши о в сугробах деревушки. На станции Орша наконец высадились. Конвой повел нас к деревне Харьковка, где размещался штаб военно-морского артиллерийского полка. Здесь поставили на довольствие.

Через несколько дней нашу команду разбили на небольшие группы и разослали по подразделениям. Меня и еще троих моряков, переодетых в полевую форму, направили в Оршу. Мои попутчики были с разных кораблей: Иван Мурашов — с «Петропавловска», Тимофей Попов — с «Гангута», Михаил Филиппов — с «Дианы». По дороге разговорились. Довольно скоро выяснилось, что ни у кого из нас

нет желания проливать кровь за царя-батюшку. Обнаружив полное взаимопонимание в этом вопросе, мы решили ошибиться в направлении и вместо передовых позиций отправиться в Припятскую военную флотилию, корабли которой зимой стояли во льду и не воевали.

В пути провели несколько дней и в конце концов очутились в

Мозыре, где стоял штаб флотилии. Там мы дружно заявили, что утеряли проездной документ, выданный на всех, и вот пришлось так долго идти. Пока начальство выясняло, что с нами делать, мы жили в землянке на левом берегу Припяти, недалеко от местечка Пхов. Но недолго. Вскоре под конвоем нас вернули в военно-морской артиллерийский полк. Оттуда без задержки направили на передовую.

По пути на фронт я уговаривал товарищей бежать. Но они не согласились, опасаясь военно-полевого суда. Зато меня снабдили документами на чужую фамилию. План побега разработали сообща. У нас была лишняя шинель. Мы сказали начальнику конвоя, что хотели бы ее продать на вокзале, а на вырученные деньги купить водки. Услышав о водке, хмурый начальник конвоя оживился и дал свое согласие на эту операцию. Но предупредил, что со мной пойдет сопровождающий.

На станции, забитой воинскими составами, по путям я на перроне слонялись сотни солдат. Вся эта масса находилась в непрерывном движении и казалась огромным растревоженным муравейником. Вместе со своей охраной я пробился к месту, где под тусклыми станционными фонарями шел бойкий торг. Здесь солдатская одежка перемешалась с полушубками и пальто. Деревенские бабы продавали яйца, пироги, караваи хлеба, вареную и сырую картошку. Тут же предлагали зажигалки, сапоги, пуховые платки.

Я тоже перекинул шинель через руку, предлагая покупателям. Пока ее щупали, мяли и рассматривали на свет, я потихоньку оглядывался вокруг. Совсем рядом стоял какой-то состав. Бросив шинель на руку солдату, я крикнул ему:

— А ну-ка подержи, дядя!

Он машинально подхватил суконный ком, а я метнулся в сторону, нырнул под вагон, пролез под колесами еще нескольких поездов. Сзади слышались крики:

— Стой! Стой, тебе говорят!

— Хватай его, держи!

Но я уже был за железнодорожными путями и что есть духу мчался прочь от станции в темноту. Когда бежать ста-

ло невмочь, остановился отдышаться. Никто не гнался. Теперь можно было спокойно подумать, куда двигаться дальше.

Неподалеку светились огни не то гостиницы, не то трактира. Я отправился туда, предъявил, как это полагалось по правилам военного времени, хозяину документы и сказал, что хотел бы переночевать. Он молча отвел меня в маленькую комнатку.

Утром вернулся на станцию, зная, что наш эшелон уже наверняка ушел. Проверки документов не боялся: бумаги у меня были надежные. Быстро разыскал состав, направляющийся в Петроград, и занял место в вагоне.

Доехал без приключений. На вокзале всех прибывающих солдат направляли в отдельное помещение для проверки. Дело было обычное, и я встал в общую очередь к одному из столов. Когда она подошла, я протянул документ проверяющему. Он внимательно просмотрел его, положил на стол и коротко сказал:

— Пойдешь в казарму.

— Это еще зачем? — забеспокоился я.

— Порядок такой. Отойди в сторону, не задерживай других.

На мою попытку что-то сказать он нетерпеливо махнул рукой и, уже не обращая на меня внимания, крикнул:

— Кто там следующий?

Потолкавшись немного, я встал в очередь к другому столу с командировочным удостоверением. Но и там произошла примерно такая же сцена. Разговорившись с солдатами, я узнал, что сейчас на всех вокзалах у прибывающих нижних чинов отбирают документы, ведут в казармы, а оттуда уже с увольнительными отпускают в город. Такая перспектива меня вовсе не устраивала, ибо серьезная проверка могла установить фиктивность моих бумаг. Поэтому, пробившись к выходу, я выскользнул на улицу и зашагал куда глаза глядят.

Положение мое было незавидным: на руках у меня теперь ничего не было, и любой патруль мог задержать. А это означало — арест за дезертирство. Куда податься? Вспомнил о тетке, служившей кухаркой у отставного генерала. Хотя с ней мы встречались редко и плохо знали друг друга, но больше идти было некуда.

Родственницу разыскал скоро. Она сразу поняла мое положение. В кладовой среди старья нашла бушлат и шапку. Мою шинель и солдатскую папаху отобрала и спрятала.

[49]

Долго думал, как быть дальше. Решил пробираться в Кронштадт. Там были товарищи по подполью, там жила семья. Конечно, появляться в Кронштадте было опасно. Туда уже наверняка сообщили о побеге, меня мог узнать в лицо кто-либо из офицеров, тюремщиков или жандармов. Но приходилось идти на риск, потому что другого выхода я не видел.

Зимой на остров Котлин добирались обычно через Ораниенбаум, а дальше пешком по льду Финского залива. Я хорошо знал, что протоптанная по льду дорога вела к воротам,

где находился жандармский пост. Но его можно было миновать. Дождавшись темноты, я двинулся в путь. За полверсты до контрольно-пропускного пункта свернул в сторону и вышел на берег, где находились склады лесопилки. Тут уже не составляло труда проскользнуть мимо ворот, возле которых, зажав между коленей старенькую берданку, мирно похрапывал одетый в тулуп сторож.

Ночевал дома. Утром сестренка Вера помчалась с запиской на Петровскую улицу в службу связи. Вскоре явился Владимир Михайлович Зайцев, как всегда спокойный и уравновешенный. Мы крепко обнялись.

— Ну, давай рассказывай, беглец, — сказал он улыбаясь, — как не захотел за царя-батюшку воевать...

Я вкратце поведал о своих злоключениях. Зайцев задумался, потом произнес негромко:

— Без документов и квартиры ты долго не проживешь. Здесь тебе оставаться нельзя — чего доброго, жандармы наведаются. Придется переходить на нелегальное положение. Дам я тебе один адресок в Петрограде. Там спросишь Петра Журавлева.

— Это какой Журавлев? — спросил я. — Уж не матрос с «Павла I»?

— Он самый. Только теперь не матрос. Одним словом, тоже в подполье. Журавлев поможет тебе определиться...

Пришлось снова собираться в дорогу, хотя после долгих мытарств смертельно хотелось отдохнуть дома, как следует отоспаться.

Для выезда из Кронштадта не требовалось никаких документов. Поэтому я спокойно отправился к городским воротам и даже позволил себе некоторую роскошь — доехал до Ораниенбаума на извозчике. Вернувшись в Петроград, разыскал Журавлева. Мы долго вспоминали о корабле, перебрали общих знакомых. Прежде я очень мало знал Петра, но теперь он казался мне самым близким человеком...

[50]

Петр переправил меня дальше. Там я тоже не задержался, получив новый адрес в Озерках — дачном предместье Петрограда, где встретился с Сергеем Томовым — рабочим пузыревского завода. У него и стал жить.

Вечером к Томову зашел незнакомый мне человек.

— Знакомьтесь, — сказал Сергей, — это Андрей Козырин. Тоже беглый, как и ты.

Мы улыбнулись и крепко пожали друг другу руки. Козырин уже кое-что слышал обо мне. О себе говорил скупо. Прежде он

служил солдатом в кронштадтском артиллерийском полку, участвовал в подпольной работе. Во время арестов осенью 1916 года очутился в руках жандармов. Но власти, не располагая достаточными уликами, не судили его, а отправили на фронт, до которого он на доехал, ибо, так же как и я, сбежал по дороге.

Первые несколько дней, проведенных на квартире у Томова, я, кроме мелких дел по хозяйству, ничем не занимался. Безделье скоро надоело, и я сказал об этом Сергею.

— А ты не спеши, — заметил он, — заявка на тебя дана; как получим документы, так и определим куда надо. А чтобы не скучал, я принесу одну игрушку.

Он вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с гранатой. Запал в ней зажигался, как спичка, от специальной дощечки-чиркалки. Я вопросительно посмотрел на Томова.

— Изучи эту штуку, — предложил он серьезно, — возможно, скоро пригодится!

— От жандармов отбиваться, что ли?

— Нет, брат, как бы им от нас отбиваться не пришлось...

Я понял его намек — уже слышал, что в столице начались крупные стачки, волнения.

На другой день Томов принес мне паспорт. Он был на имя мещанина города Казани Николая Ивановича Иванова. А фотография — моя.

— Ну, как сработано? — с гордостью в голосе спросил Сергей.

— Ничего не скажешь — комар носа не подточит!

— То-то же! Завтра пойдешь с ним на наш завод наниматься на работу. С мастером я уже переговорил. Все будет в порядке.

И действительно, прием прошел без каких-либо проволочек. В конторе только предупредили, чтобы я сдал

[51]

паспорт на прописку. Меня направили в цех и поставили к револьверному станку.

Завод принадлежал капиталисту Пузыреву. Официально он считался автомобильным, но выпускал запасные части и отдельные детали для военной техники. Располагался в Головинском переулке невдалеке от Большого Сампсониевского проспекта.

Уже через несколько дней я ничем не отличался от тысяч других питерских рабочих.

Паспорт мой был отдан па прописку. Сергей Томов обещал в ближайшее время добыть и воинский билет. Однако забота о документе скоро отошла на второй план — нагрянули события,

заслонившие собой все.

С середины февраля 1917 года на петроградских предприятиях стали одна за другой вспыхивать забастовки. Начались продовольственные волнения, рабочие демонстрации. Вся столичная полиция была приведена в боевую готовность. Рабочий Петроград бурлил. 23 февраля замер и наш завод. Пузыревцы присоединились к всеобщей политической стачке.

Сквозь широко распахнутые заводские ворота мы вышли на Большой Сампсониевский проспект, весь запруженный народом. К нам присоединились женщины, стоявшие в очередях за хлебом. На улицы вышли также работницы текстильных фабрик. Демонстрация медленно продвигалась по улице. Возле клиники Виллис произошла заминка — дорогу перекрыли конные городовые. Заслон стоял плотной стеной поперек улицы. Когда передние ряды демонстрантов подошли к ним вплотную, они пустили в ход плети. Сзади напирали, и передним некуда было податься. Раздались крики избиваемых:

— Кровопийцы! Холуи царские!

— Что вы делаете, ироды? Душить вас, подлецов, мало!

Напор подходивших колонн был так велик, что они прорвали заслон. Некоторые хватали городовых за ноги, тащили их с лошадей, вырывали плети. Растерявшаяся полиция отступила. А озлобленная и грозная людская масса неудержимо двигалась к центру города. Над ней развевались красные флаги. Возле моста через Неву еще более многочисленный отряд конных городовых врезался в скопление людей, рассыпая налево и направо град ударов. Тех, кто успел прорваться на мост, встретили плетьми всадники, скакавшие с другого берега реки. Толпа дрогнула и подалась назад, растекаясь по дворам.

В других местах демонстранты вновь собирались в ко-

лонны, то здесь, то там возникали митинги. Один из них состоялся на набережной Малой Невки. Народ жадно слушал ораторов, говоривших о том, что пора кончать опостылевшую войну, требовавших хлеба для рабочих и их семей. Их выступления вызывали одобрительный гул. Вдруг на парапет взобрался какой-то интеллигент. Он закричал:

— Опомнитесь! Подумайте, что вы делаете, против кого идете? Вас мутят немецкие шпионы и предатели. Не поддавайтесь им!

Его слова встретили с возмущением. Раздались голоса:

— Откуда ты взялся такой умный?

— А ну, катись отсюда!..

Незадачливого проповедника столкнули с возвышения и довольно сильно намяли ему бока. Его место занял человек в промасленной рабочей куртке...

Митинги и демонстрации продолжались весь день. Часть рабочих Выборгской стороны прорвалась через Сампсониевский мост на Троицкую площадь. Там снова произошла ожесточенная схватка с полицией. Волнения не утихли и на следующий день. К вышедшим на улицы присоединялись новые тысячи трудящихся. Они шли от окраин к центру, минуя мосты, переходя Неву по льду. Многие, уже не таясь, кричали: «Долой царя!»

Еще большего размаха выступление пролетариата достигло 25 февраля. В разных частях города происходили схватки с городовыми. На улицах появились войсковые подразделения. В некоторых местах полицейские и солдаты стреляли в безоружных рабочих. Охранка хватала всех, кого подозревала.

В эти дни я и мой новый товарищ Андрей Козырин также участвовали в митингах и демонстрациях. Чувствовалось, что решительный час приближается. Еще не связанные с какой-либо большевистской организацией, мы действовали самостоятельно.

Жестокость полиции, расстрел рабочих демонстраций не запугали людей, а только подлили масла в огонь. Правительство поняло это и поспешило расставить на центральных улицах Петрограда пулеметы, привести в боевую готовность воинские части. Но тут случилось то, чего власти меньше всего ожидали: расквартированные в столице полки вышли из повиновения.

27 февраля улицы столицы вновь заполнились возбужденными толпами. Не пройти было и по Сампсониевскому проспекту. Всюду митинги, митинги, митинги... Одни рас-

сказывали, как была расстреляна демонстрация на Знаменской площади, другие — о том, что солдаты Павловского полка открыли огонь по конным городовым, избивавшим рабочих. Эта весть была встречена с восторгом. У нас, на Выборгской стороне, вскоре появились солдаты Волынского полка. По толпе молниеносно разнеслась весть о том, что они застрелили командиров и присоединились к народу. Нашей радости не было предела. Раздались возгласы:

— И нам вооружаться надо!

— Хватит терпеть!..

Мы с Андреем Козыриным находились неподалеку от завода «Новый Лесснер». Напротив него стояли бараки, в которых размещались солдаты самокатного полка. Они сгрудились возле забора, наблюдая за происходящим, прислушивались к

разговорам. К ограде, за которой располагались самокатчики, подходил народ. Вскоре людей собралось столько, что они стали наваливаться на ограду. У ворот появились солдаты с винтовками, их вел офицер с большой черной бородой. Выйдя вперед, он поднял руку и крикнул:

— Прошу разойтись! Не заставляйте прибегать к силе... Убедительно прошу...

В голосе офицера слышалась скорее просьба, чем приказание. Толпа шумела и напирала еще больше. Внезапно к офицеру подскочил рослый парень, рванул его за воротник и оттолкнул в сторону. На помощь к командиру кинулся унтер-офицер, мы бросились помогать парню. Завязалась короткая схватка. Стоявшие во дворе вооруженные самокатчики молча наблюдали эту сцену, не проявляя ни малейшего желания прийти на помощь своему начальству. Очистив путь, мы бросились к баракам. Ворвавшись в ближайший из них, направились к винтовочной пирамиде. Солдаты не препятствовали нам разбирать оружие, а офицеры куда-то исчезли. Через несколько минут винтовки были в наших руках. Теперь мы почувствовали себя куда увереннее.

— Пусть попробуют сунуться городовые, — говорили рабочие, — покажем им кузькину мать!

Кто-то сказал, что надо идти на Петроградскую сторону. Мне тогда казалось, что народ действует стихийно, но позже узнал, что выступлением рабочих руководил Выборгский районный комитет РСДРП, члены которого были в гуще происходящих событий. Тысячи выборжцев двинулись к центру города, переходя Неву по льду, опроки-

дывая заставы на мостах. Часть восставших направилась громить ближайшие полицейские участки.

Вместе с Козыриным я присоединился к отряду, который двинулся к казармам конных городовых на Петроградской стороне. Мы беспрепятственно проникли внутрь помещений. В них никого не встретили. На полу валялись шашки, шпоры, желтела россыпь патронов. Все свидетельствовало о поспешном бегстве. Да и понятно — одно дело избивать плетьми беспомощных женщин и совсем другое — сражаться с вооруженными рабочими...

В одной из комнат обнаружили шкафчик, на нем висел большой замок. Козырни, не раздумывая, сбил его прикладом. Открыв дверцы, увидели много револьверов. Их тут же роздали тем, у кого ничего не было.

Двинулись дальше. На какой-то улице к нам подошли

солдаты и позвали к себе в часть. Они объяснили, что сами не решаются выступить, но оружие рабочим охотно отдадут. Просьбу солдат уважили немедля. Еще несколько сот выборжцев получили винтовки.

На Выборгской и Петроградской сторонах больших столкновений с полицией не было. Основные схватки развернулись на центральных улицах и площадях столицы. Когда мы подоспели туда, все уже было кончено. Рабочие и присоединившиеся к ним солдаты разгромили все очаги сопротивления. С радостью я узнал, что вместе с поднявшимся на борьбу против царизма народом активно действовали петроградские матросы.

Февральская революция победила. Вскоре мы услышали об отречении Николая II от престола. Впервые узнали об этом на митинге, который происходил на углу Каменноостровского и Большого проспектов. Какой-то господин зачитал текст царского отречения, а затем сообщил, что от престола отказался и великий князь Михаил. Он рассказал также, что создано Временное правительство во главе с князем Львовым. Свое выступление господин закончил патетическим призывом:

— Да здравствует свободная Россия!

Оратору от души аплодировали. Многие рабочие, присутствовавшие на митинге, в то время искренне считали, что победа теперь уже достигнута, что вместе с отречением царя, как по мановению волшебной палочки, изменится вся жизнь. Они еще не подозревали о том, что их мужеством и кровью воспользовались те же самые хозяева, на которых они так долго гнули спину.

[55]

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Андрей Козырин и я отправились в Кронштадт. Мы спешили к товарищам по службе, по подполью. Этот город выглядел совсем не так, как прежде. Раньше матросы и солдаты проходили по центральным улицам боязливо, торопясь миновать места, где можно было нарваться на начальство, а то и на самого адмирала Вирена. Улицы, на которых хозяевами чувствовали себя лишь офицеры, были малолюдны.

Теперь же Кронштадт предстал перед моими глазами шумным, оживленным, переполненным людьми. Они занимали не только тротуары, но и мостовые. Всюду мелькали красные банты, приколотые поверх бушлатов, шинелей и пальто. Очень редко встречались офицеры. Держались они отнюдь не так уверенно, как совсем недавно. Бросалось в глаза, что почти все матросы и солдаты были без погон. Многие из них демонстративно не приветствовали начальство, а последнее делало вид, что не замечает этого.

Мы с Андреем также находились в этом пестром потоке. Затем он попрощался и пошел в свой полк. Я продолжал путь один. На одной из улиц увидел большую колонну вооруженных матросов. Быстрым шагом они направлялись к пристани. В первом ряду шагал рослый молодец, лицо которого мне показалось знакомым. Это был Головач, служивший прежде на «Павле I». Он тоже узнал меня и выбежал из строя. Я поинтересовался, куда спешит отряд.

— Понимаешь, какое дело, — торопливо заговорил он, — поступили сведения, что на Кронштадт из Питера движется пулеметный полк усмирять нас... Надо успеть занять позиции.

— Не может того быть, — усомнился я, — пулеметный полк перешел на сторону революции и вряд ли пойдет против матросов. Это провокация какая-то.

— Да и мне так кажется, — обрадовался Головач, — но кто его знает... надо идти. Приходи вечером в экипаж, поговорим...

[56]

И он помчался вслед за ушедшей вперед колонной. Провожая его взглядом, я вспомнил, как мичман Батогов бил Головача по лицу. Попробовал бы теперь он сделать это! А может быть, уже и в живых нет того мичмана?

О том, что делается в Гельсингфорсе, я мог только догадываться. Не была еще ясна мне и обстановка в Кронштадте. Надо было скорее разыскать кого-либо из товарищей. Где

находятся Сладков и Ульянцев, я не знал и ничего о них не слышал с того самого дня, когда мы расстались в здании суда после оглашения приговора. Филимонов и Кузнецов-Ломакин, видимо, на фронте. Оставалась надежда найти Зайцева, и я отправился в службу связи на Петровскую улицу.

К счастью, Владимир Михайлович был на месте. Он выглядел усталым, но был весел и оживлен. От него я узнал подробности о революционных событиях в Кронштадте.

Весть о том, что в Петрограде начались рабочие волнения, сюда долетела очень быстро. Об этом говорили в домах и на улице, на кораблях и в казармах. Командование гарнизона почувствовало, что в воздухе запахло грозой, и попыталось как-то изолировать личный состав. Оно запретило увольнение матросов и солдат в город, постаралось закрыть все каналы информации о том, что творится в столице, держало нижние чины в полном неведении о происходящем.

Однако сведения из Петрограда все равно просачивались в крепость. Их приносили рабочие Пароходного завода, передавали матросы службы связи, дежурившие у телефонов и телеграфных аппаратов. Руководители подпольных групп были предупреждены о том, что надо быть готовыми к возможному выступлению.

Утром 28 февраля комендант крепости адмирал Курош, получивший сообщение, что в столице создан Совет рабочих и солдатских депутатов, собрал на совещание офицеров. Он поинтересовался, можно ли использовать кронштадтский гарнизон для подавления восстания в Петрограде. Собравшиеся в один голос заявили, что матросы и солдаты не станут стрелять в рабочих. Военный губернатор Кронштадта адмирал Вирен мобилизовал полицию и приказал ей расставить на чердаках домов пулеметы.

Не сидели сложа руки и военные партийные организации. Они готовили людей к вооруженному выступлению, договорились о сроке — в ночь на 1 марта.

Первым поднялся учебно-минный отряд. Захватив винтовки, матросы вырвались на улицу, где встретились с сол-

датами 3-го Кронштадтского крепостного полка. Вместе подошли к воротам 1-го Балтийского экипажа и дружным напором сорвали их с петель. К восставшим сразу же присоединились моряки переходящей роты — той самой, где были собраны наиболее «неблагонадежные» нижние чины. Их примеру последовал и весь экипаж. Офицеры были немедленно арестованы.

Восстание быстро охватило весь Кронштадт. Полицейские и жандармы попрятались. Часть офицеров — наиболее ненавистных и оказавших сопротивление — была перебита. Некоторые командиры перешли на сторону революции. Поздно ночью матросы выволокли из дома насмерть перепуганного Вирена. Его отвели на Якорную площадь, где собрались тысячи людей. Некоторые предлагали судить его. Но ненависть к жестокому адмиралу была слишком велика. Народ требовал: «Смерть тирану!» Вирена тут же застрелили, труп сбросили в овраг.

К утру 1 марта весь Кронштадт был в руках восставших. Лишь группа городовых, засевших в полицейском участке, еще отстреливалась. Артиллеристы подтащили трехдюймовую пушку и ударили по ним прямой наводкой.

На общекронштадтском митинге, состоявшемся на Якорной площади, избрали новый орган власти. Он был назван Комитетом общественного движения. Его председателем стал студент Ханох.

Рассказав мне об этом, Зайцев добавил:

— Комитет у нас получился явно неудачный — ни рыба ни мясо. Авторитет не тот. К тому же вслед за Временным правительством он ухватился за лозунг: «Война до победного конца!» С этим солдаты и матросы никак не согласны. Будем создавать свой Кронштадтский Совет по примеру рабочих и солдат Петрограда.

Зайцев предложил мне остаться в Кронштадте, войти в местную организацию большевиков. Я отказался — мечтал скорее попасть на свой корабль. Тогда Владимир Михайлович посоветовал разыскать матросов, списанных с «Павла I» за политическую неблагонадежность, и группой двигаться в Гельсингфорс. Предложение было разумным, и я ухватился за него. Пошел по всем военно-морским частям. После двухдневных поисков нашел человек двенадцать. Все они охотно согласились вернуться на линкор, который в Гельсингфорсе первым поднял флаг восстания.

Нам нужны были проездные документы. А мне к тому же еще и какая-нибудь бумажка, удостоверяющая мою личность. В это время в Кронштадте кроме Совета рабочих де-

путатов был уже и Совет военных депутатов (потом они объединились). В него я и направился.

В здании, где он размещался, царила сутолока. Матросы и солдаты шли сюда по самым разным поводам. Были и просто любопытные. Найти в этой неразберихе нужное лицо казалось невозможным, тем более что четкого распределения обязанностей

среди депутатов еще не было. Лишь после долгого блуждания по комнатам мне удалось напасть на члена исполкома, занимавшегося оформлением всякого рода документов. Он был в офицерской форме, но без погон. Выслушав меня, исполкомовец задумался, потом спросил:

— А позвольте узнать, по делу какой партийной организации вы привлекались охранкой?

— По делу Главного судового коллектива большевиков.

— Так-так, — протянул он, — допустим, что так... Ну, а чем же вы можете доказать, что вы и есть то лицо, за которое себя выдаете? Хоть что-нибудь подтверждающее, что вы действительно матрос с линейного корабля «Император Павел I», у вас сохранилось?

— Нет. Но в Кронштадте меня знают. Например, в Первом Балтийском экипаже, да и в военно-морской тюрьме найдутся документы обо мне...

Офицер пожал плечами, заметив, что в тюрьму он не побежит. От него я вышел обескураженным. Нагруженный в невеселые мысли, не обратил внимания на человека, шедшего по коридору. Но он: сам кинулся ко мне. Это был Иван Давыдович Сладков — осунувшийся, бледный, но жизнерадостный. Царская каторга изменила его только внешне. Он отвел меня в спокойный уголок и первым делом спросил, почему я в штатском. Узнав о моих приключениях, Сладков покачал головой:

— Досталось, однако...

— Мне что, — возразил я, — вот ты на каторге хлебнул так хлебнул, наверно.

— Было, — согласился Сладков, — но теперь все позади. И тебе пора опять в матросскую робу влезать. Или решил — на гражданке лучше?

Я рассказал о положении с документами. Иван Давыдович пообещал помочь. Однако и его вмешательство сначала не помогло. Пришлось позвать еще одного моего товарища по судебному процессу в октябре 1916 года — Тимофея Ульянцева. Он был освобожден Февральской революцией и стал одним из первых членов Кронштадтского

[59]

Совета. Они добились выдачи мне документов и матросского обмундирования.

Прощаясь с ними, я сказал, что, по моим наблюдениям, в Кронштадтский Совет избрали немало случайных людей.

— Конечно, есть такие, — согласился Сладков, — и очень даже много. Сейчас ведь как выбирают — голосуют прежде всего

за тех, кто красиво говорить умеет, кто громче других кричит, что он за свободу и демократию. Люди у нас еще не искушены в политике. Иным каждый крикун революционером кажется. Но ничего — время научит разбираться. А мы постараемся, чтобы эта учеба шла быстрее.

В тот же день я распрощался с Кронштадтом, успев лишь на полчаса заскочить к родным. Когда вся наша группа, в которой выделялся своим огромным ростом Головач, собралась на пристани, мы отправились в путь. Дорога лежала через Петроград, и я предложил товарищам зайти в Совет рабочих и солдатских депутатов, помещавшийся в Таврическом дворце.

— Возьмем там свежие газеты, литературу...

Возражать никто не стал.

Когда, отобрав необходимые издания, стояли в коридоре, к нам подошел пожилой человек, похожий на врача или учителя. Невесело оглядев нас с ног до головы и ни к кому не обращаясь, он со вздохом сказал:

— Нет, не простит Россия такого преступления...

— А в чем дело? — поинтересовался рослый Головач.

— Что вы имеете в виду? — спросил и я. После долгой паузы незнакомец ответил:

— Я имею в виду то, что гельсингфорсские матросы убили командующего Балтийским флотом адмирала Непенина... Позор на всю Россию!

Мы попытались узнать у гражданина, как это случилось. Оказалось, что он подробностей не знает, прочитал лишь краткое сообщение в газете. Обстоятельства гибели адмирала Непенина мне стали известны позже.

По моему глубокому убеждению, матросы никогда бы не подняли руку на Непенина, если бы он не придерживался нелепой и опасной линии поведения. Получив известие о революции в Петрограде, Непенин не нашел ничего лучшего, как скрыть эту весть от матросов. Он запретил увольнения на берег. Но замолчать революцию было невозможно. Газеты, выходившие в Гельсингфорсе, писали о ней открыто, ее приветствовали на всех рабочих митингах, а Непенин делал вид, что ничего не случилось. Возможно, надеялся, что все еще повернется вспять.

[60]

Много лет спустя мне попалась в руки телеграмма, полученная Непениным из Ревеля от командующего 1-й бригадой крейсеров Пилкина. В ней говорилось: «Считаю долгом донести, имея единственной целью сохранить для войны личный состав и суда, следую вашим приказаниям, насколько это возможно, в

зависимости от меняющихся обстоятельств. Категорические требования не пускать на берег команду неисполнимы и усложняют чрезвычайно задачу, вызывая риск проникновения толпы на суда. Положение более тяжелое, чем предполагаете. В исключительную минуту нужны исключительные средства, почему предвижу необходимость невольно нарушить ваши требования и, может быть, принять участие в торжественной манифестации единения флота с новым правительством и народом. Если в Гельсингфорсе спокойно, ваше присутствие было бы драгоценно».

Но Непенин сидел на пороховом погребе, который с минуты на минуту мог взорваться. Если бы командующий флотом последовал призыву дальновидного Пилкина, события наверняка окончились бы без излишнего кровопролития. Однако Непенин выжидал. Днем 3 марта он подтвердил свой приказ, запрещающий манифестации.

Такое поведение Непенина к добру не привело. Возбуждение матросов на кораблях достигло высшей степени, и уже в половине восьмого вечера того же дня Непенин в телеграмме на имя председателя Государственной думы вынужден был сообщить: «На «Андрее», «Павле» и «Славе» бунт. Адмирал Небольсин убит. Балтийский флот как боевая сила сейчас не существует. Что могу, сделаю».

Не прошло и часа, как вслед за первой полетела новая депеша: «Бунт почти на всех судах. Непенин».

Командующий Балтийским флотом сам накалил страсти. Революцию нельзя отменить приказом, как это надеялся сделать адмирал.

Первым поднялся экипаж «Павла». По приказу еще не вышедшего из подполья комитета большевистской организации матросы захватили винтовки в караульном помещении и бросились на палубу. Вставший на их пути мичман Булич был убит. Против него никто не имел зла. Но он преградил дорогу восставшим, и его убрали. Командира 2-й роты лейтенанта Шиманского застрелили, когда он открыл огонь по матросам из своей каюты. Вслед за ним погиб старший офицер Яновский. Возле карцера матросы прикончили лейтенанта Славинского, отказавшегося выпустить арестованных.

[61]

Вскоре линкор был в руках революционных моряков. На клотике мачты вспыхнул красный огонь.

Услышав выстрелы на «Павле I», за оружие взялись моряки на «Андрее Первозванном», а за ними и на других кораблях,

стоявших в Гельсингфорсской базе.

Вскоре восстанием был охвачен весь флот.

На «Павле I» убили всего нескольких офицеров, тех, кто пытался оказать восставшим сопротивление. Исключение составляет лишь старший офицер Яновский. С ним рассчитались за прежние издевательства.

Старший штурман Ланге в момент восстания был на берегу. На борт вернулся, когда все уже было кончено. Едва он появился на палубе, его окружила группа разъяренных моряков. Услышав их возгласы, Ланге понял, что ему угрожает. Он стал умолять, чтобы ему сохранили жизнь. Признался, что шпионил за матросами, но не один.

— Вы и не подозреваете, кто еще ходит среди вас, — выкрикивал Ланге.

В этот момент его кто-то ударил прикладом по голове. Упавшего штурмана добили. В ту минуту все считали такой поступок естественным. Лишь потом многие стали высказывать мысль, что договорить Ланге не дал один из тех, кто сам был связан с охранкой.

Разоблачить этого человека не удалось.

Адмирала Непенина матросы не собирались трогать. Решили просто своей властью сместить. На многотысячном митинге они избрали нового командующего флотом — адмирала Максимова. Его на кораблях уважали за человечное обращение с нижними чинами. Непенин же повел себя вызывающе. Он заявил, что сдаст должность только по приказу правительства. Тогда группа вооруженных моряков явилась на «Кречет», где помещался штаб командующего, арестовала адмирала и повела его на гарнизонную гауптвахту. По дороге наиболее горячие из конвоиров застрелили его...

Постепенно страсти улеглись. На кораблях были избраны судовые комитеты. Они с первых нее дней начали наводить твердый революционный порядок. У складов оружия выставили надежную охрану, в порт и в город выслали матросские патрули.

Наша группа прибыла в Гельсингфорс 7 или 8 марта. На корабле нас приняли тепло. Я встретился со старыми друзьями. Взаимным расспросам не было конца. Потом пошли осматривать корабль. На палубах, в кубриках, в казематах и боевых службах — везде был образцовый порядок.

[62]

Я рассказал товарищам о статьях петербургских газет, в которых утверждалось, что на Балтийском флоте царит анархия, нет дисциплины. Они только посмеялись над писаниями

буржуазных газетчиков.

— Чья бы корова мычала... — добродушно сказал Иван Гурьянович Чистяков, — поучиться им всем не мешало бы у революционных матросов. Такого порядка, как сейчас, на кораблях отродясь не бывало. Раньше из-под палки все делали, а теперь сознательно.

Иван Гурьянович был старым членом нашей корабельной большевистской организации. Когда я впервые попал на линкор, он вместе с другими старослужащими учил меня нелегкому матросскому делу. Руководящей роли в подполье Чистяков никогда не играл, но уважением пользовался. Это был настоящий богатырь: роста немного выше среднего, с широкими плечами и могучим торсом, туго обтянутым форменной рубахой. Его красивое лицо с небольшими усами и румянцем в обе щеки всегда выражало добродушное спокойствие. За покладистый характер Чистякова любили не только в нашей роте, но и в других подразделениях и службах. Его называли просто Гурьянычем. После Февральской революции он стал первым председателем судового комитета.

Многих своих старых товарищей я открывал для себя заново. Их характеры предстали передо мной новыми гранями, проявились неизвестными до сих пор качествами. В новой обстановке потребовались люди, умеющие командовать, вести хозяйственные дела. И они находились в народной гуще, конечно, не всегда подготовленные и опытные, но со временем становившиеся хорошими руководителями и даже специалистами.

Я, например, был удивлен, что одним из активных членов судового комитета стал унтер-офицер машинной команды Корпев. Этого человека я знал по подполью. Тогда он не играл сколько-нибудь заметной роли. Среди матросов был известен лишь умением лихо плавать. Иногда Корпев так далеко удалялся от корабля, что за ним посылали катер, опасаясь, что у него может не хватить сил вернуться. Кто сталкивался с ним ближе, знал, что он еще прекрасный специалист, хороший товарищ. В подпольной же работе Корнев был скорее сочувствующим, нежели активным членом организации. Но вот теперь команда избрала его в судовой комитет. И не ошиблась. Оказалось, что Корнев и способный организатор.

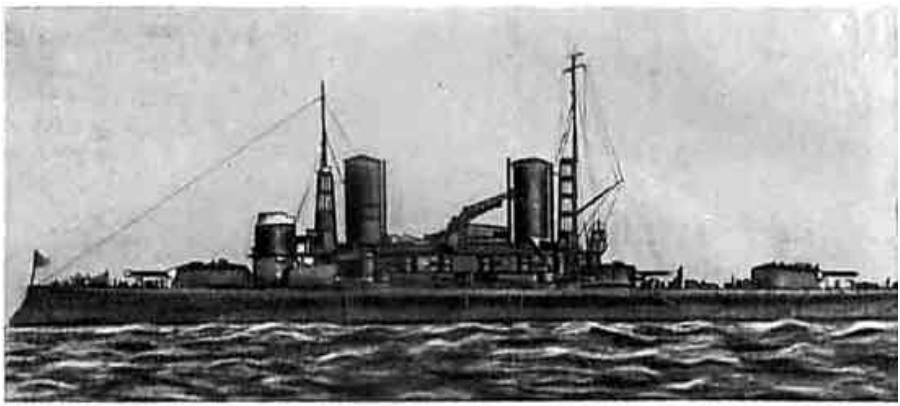
Таких членов в комитете было немало.

[63]

С первых же дней комитет завоевал всеобщее признание. Его решения выполнялись безоговорочно.

Правда, военное руководство по-прежнему находилось в руках командира корабля. Комитет же ведал в основном делами, касающимися личного состава.

В свободное от службы время на палубе часто созывались митинги. На них обсуждались самые разные вопросы, начиная от взаимоотношения с правительством и кончая продовольственным снабжением. На одном из таких собраний был поднят вопрос о переименовании линкора. Все были согласны, что прежнее имя «Император Павел I» должно быть заменено. Предложений было много, спорили долго. В конце концов решили назвать «Республикой».



Линейный корабль «Республика»

Линейный корабль «Республика»

Кстати, весной 1917 года на Балтике по требованию матросов новые имена получили и другие корабли. Так, старый броненосец «Император Александр II» стал «Зарей свободы», линкор «Цесаревич» — «Гражданином», ледокол «Царь Михаил Федорович» — «Волынцем». Короче говоря, заменили все названия, связанные с царской фамилией. Бывшую плавучую казарму «Волхов» переименовали в «Новорусск». И не из-за слова «Волхов», а потому, что оно ассоциировалось с тюрьмой.

Имя «Республика» быстро прижилось к нашему линкору, экипаж которого пользовался на флоте большой популярностью, как один из наиболее революционных, всегда и во всем твердо поддерживавший линию большевистской партии.

В эти памятные дни команда избрала меня депутатом в

Гельсингфорсский Совет и поручила сдать в исполком собранные на «Республике» серебряные медали и Георгиевские кресты. Поблагодарив товарищей за доверие, я отправился в путь. Сначала шагал довольно бодро, но скоро устал: металлическая шкатулка с наградами весила больше двух пудов. Может быть, такому силачу, как наш Гурьяныч, эта ноша — пустяк, но я весь облился потом, пока дотащился до исполкома. Зато как легко почувствовал себя, когда сдал все это богатство.

Тут же оформил свое избрание депутатом. Это оказалось несложным: сообщил, что избран от команды корабля, и мне сразу же выдали документ, пригласили на заседание.

Гельсингфорсский Совет первого созыва был крайне разношерстным по своему партийному составу. В него входили представители кораблей, стоявших в военно-морской базе,

[64]

и солдаты Свеаборгской крепости, а также гельсингфорсского гарнизона. Большевиков среди них насчитывалось мало. Председателем исполкома избрали офицера Гарина, числившегося членом Российской социал-демократической партии большевиков. На деле же он, пожалуй, ближе стоял к меньшевикам. Говорил он цветисто. Однако почти все его выступления были расплывчатыми и туманными, состояли из общих фраз.

Заседал Совет часто и помногу, но серьезные вопросы разбирал редко. По мелочам иногда вспыхивали ожесточенные споры. К важным же проблемам подчас подходили формально.

Чтобы дать представление, что порой обсуждали депутаты, приведу такой пример. Как-то на трибуну поднялся унтер-офицер и начал говорить о взаимоотношениях матросов и солдат с командирами. Он правильно доказывал, что натянутые отношения, переходившие порой в прямую вражду, складывались годами. Но корень всех зол он видел в знаках различия. По его мнению, стоит только спороть их — и взаимоотношения улучшатся.

— Так снимем же, товарищи, знаки различия! — воскликнул унтер-офицер и тут же сорвал нашивки со своей формы.

Его жест был встречен аплодисментами. В зале многие начали «с мясом» отдирать свои лычки. К вечеру сотни матросов, вооружившись ножницами, вышли на улицы срезать погоны у офицеров. Командный состав кораблей отнесся к этому делу довольно спокойно, но приезжие офицеры сопротивлялись.

Конечно, такие «мероприятия» не способствовали улучшению отношений между рядовыми и командирами.

В Совет поступало много всевозможных жалоб и заявлений. Членам исполкома приходилось разбирать и конфликты, возникавшие на кораблях. Совету предлагали решить судьбу офицеров, арестованных в дни восстания. С этой целью на одном из заседаний была создана специальная следственная комиссия в составе пяти человек, В нее вошли матрос Толстов, солдат, двое офицеров — флотский и артиллерист из крепости — и я. Нам отвели помещение, где прежде размещалось охранное отделение. Кто-кто, а я этот дом хорошо знал: здесь меня допрашивали и фотографировали жандармы.

Тон в комиссии задавали мы с Толстовым. Остальные члены обычно соглашались с нашим мнением. Беда только, что между мной и Толстовым далеко не всегда царило со-

гласие. Толстой был эсером, держался заносчиво, не раз напоминал, что его партия представлена во Временном правительстве. При решении вопросов он часто руководствовался не обстоятельствами дела, а своими симпатиями и антипатиями. Спорить с ним было трудно.

Нам приходилось рассматривать много дел. В большинстве случаев оказывалось, что офицеры были арестованы под горячую руку и ни в чем особенно не виноваты. Таких мы без проволочек отпускали. Случалось, что на некоторых просто наговаривали, сводили с ними личные счеты. Их тоже освобождали, сообщая в судовые комитеты имена клеветников.

Но попадались и такие, которые издевались над матросами или сотрудничали с охранным отделением. Толстов нередко склонен был и их простить. Тут уж я вставал на дыбы. Наши схватки с ним часто заканчивались ничем, и арестованных возвращали в тюрьму до очередного заседания.

Были дела и забавные.

Как-то нам довелось допрашивать командира миноносца — рослого и статного человека весьма внушительного вида. Его схватили матросы с другого корабля и обвинили в том, что он избивает своих подчиненных. Офицер (фамилия его Потемкин) заявил, что матросов не трогал и вообще презирает тех, кто бьет беззащитных.

— Но, если честно признаться, — сказал он, — двум дал в ухо. За дело. И до сих пор не раскаиваюсь.

— Интересно, гражданин офицер, у вас получается, — заметил солдат член нашей комиссии, — с одной стороны, не били, а с другой — по уху прохаживались. Как же вас понимать?

— А я расскажу. Судите сами. Однажды наш миноносец шел

по шхерам. Места опасные: чуть в сторону от курса — или берег или мель. Идти можно только строго по вешкам, иначе беда. А рулевой возьми да и замечтайся. Глянул я — миноносец уже на веху идет. Еще минута — и налетим на камни, тогда — спасайся, кто может... Вырвал я штурвал из рук зеваки и в сердцах в ухо ему. Корабль успел отвернуть. Можно было, конечно, под суд отдать парня, но я этим и ограничился.

— За дело он получил! — сказал я. — Хотя способ воспитания и не могу одобрить, но — за дело. А второй случай какой?

— А о втором и рассказывать, собственно, нечего. Пожаловались мне как-то матрос, что баталер обнаглел и в

открытую ворует продукты у команды. Проверил я — правда. Да еще держится нагло. Ну и вмазал ему разок для науки.

Я взглянул па увесистые кулаки Потемкина и подумал: «Надолго, наверно, запомнит их воришка».

Помолчав немного, Потемкин добавил:

— Здесь уже говорили, что подобный метод неправилен, но как было сдержаться?

— Почему неправильный метод? — воскликнул вдруг солдат. — Очень даже правильный! Жуликов завсегда бить надо... да покрепче еще!..

Все невольно улыбнулись в ответ на столь непосредственную реплику. Потемкина мы отпустили с миром, посоветовав ему, однако, сдерживать свои порывы. Кстати, арестован он был, как после выяснилось, по наущению баталера. А экипаж миноносца его любил.

— Позднее я спросил у Потемкина, не имеет ли он какого отношения к князю Потемкину. Он неожиданно подтвердил, что является потомком фаворита Екатерины II. Но при Павле I у Потемкиных были отняты почти все их богатства.

А одно дело меня просто потрясло. Матросы при аресте капитана 2 ранга Рыжея обнаружили в его каюте пудовую связку бумаг. Мы поинтересовались ею. Оказалось, что это в основном прошения и ходатайства о помиловании, поданные в 1905 — 1907 годах. На каждом из них имелись резолюции Рыжея, заканчивавшиеся одним словом: «Расстрелять».

Выяснилось, что в дни первой русской революции Рыжей командовал карательным отрядом, действовавшим в Прибалтике. Царский прислужник беспощадно расправлялся с восставшими. На его совести — сотни загубленных жизней.

Мне да и другим членам комиссии было непонятно, зачем

каратель хранил все эти бумаги, полностью обличавшие его звериный облик? Может быть, он гордился тем, что его имя когда-то вызывало дрожь у людей?

Случай с Рыжеем выходил за рамки обычных дел, и мы долго решали, переправить ли его в Прибалтику, чтобы палача судили родственники и знакомые погибших, или же довести дело до конца здесь, в Гельсингфорсе. Но Рыжей сам распорядился своей судьбой. Понимая, что на помилование рассчитывать не приходится, он покончил с собой, бросившись в лестничный пролет, когда его переводили из одной камеры Нюландской тюрьмы в другую.

БОЛЬШЕВИКИ

Самой многочисленной партией в Гельсингфорсе после революции оказалась эсеровская. Эсеры захватили большинство в местном Совете, главенствовали на митингах, наладили выпуск газеты. Опору себе они находили главным образом среди солдат — выходцев из крестьян. А их в Гельсингфорсе и окрестностях было до ста пятидесяти тысяч. На кораблях социал-революционеры пользовались меньшей поддержкой, хотя корни их и здесь сидели глубоко. Меньшевики и анархисты ни на кого не оказывали сколько-нибудь серьезного влияния. Политическая борьба в этот период развернулась главным образом между эсерами и большевиками.

Большевистская организация флота начала складываться вокруг коллектива партийцев «Республики». Мы установили связь с другими кораблями, с рабочими мастерских Свеаборгского порта. Четкого плана в работе у нас поначалу не было. Сказывалось, что среди матросов было мало людей, подготовленных политически, а тем более теоретически. Нам трудно было противостоять эсеровским ораторам, приезжавшим из Петрограда. Очень часто они забивали нас своей эрудицией.

Организацию РСДРП в Гельсингфорсе возглавил Гарин — весьма любопытный, но крайне неопределенный человек. До войны он подвизался на литературном поприще, написал имевшую успех пьесу «Моряки». Гарин, может быть единственный из нас, умел выступать красиво, со слезой в голосе. На заседаниях он горячо приветствовал революцию и «наступающую новую эру». При каждом удобном случае подчеркивал, что он большевик. Но первые же его шаги на партийной стезе показали, что большевизм он понимает весьма туманно. Даже нам, не искушенным в политике, его взгляды казались больше меньшевистскими, чем большевистскими.

Неожиданно к нам прибыла подмога. Ранним мартовским утром на «Республику» явилась группа большевиков, присланных Петербургским комитетом. Надо ли говорить,

[68]

как мы обрадовались? И особенно я и Марусев: среди приезжих был наш товарищ по «процессу двадцати» Кирилл Орлов. С ним мы не виделись с тех пор, как после приговора его отправили на каторжные работы. Кирилл представил своих товарищей. Один из них был прапорщик. Кроме Гарина, которого мы не считали большевиком, нам еще не встречались офицеры —

члены РСДРП. Знакомство с прапорщиком Ильиным-Женевским скоро убедило нас, что он настоящий коммунист. Двое — Пелихов и Зинченко — кронштадтские матросы. Они хорошо знали условия работы на флоте. В группу входил также Борис Жемчужин — молодой человек, с решительным и волевым лицом. Он был членом Петербургского комитета партии. До революции за участие в подпольной работе среди студентов успел побывать в знаменитых «Крестах».

Б.А. Жемчужин

Б. А. Жемчужин

Приехавшие рассказали об обстановке в столице, а мы ознакомили их с положением дел в Гельсингфорсе. Узнав о «комитете Гарина», они предложили создать по-настоящему большевистскую организацию.

Опираясь на рабочих мастерских Свеаборгского порта, мы вскоре объявили о рождении Свеаборгского матросского коллектива РСДРП. Узнав об этом, Гарин вызвал к себе его

руководителей и потребовал объяснений. Ему вежливо растолковали, что возглавляемая им организация но может претендовать на звание большевистской. Гарин с этим не согласился и потребовал провести общее собрание большевиков Гельсингфорса. Мы не возражали.

Началась подготовка к этому событию. В эти дни мы побывали на многих кораблях. Перед матросами выступили и приезжие. Особенно убедительными для моряков были речи кронштадтца Семена Пелихова. Раньше он состоял в партии эсеров. За участие в восстании на крейсере «Память Азова» его приговорили к каторжным работам. В начале мировой войны, видя, что его единомышленники заняли оборонческую позицию, Пелихов решительно порвал с ними. Освобожденный Февральской революцией, он вернулся в Кронштадт и вступил в партию большевиков. Хорошо зная эсеровскую идеологию, ее уязвимые места, Пелихов успешно боролся с ее приверженцами.

Прибывшие из Петрограда Ильин-Женевский и Жемчужин взялись за создание большевистской газеты. Техническую базу для нее нашли довольно быстро. По просьбе матросов финский сенат разрешил использовать свою типографию. Только за это следовало заплатить. А денег-то у нас как раз и не было. Дело чуть было не зашло в тупик.

[69]

Выручили матросы с «Республики». Созвав общекорабельный митинг, мы рассказали им о сложившейся обстановке. Моряки собрали тысячу финских марок. Для начала этого было вполне достаточно.

Ильин-Женевский и Жемчужин сняли маленькую квартирку на Высокогорной улице и стали готовить первый номер. В помощники им от «Республики» мы выделили молодого унтер-офицера Георгия Светличного.

»Волна» — такое название получила газета — вышла в свет 30 марта. Сверху на первой полосе крупными буквами было напечатано: «Российская социал-демократическая рабочая партия». Тут же лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» С гордостью передавали мы из рук в руки еще пахнувшую типографской краской «Волну» — орган Свеаборгского коллектива РСДРП. Она быстро завоевала популярность у читателей. А эсеровская «Нива» вскоре прекратила свое существование. Кстати, почти все ее наборщики перешли работать в «Волну».

Наша газета развернула широкую агитацию за создание единой большевистской организации Гельсингфорса. В статье

«Организуйтесь!» разъяснялись цели и ближайшие задачи большевиков. В ней, в частности, говорилось: «Надо строить и собирать революционную силу народа, чтобы организовать отпор контрреволюционным попыткам помещиков и капиталистов, всегда готовых отобрать у народа его завоевания... А для этого необходимо, чтобы все социал-демократы, признающие программу партии не только на бумаге, объединились, слились в активной работе для расширения и продолжения дела революции».

Свеаборгский коллектив РСДРП призывал беспартийных матросов, рабочих и солдат вступать в ряды нашей партии. Однако мы не стремились расширять ряды во что бы то ни стало, как это делали, например, эсеры. Они иногда доходили до того, что после очередного митинга тут же записывали в свою партию всех желающих. А на мелких судах — даже не каждого в отдельности, а целыми командами. В то время многие по наивности «записывались» в ту партию, о которой услышали раньше, или же в ту, куда лучше приглашали.

Мне однажды довелось быть свидетелем разговора между двумя матросами-земляками, встретившимися на берегу. Один из них хвалился:

— Мы всем кораблем в эсеры записались... Кто-то предложил, проголосовали и — пожалуйста...

— Хе, мы, брат, выше вас хватили, анархистами заделались.

— А почему же выше?

— Потому, что нам обещали всем револьверы выдать. Анархисты — ребята отчаянные... никого не признают, и никакая власть им нипочем. Делай всяк, что хочешь!

По лицу «эсера» можно было видеть, что он сражен этими доводами и наверняка задумался: не податься ли и ему в такую партию, где револьверы дают и все дозволено.

Таких неопытных в политике ребят было много. За их счет партия эсеров росла, как на дрожжах. Зато впоследствии солдаты, матросы, рабочие покидали ее ряды с такой же легкостью. В конечном счете социал-революционеры очутились у разбитого корыта, превратились в кучку заговорщиков.

В начале апреля мы узнали, что в Россию через Швецию возвращается Ленин. Свеаборгский матросский коллектив решил послать своих представителей на станцию Рихимяки, через которую должен был проследовать состав, везущий вождя рабочих и крестьян. Вместе с ними посчастливилось поехать и мне.

Всего из Гельсингфорса в Рихимяки поехало человек полтораста. В пути Борис Жемчужин, слышавший о Ленине больше нас, рассказывал о том, как много Владимир Ильич сделал для революции.

На место прибыли за несколько часов до подхода поезда. Вокруг Рихимяков были расположены казармы крупных воинских частей. Мы узнали, что местные эсеры как раз в это время начали созывать личный состав на какой-то свой митинг. Борису Жемчужину это показалось подозрительным.

— Боюсь, что не случайно, — сказал он, — видимо, социал-революционеры не хотят, чтобы солдаты видели Ленина, вот и отвлекают. Надо испортить им эту затею.

Большой группой мы отправились в казармы. Когда начались выступления, нам стало ясно, что они рассчитаны на неограниченное время. Тогда слова попросил кто-то из наших товарищей. Устроители собрания не спешили предоставить ему трибуну. Видя это, солдаты стали выкрикивать:

— Дать слово балтийцу!

— Пусть говорит...

— Крой, матрос!

[71]

Наш представитель передал собравшимся революционный флотский привет, рассказал, зачем мы сюда приехали, объяснил, кто такой Ленин и почему его с нетерпением ожидает весь трудовой народ. Участники митинга возбужденно зашумели и больше не стали слушать эсеров. Вместе с нами они пошли встречать вождя революции.

Все пространство близ маленькой станции заполнилось людьми. Появились плакаты, флаги. Наконец показался долгожданный поезд. Когда он остановился у платформы, раздался чей-то возглас:

— Здесь он, сюда!

Я протолкался вперед. Ленин стоял на ступеньках. Он был в потертом демисезонном пальто, в светлой кепке. Сияющий от радости, Борис Жемчужин начал приветственную речь. Он очень волновался и поэтому говорил торопливо, иногда сбиваясь. Ленин слушал внимательно чуть-чуть наклонив голову в сторону, глаза его поблескивали, как мне казалось, задорно и даже лукаво. Меня поразило, что Владимир Ильич выглядит так просто, обыденно.

Когда он заговорил, я обратил внимание на его характерное, слегка картавое произношение. Но не прошло и минуты, как меня увлекло другое смысл того, о чем повел речь Ленин, его логика,

четкие и ясные формулировки. Он очень доступно объяснял то, что нам трудно было уловить, к чему до сих пор шли ощупью. Глубоко запали в сознание ленинские слова о том, что революция еще не окончена, что еще предстоит упорная борьба с захватившими власть капиталистами.

Недолгой была эта первая встреча с Владимиром Ильичей, но она осталась в памяти на всю жизнь. Поезд вскоре ушел, а мы все долго еще стояли на маленьком перроне, делились впечатлениями, припоминали каждое слово Ленина. По дороге в Гельсингфорс заговорили о своих партийных делах. Возбужденный встречей, Федор Дмитриев, задорно откинув пышные волосы, сказал:

— Ну, держитесь теперь, соглашатели, с вашим «доверием» Временному правительству!..

Дня через два большевики Гельсингфорса собрались на общегородскую конференцию в Мариинском дворце. В президиуме восседали члены гаринского комитета. Но часы его уже были сочтены. Один за другим на трибуну поднимались представители кораблей, требуя распустить старый комитет и создать новый. Напрасно меньшевиствующие руководители взывали к единству. Их никто не слушал. Уви-

дев, что основная масса присутствующих не на его стороне, Гарин также высказался за роспуск комитета.

Был избран новый Гельсингфорсский комитет РСДРП (б). Меньшевиков и примыкавших к ним конференция изгнала из своих рядов. В руководящий орган избрали Ильина-Женевского, Жемчужина, финского социал-демократа Вастена (Тайми), меня и еще некоторых товарищей.

Некоторое время спустя от нас уехали кронштадтцы Пелихов и Зинченко. Вместо них из Петрограда прибыли Залежский и Бон.

Вскоре у нас опять возникли трудности с выпуском газеты. За пользование типографией и за бумагу финнам надо было платить большие деньги. Мы объявили на кораблях и в воинских частях сбор средств в фонд «Волны». И снова матросы и солдаты помогли. А однажды в комитет пришел рядовой Михаил Шитов, работавший до призыва в армию наборщиком. Он сказал, что при штабе 22-го армейского корпуса есть бездействующая типография. Через исполком Гельсингфорсского Совета мы прибрали ее к своим рукам. Это значительно уменьшило расходы на издание «Волны».

Основная редакционная работа лежала на плечах Ильина-Женевского, фактически возглавлявшего газету, и Жемчужина.

Позднее для руководства «Волной» был прислан молодой, но опытный литератор Леонид (Людвиг) Старк. О материалах для «Волны» заботиться не приходилось — письма и заметки поступали непрерывным потоком. Правда, качество их было невысокое, порой им не хватало элементарной грамотности. Зато в них все было от души и правда. Ругая буржуазию и ее прихвостней, матросы и солдаты не стеснялись в выражениях. И редакционным работникам приходилось подолгу ломать голову, подбирая также же сильные и энергичные синонимы.

Неожиданно для нас одним из самых активных сотрудников «Волны» стал унтер-офицер с «Республики» Георгий Светличный, всем сердцем полюбивший газетное дело. Георгий вырос на нашем корабле из юнг. Он много читал, обладал превосходной памятью, умел схватывать интересные детали и ярко излагать свои мысли на бумаге. Эти качества позволили ему стать незаурядным журналистом. Он часто выступал на страницах «Волны» с хорошими материалами. Думаю, что из Светличного мог бы получиться неплохой писатель. Но ему не суждено было долго прожить — весной 1918 года его сразила белогвардейская пуля.

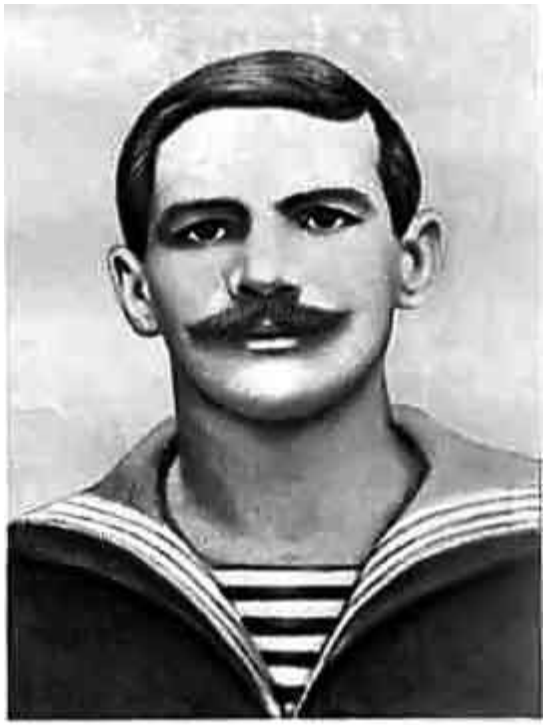
[73]

»Волна» стала любимым изданием, верным другом и советчиком матросов и солдат. Ее читали не только на кораблях или в воинских частях Гельсингфорса, но и в Петрограде. Туда возили «Волну» добровольцы-распространители. Нагрузившись тяжелыми кипами, многие из них садились в поезда, минуя железнодорожные кассы. Ребята простодушно считали, что раз они везут «Волну», то какой может быть разговор об оплате проезда.

Врагов наших «Волна» приводила в бешенство. Буржуазные газеты всячески поносили ее. Эсерам и меньшевикам она тоже пришлась не по вкусу. Соглашатели ругали «Волну» и письменно и устно, резко критиковали ее выступления на заседаниях Советов, на митингах. В те дни массовые политические митинги были чуть ли не главной формой приобщения масс к политике. Самые многолюдные из них происходили на огромной Сенатской площади, невдалеке от военной гавани. От массивного здания собора вниз плавно спускались широкие каменные ступени, и на них располагались люди. Сюда набивалось до десяти тысяч человек.

Выступать перед таким количеством народа было трудно. Далеко не каждый оратор обладал зычным голосом. Из наших товарищей, пожалуй, только комендор с «Андрея Первозванного»

Нифонт Сыч и машинист с «Севастополя» Эйжен Берг обладали исключительно мощными голосовыми связками. Особенно Берг. Некоторые всерьез утверждали, что его речи, произносимые на Сенатской площади, свободно можно было слышать на рейде.



Э.А. Берг

Э. А. Берг

Нелегко было солдатам и матросам разбираться в политических выступлениях. Послушают одних — правильно говорят, других — тоже вроде согласиться можно. Да и третьи все время сыплют словами: «свобода», «равенство», «демократия»... Не очень грамотным людям казалось, что за революцию все, и они не понимали, из-за чего, собственно, так яростно спорят между собой разные партии. Им надо было разъяснять. А пропагандистов, которые могли бы это успешно делать, у нас было мало.

Чтобы подготовить необходимые кадры, при комитете РСДРП (б) были созданы специальные курсы (их иногда называли

партийной школой). На занятиях, которые проходили дважды в неделю в мастерских Свеаборгского порта или в помещении комитета, слушатели изучали программу и устав партии, некоторые теоретические проблемы.

Руководителем и основным лектором на них стал присланный к нам Владимир Николаевич Залежский — член

[74]

Петербургского комитета партии. К началу Февральской революции за плечами Залежского был уже восемнадцатилетний стаж подпольной работы. Он изведал ссылки, тюрьмы и каторгу. Владимир Николаевич обладал солидным багажом знаний и по праву считался в комитете знатоком революционной теории. Однако как оратор и полемист он был неважный. К тому же и голосом слаб. Поэтому его редко использовали для выступлений на многолюдных собраниях. Зато лектор из него получился хороший. Он умел просто и образно рассказать о самых сложных проблемах. Слушали его с большим удовольствием и очень уважали.

Часто занятия не укладывались в отведенное время. Любознательность и тяга к учению у матросов и солдат были исключительно велики. Нередко Залежскому приходилось отклоняться от учебной программы, чтобы ответить на самые разнообразные и неожиданные вопросы. Иногда для чтения лекций привлекались и другие представители комитета.

Многие из окончивших курсы впоследствии стали неплохими агитаторами и сыграли заметную роль в большевизации кораблей. Некоторые, уезжая в отпуск на родину, получали от комитета задание проводить агитацию среди земляков. В деревне они иногда становились зачинщиками захвата помещичьих земель и организаторами комитетов бедноты.

Огромную роль в подготовке флота к Октябрю сыграла и политическая литература, которую мы довольно регулярно получали из Петрограда. Безграничным авторитетом среди матросских и солдатских масс пользовалась центральная газета большевиков — ленинская «Правда». Получая очередные экземпляры, мы старались распространить их по всем кораблям и частям, рекомендовали нашим активистам проводить читки наиболее важных статей.

Партийная пропаганда развертывалась и по другим линиям. Но к какой бы форме мы ни прибегали — главным вашим оружием всегда была правда. Мы били противников фактами, от которых некуда деться, против которых не могло устоять никакое красноречие.

Новый этап в нашей работе наступил после опубликования Апрельских тезисов В. И. Ленина. Вся партия большевиков, за исключением небольшой кучки, поддерживавшей Каменева, одобрила их и, руководствуясь ими, по-новому развернула свою работу. Тезисы не только дали нам верное направление, а и вселили уверенность в близкой победе. В них мы нашли исчерпывающий ответ на самые

актуальные вопросы: об отношении к Временному правительству, о войне и мире, о двоевластии, о Республике Советов. Яснее стали задачи партия, роль большевистской агитации и пропаганды.

В середине апреля общегородская конференция большевиков Гельсингфорса горячо поддержала ленинские тезисы. Против них выступил лишь один член нашей организации. К нашему удивлению, им оказался Кирилл Орлов. Я был поражен его позицией. Ведь многие из нас знали его как стойкого большевика. А теперь он склонился к Каменеву. Орлов заявил, что Ленин не знает нынешней обстановки в России, ибо прожил за границей много лет, и его курс может привести к торжеству контрреволюции.

Орлова никто не поддержал.

Вскоре после этого Кирилл Орлов уехал от нас, и больше я его не встречал.

Буржуазия ленинский лозунг «Вся власть Советам!» встретила, что называется, в штыки. Увидев в Ленине самого опасного врага, но не имея возможности расправиться с ним открыто, она прибегла к подлому средству клевете. Сначала в буржуазных газетах появились прозрачные намеки на то, что не случайно германское правительство разрешило В. И. Ленину проезд по территории своей страны. От намеков затем перешли к прямым обвинениям. Продажные писаки заявляли, что Ленин германский шпион и что большевики работают на германские деньги.

Мутная река клеветы докатилась до Гельсингфорса. Наши политические противники начали, не стесняясь, называть нас на митингах изменниками и предателями. На улицах города какие-то подозрительные типы стали призывать матросов и солдат топить большевиков. На некоторых собраниях нашим товарищам не давали говорить. Начнешь иногда выступление, а из рядов вдруг несется истошный крик:

— Скажи лучше, сколько тебе немцы платят за предательство!

— Гони его, братва, подальше!

В такой обстановке было очень трудно не сорваться, не потерять голову. Приходилось мобилизовывать всю волю, чтобы остаться спокойным, не впасть в слепой гнев. Мы терпеливо разоблачали всю вздорность подобных обвинений, высмеивали крикунов. Несмотря на напряженность обстановки, провокаторам так и не удалось натравить широкие массы на ленинцев.

[76]

Солдаты и матросы прислушивались к словам большевиков, ибо эсеровские и меньшевистские болтуны сулили блага народу в туманном будущем, выдвигали расплывчатые лозунги, в то время как ленинская партия четко и недвусмысленно говорила народу о том, что надо делать, чтобы добиться земли, хлеба, мира. Такую политику большевиков поддерживало большинство.

Так, в первой половине апреля на многотысячном митинге обсуждался вопрос о земле — один из самых больных в то время.

Эсеры старались отклонить выдвинутую большевиками резолюцию. Но собравшиеся подавляющим большинством проголосовали за требования конфисковать немедленно все казенные, монастырские, удельные и помещичьи земли и передать их в руки крестьянских комитетов. Предложение же социал-революционеров подождать с вопросом о земле до Учредительного собрания было категорически отвергнуто.

Несколько дней спустя, когда министр Временного правительства Милюков опубликовал свою ноту, в которой говорилось, что Россия будет вести войну «до решительной победы», члены нашего комитета и активисты сразу же выступили перед командами кораблей и на митингах в городе, разъясняя массам империалистические устремления Временного правительства. Через несколько часов была выпущена специальная листовка, в которой разоблачалась антинародная политика Временного правительства. Матросы с «Республики» быстро доставили ее на все корабли и во все воинские части.

21 апреля состоялось экстренное заседание Гельсингфорсского Совета, на котором обсуждалась нота Милюкова. Внесенная нами резолюция предлагала осудить ее. Огромный зал Мариинского дворца гудел как улей. Ораторы сменяли друг друга. Вот слово взял явно растерянный заместитель председателя Совета правый эсер Котрохов. Этот человек был опытным оратором. Он неоднократно кончал речи под бурные аплодисменты. Но на этот раз Котрохову пришлось трудно. Оказавшись не в состоянии оправдать ноту Милюкова, он попробовал вообще снять с повестки дня вопрос о ней.

— Поймите, товарищи, — уговаривал он членов Совета, — мы не вправе обсуждать подобные вещи. Разве можем мы вмешиваться в действия облеченного доверием правительства? Разве способны со своей местной колокольни

[77]

оценить все значение государственных проблем? Конечно нет!

Ему не дали договорить. Зал негодовал:

— Чего уж тут разбираться, коли нам вместо мира войну до победного конца сулят!

— Дать Милюкову винтовку — пусть сам в окопы лезет!..

— А вы тоже — защитнички нашлись...

Напрасно председательствующий пытался навести порядок и взывал к благоразумию. На сцену влез рослый матрос, сказал яростно:

— Хватит нас байками кормить! Это кто облечен доверием народа Временное правительство, что ли? Черта лысого... Народ мира хочет, а им Дарданеллы подавай... Нет уж — не нужно нам такое правительство!

Ему дружно зааплодировали. Сидевший рядом со мной Жемчужин, улыбаясь, сказал:

— А ведь не из нашей парторганизации моряк выступает. Из эсеров, наверное. И его проняло!

Совет решительно поддержал большевиков. В принятой резолюции говорилось: «Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих, находя, что настало время для ухода империалистического Временного правительства, не исполняющего волю народа, заявляет, что никакие уступки подобному Временному правительству недопустимы, что Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих ждет по этому вопросу только решения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов».

Большевистская фракция предложила направить Исполкому Петроградского Совета специальную телеграмму, текст которой был также одобрен здесь, на заседании. Телеграмма гласила: «Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих, возмущенный нотой Временного правительства по вопросу о войне, решительно заявляет, что всей своей вооруженной мощью будет поддерживать все революционные выступления Петроградского Совета р. и с. д., готов по первому его указанию свергнуть Временное правительство и просит немедленно осведомить его, в каком положении находится вопрос».

Нота Милюкова основательно всколыхнула матросские и

солдатские массы. Митинги протеста состоялись на многих кораблях и во многих частях Гельсингфорсской базы. Общее собрание Свеаборгской крепостной телеграфной ро-

ты предложило Петроградскому Совету потребовать от Временного правительства объявить недействительными все дипломатические договоры, заключенные Николаем II, принять все меры к скорейшему окончанию войны, немедленно распорядиться о конфискации всех частнособственнических земель, ввести повсеместно 8-часовой рабочий день, прекратить травлю В. И. Ленина. Если же правительство откажется удовлетворить эти требования, телеграфисты призывали свергнуть его.

Подобных резолюций в те дни принималось немало.

22 апреля гельсингфорсские большевики избрали делегатов на Всероссийскую Апрельскую конференцию партии. Этой чести удостоился и я.

К этому времени наша партийная организация уже представляла собой серьезную силу. В нее входили примерно три тысячи человек. Заметно возросла численность большевиков на боевых кораблях. Самая крупная корабельная организация была на «Республике». В ней насчитывалось 520 человек, 160 — на «Петропавловске», 150 — на «Гангуте», 140 — на крейсере «Диана». Они и являлись нашей опорой.

В числе представителей Гельсингфорса в Петроград ехали Ильин-Женевский, Жемчужин, Марусев, Дмитриев. Матросы с «Республики» дали Марусеву и Дмитриеву особое задание — пригласить в Гельсингфорс Ленина.

До столицы добрались благополучно. 23 апреля в двухэтажном дворце Кшесинской должно было состояться предварительное совещание делегатов. Чьи-то заботливые руки украсили помещение еловыми ветками, развесили красные флаги. От этого он приобрел праздничный вид. Появление Ленина было встречено дружными аплодисментами. Но Владимир Ильич, подняв руку, остановил овацию и по-деловому приступил к изложению вопроса. Он говорил о развитии революции. Особенно подробно остановился на событиях, связанных с нотой Милюкова и свидетельствовавших о недовольстве масс политикой Временного правительства.

Утром 24 апреля в аудитории Стебутовских женских курсов открылась конференция. Здесь я встретил своего старого товарища по подполью Тимофея Ульянцева. Его послали делегатом кронштадтские большевики. Он познакомил меня со

своими товарищами. Среди них особенно запомнился энергичный, большеглазый Семен Рошаль.

В зале заседания группы из Гельсингфорса, Кронштадта и Ревеля сели рядом, да и в перерывах держались вместе.

[79]

Самое яркое впечатление о тех днях оставили в моей памяти выступления Владимира Ильича, в которых он развивал положения Апрельских тезисов. Каждая мысль его была так четко обоснована и так логично завершена, что мне странно было слышать людей, возражавших Ленину. Их доводы казались мелкими и неубедительными.

Поражала исключительная принципиальность Ленина, его упорство в отстаивании своей точки зрения. Когда некоторые делегаты к резолюции по аграрному вопросу вносили поправки, Владимир Ильич четыре раза брал слово и блестяще доказал их несостоятельность. Нельзя было не любоваться ленинской энергией, его удивительной работоспособностью. Лишь на последнем заседании, которое затянулось до глубокой ночи, Владимир Ильич говорил о положении во Втором Интернационале, произнес речь в защиту резолюции о текущем моменте, высказался против изменения этой резолюции, отвечал на вопросы, выступил с заключением.

В дни конференции мне довелось увидеть Владимира Ильича в нерабочей обстановке. Делегаты обедали в студенческой столовой. Каждому из нас выдавали по два талончика — на два блюда. У раздаточной всегда выстраивались две отдельные очереди — за первым и за вторым блюдами. Однажды, получив суп и быстро управившись с ним, я встал ко второму окошку, довольный тем, что сумел сэкономить несколько минут. И вдруг впереди себя человек за пятнадцать я увидел Владимира Ильича в его обычном костюме, с кепкой, засунутой в карман пиджака. Стоя в очереди, он на весу держал тарелку и ложкой черпал суп. Меня это ошеломило. Я увидел, как скромен Ильич и как дорожит буквально каждой минутой.

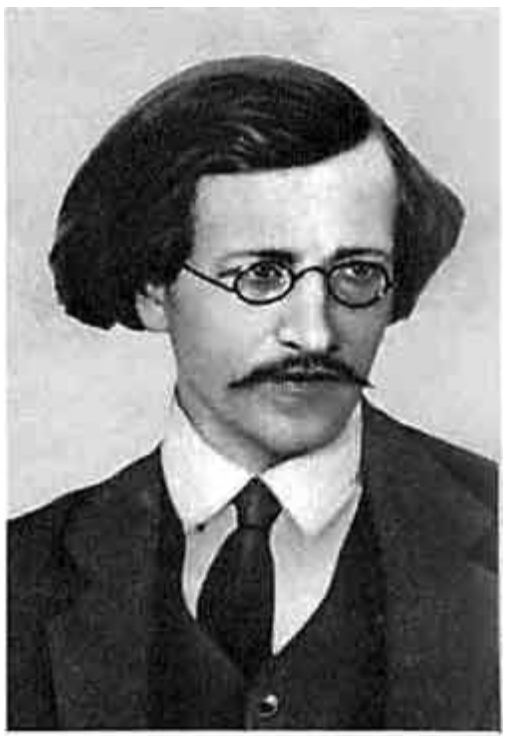
Как и многие другие делегаты, я мечтал подойти к Ленину в перерыве, поговорить с ним, но не решился отрывать у него время. А вот Марусев и Дмитриев все же побеседовали с Владимиром Ильичом. В один из перерывов они передали ему просьбу матросов побывать в Гельсингфорсе. Ленин поблагодарил за приглашение и сказал, что ему очень хотелось бы поехать к балтийцам, но беда в том, что из-за дел сейчас не может выбраться из Петрограда.

В Гельсингфорс мы возвращались с решениями Апрельской конференции четкой и ясной программой дальнейшей деятельности партии. Делегаты побывали почти на всех кораблях базы, рассказали матросам о том, что виде-

[80]

ли и слышали в Петрограде. На собраниях нас неизменно просили как можно подробнее рассказать о Владимире Ильиче Ленине. Мы с удовольствием откликались на это пожелание.

В эти дни в нашем комитете произошли некоторые изменения. Была избрана исполнительная комиссия, в которую вошли Владимир Залежский, Павел Дыбенко, Борис Жемчужин, Михаил Рошаль и другие. Возглавил комитет Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, присланный к нам Центральным Комитетом партии.



В.А. Антонов-Овсеенко

В. А. Антонов-Овсеенко

С приездом Антонова-Овсеенко вся наша работа заметно оживилась. Он был прирожденным организатором, прошел большую и суровую школу революционной борьбы. Внешне он был неказист — среднего роста, чуть сутуловатый, ходил в стареньком и довольно потертом черном костюме. Но крахмальный воротничок его сорочки, всегда сверкал белизной. У Антонова-Овсеенко были длинные густые волосы с заметной проседью, спадавшие на лицо, когда он наклонял голову. Сквозь простенькие овальные очки внимательно глядели добрые близорукие глаза. Владимир Александрович походил скорее на бухгалтера или учителя, нежели революционера. Но очень скоро мы узнали, что человек этот редкой смелости, огромной выдержки и большой силы воли. Происходил он из военной семьи и сам стал офицером. В 1906 году, как один из организаторов военного восстания в Севастополе, был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии двадцатью годами каторги. Из заключения бежал и снова занялся нелегальной работой.

Приехав в Гельсингфорс, Владимир Александрович быстро вник в обстановку и сразу же с головой окунулся в работу. Он оказался опытным организатором и великолепным оратором. После его выступлений на Сенатской площади эсеры приуныли: Антонов-Овсеенко легко разбивал их по всем линиям.

За длинные волосы и несколько певучую речь социал-революционеры прозвали Владимира Александровича «попом с «Республики» (он был очень дружен с командой нашего корабля и часто бывал на нем). Но Антонов-Овсеенко лишь посмеивался над этим прозвищем и продолжал громить эсеров на митингах.

В этот период от нас уехал Александр Федорович Ильин-Женевский, для работы в организованной в Петрограде большевистской газете «Солдатская правда». Его заменил Леонид Николаевич Старк — человек энергичный и способ-

ный. Наш комитет, располагавшийся сначала на Высокогорной улице, затем переехал на Мариинскую в одну из пустующих квартир. Там же помещалась и редакция «Волны». Матросы, солдаты и рабочие Гельсингфорса хорошо знали дорогу в этот дом. Они приходили сюда за советами, помощью, с жалобами, приносили письма и заметки. В помещении всегда было людно, стоял гул голосов, плавали кольца табачного дыма. Трудно было работать в такой обстановке, в особенности товарищам из редакции. Но они наверстывали упущенное ночами.

Комитетчикам активно помогали большевики с «Республики»,

особенно Марусев, Дмитриев и Лебедев. Я в эти дни заседал в различных комиссиях Совета. А вскоре вошел в состав нового выборного органа моряков Балтийского флота, сыгравшего впоследствии видную роль в подготовке Октябрьского вооруженного восстания.

[82]

ЦЕНТРОБАЛТ

В начале лета 1917 года на Балтике появился новый морской флаг — на красном фоне скрещенные якоря, а по углам четыре буквы — ЦКБФ. Они означали: Центральный комитет Балтийского флота. Новый флаг нигде не был зарегистрирован, его упорно не признавали ни морское ведомство, ни правительство. А он, невзирая на это, продолжал реять в серо-голубом небе, и под ним все теснее сплачивались революционные матросы...

Центральный комитет Балтийского флота был детищем большевиков. Идея создания выборного демократического органа, способного объединить моряков всей Балтики, возникла в Гельсингфорсском комитете РСДРП(б). Такой руководящий центр был очень нужен. Развитие революции на флоте происходило неравномерно. Быстрее всего она развивалась в Кронштадте, где уже с мая фактически перестали признавать власть Временного правительства. Медленнее — в Гельсингфорсе, где давало себя знать сильное влияние эсеров. Очень крепки были соглашательские и оборонческие настроения среди команд кораблей, базировавшихся в Ревеле.

Первое время после Февральской революции соединить воедино всех балтийцев пытался Гельсингфорсский Совет. Но его влияние было довольно слабым, команды многих кораблей не всегда считались с ним. Чувствовалась потребность в чисто морском органе, состоящем из представителей различных баз, портов, судов.

Еще в начале апреля команда линкора «Гражданин» (бывший «Цесаревич») выступила с призывом создать исполнительный комитет флота. Пока деятели других партий думали над этим предложением, раскачивались, за дело взялись гельсингфорсские большевики, понявшие, что с помощью общефлотского комитета можно быстрее объединить моряков под общими лозунгами.

Через матросскую секцию Гельсингфорсского Совета предложение об образовании Центрального комитета Балтийского флота поступило в исполком. Представители коман-

дования не стали возражать. Им показалось, что речь идет о чем-то вроде хозяйственной организации.

Но у членов Гельсингфорсского исполкома планы были иные: поскольку новый орган образует матросская секция Совета, то исполком сможет претендовать на руководящую роль во всем

флоте.

Однако этим замыслам не суждено было сбыться. Влиять на дела и решения Центробалта стал Гельсингфорсский комитет РСДРП (б). Произошло это, конечно, не случайно. Он выделил для работы в Центробалте проверенных людей, помог разработать устав ЦКБФ (его составляли П. Е. Дыбенко, А. С. Штарев, Г. И. Силин и я). Мы с удовольствием записали бы в нем, что не признаем власти Временного правительства и будем всеми силами держать курс на социалистическую революцию. Но надо было быть осмотрительными — в состав Центробалта предусматривалось ввести не только большевиков, а и представителей других партий. Поэтому кое в чем пришлось поступиться, кое-что замаскировать. Однако мы сформулировали и такие пункты, которые перечеркнули расчеты командования Балтийского флота, желавшего видеть в Центробалте лишь хозяйственный орган совещательного характера. В проекте устава было зафиксировано, что ЦКБФ занимается вопросами политическими, общественными и делами внутреннего порядка, но в чисто оперативные действия флота вмешиваться не будет. Такая оговорка была необходимой. Иначе командование флота отказалось бы признать Центробалт. Вместе с тем ЦКБФ получал право рассматривать все приказы, постановления и распоряжения, касающиеся политической, общественной и внутренней жизни флота, откуда бы они ни исходили. Это позволяло нам контролировать действия не только командования, но даже правительства. А один из пунктов гласил:

»ЦКБФ признается высшей инстанцией, без одобрения которой ни один приказ, касающийся жизни Балтийского флота, не может иметь силы».

Написали такое требование и усомнились: пропустят ли власти, не возмутятся ли? Особенно беспокоился осторожный Штарев. Но Дыбенко лишь посмеивался:

— Авось не разберется начальство. А там поднаберем сил, на матросские массы опираться будем. У них ныне авторитет большой, трудно не считаться...

Проект устава был принят без особых трений. В тот же день на корабли Балтийского флота полетела депеша с просьбой присылать своих представителей для работы в Центробалте. Встал вопрос — где размещаться? Гельсингфорсский

[84]

Совет излишними помещениями не располагал, матросская секция — тем более. Получалось, что людей пригласили, а жить и работать им негде.

Помог случай. Шли мы из Совета, и кто-то обратил внимание на маленький пароход «Виола», ошвартованный у пристани. Вспомнили, что он уже долгое время стоит у стенки без движения.

— Ей-ей, лучшего не сыскать! — оказал Дыбенко. — И до чего удобно: Совет рядом на площади, штаб командующего тоже недалеко, телефон протянуть с берега ничего не стоит. Ребята-связисты вмиг сделают...

Не откладывая дела в долгий ящик, вернулись в Совет и с его помощью уговорили портовое начальство выделить судно в распоряжение Центробалта.

28 апреля на «Виоле» собралось предварительное заседание ЦКБФ. К этому времени не со всех еще баз приехала представители, и мы пока решили обменяться мнениями о порядке предстоящей работы. Гельсингфорсский исполком прислал на заседание своего человека — некоего Мазика, намереваясь с первого дня взять под контроль деятельность нового органа.

Мазик держал себя как лицо, облеченное большим доверием, без приглашения занял место за столом президиума. Но в самом начале заседания его ожидала большая неприятность. Договорившись с товарищами, я предложил:

— Давайте обсудим, в каких отношениях с исполкомом должен находиться Центробалт. Ведь мы — чисто морской орган, тогда как исполком — смешанный. К тому же мы представляем собой весь Балтийский флот, а не одну Гельсингфорсскую базу...

Услышав эти слова, Мазик даже рот раскрыл от удивления. Покрывшись красными пятнами, он забормотал:

— Но позвольте, как же это? Разве не исполком одобрял ваш устав? И вообще это непонятно...

Ему не дали договорить. Представители Центробалта дружно поддержали мысль о том, что новый орган не подчинен Гельсингфорсскому исполкому. Однако некоторые товарищи предлагали согласовывать действия ЦКБФ с матросской секцией Совета. Против такого предложения не стоило возражать, потому что в секции задавали тон большевики. После короткого обсуждения постановили:

»Так как ЦКБФ рассматривает дела, касающиеся исключительно жизни флота, то ЦКБФ обсуждение своих постановлений должен представлять матросской фракции, а не на общее заседание».

[85]

После такой резолюции сконфуженному Мазику ничего не

оставалось, как удалиться. Исполком Совета принял нашу резолюцию к сведению и больше никого к нам не присылал.

Когда прибыли делегаты всех военно-морских баз, обсудили проект устава. С небольшими изменениями он был принят. В него добавили еще пункт о том, что Центробалт, отказываясь от предварительного контроля за оперативными действиями командования, оставляет за собой право контролировать их после того, как эти действия будут совершены, и может обращаться для расследования в штаб командующего флотом, посылать свои комиссии на места. Мы предвидели, что такая постановка вопроса вызовет резкое возражение командования. Но тем не менее решили попробовать, что из этого выйдет.

Затем состоялись выборы в Исполнительное бюро Центробалта. В него вошли девять человек, среди них четыре большевика: Дыбенко, матрос 2-го Балтийского экипажа Ефимов, матрос учебно-минного отряда Соловьев, матрос от линкора «Севастополь» Штарев. К этой группе примыкал сочувствующий большевикам баталер Лопатин, избранный в Центробалт от отряда судов Ботнического залива.

Таким образом, в Исполнительном бюро с самого начала образовалось сплоченное большевистское ядро, которое и определяло в основном политическую линию.

Председателем Центробалта был избран Павел Ефимович Дыбенко. Если раньше в условиях подпольной работы его кипучий темперамент, неумение скрывать свои чувства, стремление к немедленному действию были серьезной помехой в деле, то теперь многие из этих сторон его характера оказались весьма ценными. Лучшего председателя Центробалта для того времени трудно было себе представить. Случалось, правда, что иногда он слишком горячился или стремился опередить события, но когда его поправляли товарищи из Гельсингфорсского комитета, он умел признать свой промах. На кораблях Дыбенко пользовался большим авторитетом. Матросам нравилась его смелость, прямота, напористость, чувство юмора, а главное — глубокая убежденность в правоте дела, за которое он боролся.

У Дыбенко были два заместителя. Один из них — кронштадтский матрос Ефимов. Он твердо придерживался большевистской линии, однако активностью не отличался и не любил выступать с трибуны; другой — офицер Роман Грундман трюмный механик крейсера «Громобой». Он не состоял ни в какой партии и, как правило, в политических

дискуссиях не участвовал. Зато хорошо разбирался в

хозяйственных вопросах, не раз вносил дельные предложения. Большинство членов Центробалта его уважало.

Особую роль в ЦКБФ первого созыва играл Андрей Штарев — среднего роста, темноволосый, с монгольским разрезом глаз. Это был очень толковый человек, умевший любой вопрос разъяснить просто, лаконично, убедительно. Кстати, именно благодаря Штареву у нас было хорошо поставлено делопроизводство. Он же редактировал большинство документов, исходивших из ЦКБФ. Кроме того, Штарев был полезен еще и тем, что умел охлаждать слишком горячие головы. К его мнению прислушивались.

Как только Центробалт начал действовать, штаб командующего флотом прислал нам для рассмотрения целый ворох бумаг. Тут были просьбы экипажей о комплектовании специалистами, конфликтные дела между матросами и офицерами, жалобы на плохое снабжение или недостаточное денежное довольствие, материалы о награждении Георгиевскими крестами. Штаб, видимо, рассчитывал, что новый общефлотский комитет увязает в обсуждении всех этих вопросов и ему некогда будет заниматься политикой, вмешиваться в дела командования.

Разбираться во всем этом нам, конечно, пришлось. Но у нас нашлось время и для того, чтобы сразу же выступить против саботажа реакционно настроенных офицеров, взять под контроль деятельность судовых комитетов, начать подготовку к общебалтийскому съезду моряков, создать следственную комиссию. Центробалт направил в штаб командующего требования о замене на кораблях некоторых лиц командного состава.

Все это флотскому командованию крайне не понравилось. Оно и без того смотрело на нас косо, не хотело признавать наш устав без утверждения его военным и морским министром Керенским. Дыбенко поехал в Петроград, вернулся злой — Керенский предложил ему показать устав в матросской секции Петроградского Совета, где задавали тон эсеры и меньшевики. Там устав был категорически отвергнут.

Выслушав сообщение Дыбенко, некоторые члены Центробалта приуныли. Меньшевик С. С. Магнитский, который с самого начала боялся, как бы чего не вышло, растерянно разводил руками. Мы сидели в кают-компании «Виолы», обдумывая создавшееся положение. Было тихо.

— Что же теперь делать будем? — негромко спросил Магнитский. — Новый устав разрабатывать?

[87]

Дыбенко поднялся, расправил плечи и решительно заявил:

— К черту! Никаких новых уставов... Будем работать по-старому!

— А как же с утверждением? — раздались недоумевающие голоса.

— Обойдемся и без этого, — ответил председатель Центробалта. — Матросы Балтики наш устав утвердили. Их волю и будем выполнять.

Большевики дружно поддержали Дыбенко, с ними согласились и остальные. Решили, что будем руководствоваться прежней редакцией устава.

Вскоре в Гельсингфорс пожаловал быстро входивший в моду у обывателей Керенский. Встречать военного и морского министра должны были по специальной программе, разработанной исполкомом Гельсингфорсского Совета и командованием флота. При выходе Керенского на привокзальную площадь намечалось провести парад военно-морских частей. Но Центробалт отменил эту церемонию, заявив: пусть каждый в Гельсингфорсе но своему усмотрению решает, встречать или не встречать Керенского.

Узнав о нашем решении, в Совете перетрусили. Поздно вечером на «Виолу» прибежал растерянный председатель исполкома вместе с другими эсеро-меньшевистскими руководителями Совета. Они умоляли членов Центробалта немедленно сообщить на корабли, что парад состоится. Но мы на попятную не пошли. Лидеры исполкома покинули «Виолу» в подавленном настроении.

Этот момент явился переломным в наших взаимоотношениях с командованием флота. Впервые Центробалт открыто противодействовал штабу, отменив уже отданный командованием приказ. Командующий вице-адмирал А. С. Максимов не решился возражать. После постановления Центробалта он даже не заикнулся о параде.

Желая хоть как-то обеспечить массовую встречу Керенского, руководители исполкома приказали напечатать в «Известиях Гельсингфорсского Совета» уведомление о том, что в 9 часов 30 минут в город прибывает Керенский. Рано утром газету разнесли по казармам сухопутных войск и по кораблям. Нашлись любопытные, пожелавшие взглянуть на военного и морского министра. Я не был на вокзале, но мне рассказали потом, что на прилегающей к нему площади собралась довольно большая толпа. В основном это были солдаты Гельсингфорсского гарнизона.

После приветственных речей Керенского повезли в Мариинский дворец на экстренное заседание Совета. Здесь он выступил с длинной речью.

Пообедав, Керенский отправился на «Кречет», в штаб командующего флотом. Часа примерно в четыре к нам на «Виолу» позвонил секретарь министра и предложил членам Центробалта явиться в штаб для встречи с Керенским. Расстояние от «Виолы» до «Кречета» было невелико. Но мы решили принципиально не ходить туда. Секретарю объяснили, что Центробалт не частное лицо, а учреждение, и посему не оно должно идти к министру, а наоборот. Секретарь молча повесил трубку, а мы принялись гадать, придет или не придет к нам Керенский.

Он пришел. Когда появился в кают-компании, лицо его выражало явное недовольство. В то время Керенский еще не достиг зенита своей популярности среди обывателей, но уже чувствовалось, что сознание собственного величия начинает наполнять его. Шагал он стремительно, с высоко поднятой головой. За ним на некотором расстоянии следовали адъютанты. Керенский сел в президиуме, устало облокотился о стол, прикрыл ладонью глаза. Своим видом он показывал, что тяжесть государственных дел велика. Вместе с тем он как бы подчеркивал, что держится с нами без излишней официальности, попросту.

Министр рассеянно выслушал Дыбенко, потом пружинисто, по-молодому вскочил, торопливо заговорил. Перед ним было всего несколько десятков человек. Однако Керенский держался так, будто обращался к огромной аудитории. Его, что называется, понесло. Лишь первые несколько фраз были посвящены нашим делам. Он сказал, что Центробалт должен неукоснительно проводить в жизнь политику Временного правительства, что это административная, а не политическая организация, затем пошли общие рассуждения о текущем моменте, судьбах родины и революции, о высокой миссии России и тому подобное.

Я слушал Керенского впервые. Надо сказать, ораторским искусством он владел неплохо: умело использовал паузы, повышал в нужных местах голос, менял темп речи, прибегал к риторическим вопросам. В нем чувствовался адвокат старой закваски, умеющий владеть вниманием публики.

По форме речь его была что ни на есть революционной. Слова «свобода», «демократия», «отечество», «освобождение» сыпались, как из рога изобилия. Он призывал отстоять от германских полчищ революционные завоевания, укреплять воинскую дисциплину и избегать политических разногласий.

Короче говоря, воевать до победного конца. О мире не было даже намека.

Наверное, мы дослушали бы до конца полную пафоса речь министра, если бы я вдруг не взорвался. Меня разозлили некоторые члены Центробалта — эсеры и меньшевики, которые слушали Керенского так, словно он одаривал их. Мой сосед унтер-офицер Магнитский даже рот раскрыл и весь подался вперед. Я встал и перебил министра:

— Одну минуточку — вопрос есть...

Он прервал фразу на середине и с недоумением посмотрел на меня. А я уже говорил, обращаясь к Дыбенко:

— Товарищ председатель! Я полагаю, что мы собрались не для митингования, а для того, чтобы разрешить некоторые практические вопросы. Думаю, что господину министру следовало бы прямо перейти к делу.

Керенский остолбенел, лицо его залилось краской. Молоденькие адъютанты от такой неожиданности заморгали глазами. Растерялись даже некоторые члены Центробалта. Дыбенко постучал карандашом по столу и, сдвинув темные брови, сказал укоризненно:

— Товарищ Ховрин, ставлю на вид за то, что вы позволяете себе прерывать министра...

НО по лицу его было видно, что он с трудом удерживается от смеха. Я пожал плечами, сел на место. Керенский наконец пришел в себя, повернулся к адъютанту, резко произнес так, чтобы слышали все:

— Состав Центробалта придется пересмотреть! Запишите...

Действительно, адъютант торопливо сделал какую-то пометку. У Керенского, видимо, пропала всякая охота выступать дальше. Он попросил, чтобы его ознакомили с нашими постановлениями, но бумаги просматривал невнимательно. Хитрый Дыбенко почувствовал это, подсунул для утверждения несколько документов, которые не соглашался утвердить командующий флотом. Расстроенный министр подписал их не глядя. Ушел он от нас насупленным.

Здесь считаю своим долгом заметить, что П. Е. Дыбенко в своей книге «Из недр царского флота к Великому Октябрю», а вслед за ним и другие неправильно утверждали, будто бы Керенский во время посещения Гельсингфорса вместе с подсунутыми ему бумагами подписал и устав Центробалта. События, о которых пойдет речь дальше, убедительно опровергают это.

Когда сопровождающая Керенского свита удалилась, некоторые члены Центробалта накинулись на меня. Больше

всех кипятились эсеры. Они восприняли мой поступок почти как личное оскорбление. Ведь и Керенский был членом их партии. В несколько голосов они растолковывали мне нетактичность моего поведения, заявляя, что я недостоин быть в Центробалте.

— Да перестаньте! — сказал я в сердцах. — Ну что особенного случилось? Только то, что ваш министр раньше закончил свою пустую речь и делом занялся? Так это же нам всем на пользу пошло.

Обстановку разрядил Петр Крючков — матрос 1-го отдельного батальона, расположенного в Ревеле.

— Из-за чего распетушились? — сказал он примирительно. — Сами же говорите, что Керенский — народный министр. Раз он народный, то пусть прислушивается к массам. И ему, может, так даже интереснее: не каждый же день его перебивают!

Окружавшие засмеялись, и спор наш прекратился. Правда, позже некоторые товарищи высказывали опасение, не осуществит ли Керенский свою угрозу пересмотреть состав Центробалта. Но на это у министра не хватило смелости. Он затаил свою обиду и вспомнил о ней лишь при более благоприятной обстановке.

Вообще Керенскому в Гельсингфорсе не повезло. Встретили его с помпой только в Совете, да, пожалуй, еще в штабе флота. На кораблях, которые он объезжал на катере, Керенского принимали сдержанно. А на «Республике» задали тринадцать заранее приготовленных вопросов о деятельности Временного правительства. Каждый из них пришелся Керенскому не по нутру. В форме вопросов команда по сути, требовала немедленно передать помещичьи и церковные земли в распоряжение крестьянских комитетов, отделить церковь от государства, бороться за мир без аннексий и контрибуций, незамедлительно прекратить травлю Ленина. Матросы спрашивали Керенского, почему он подписался под нотой Милюкова, правда ли, что он еще в Государственной думе голосовал за войну, и верно ли, что предложил правительству обеспечить бывших царских сенаторов высокими пенсиями? Трудновато пришлось министру. Отвечал он невразумительно. Экипаж заявил, что считает его ответы неудовлетворительными.

Это был еще один чувствительный удар по болезненному самолюбию Керенского. Визит его в Гельсингфорс отнюдь не укрепил позиции соглашателей.

Видимо, еще до отъезда министр успел дать определенные указания Ф. М. Онипко — генеральному комиссару

Временного правительства при командующем Балтийским флотом. Тот явился на очередное заседание Центробалта вместе с вице-адмиралом Максимовым и предложил нам в его присутствии еще раз обсудить и пересмотреть проект временного устава ЦКБФ. Особенно он упирал на пересмотр пункта, в котором говорилось, что без одобрения Центробалта не будет иметь силы ни один приказ, касающийся внутренней и административной жизни Балтийского флота. Дыбенко, а вслед за ним унтер-офицер Силин с эсминца «Самсон» объяснили Онипко, что устав одобрен всеми судовыми комитетами и сейчас не может быть речи о его пересмотре, надо подождать до общефлотского съезда.

С этими доводами и Онипко и Максимову пришлось согласиться. Они только просили ускорить подготовку к съезду. Мы обещали, что он соберется в назначенный срок.

В эти дни в Гельсингфорс прибыла делегация Черноморского флота. Временное правительство возлагало на нее большие надежды. Черноморский флот находился почти полностью под влиянием меньшевиков и эсеров и поддерживал своими резолюциями правительство. Поэтому комфлота адмирал Колчак с согласия Гучкова организовал поездку черноморцев по стране. Возглавлял группу эсер студент Федор Баткин. Для пущего эффекта его нарядили в матросскую форму. Выступая на митингах и собраниях, эта разъездная «труппа» призывала поддерживать Временное правительство в его усилиях довести войну до победного конца.

Черноморская делегация произвела на петроградскую буржуазию сильное впечатление. Разбив на четыре группы, ее направили в Кронштадт, Гельсингфорс, Ревель и в воинские части Северного фронта.

В Кронштадте и у нас призывы черноморцев не встретили отклика. Член одной из этих групп некий Фельдман опубликовал в петроградской буржуазной газете ругательную статью о Балтийском флоте. В ней он доказывал, что на кораблях упала дисциплина, ослабла их боеспособность. Это печатное выступление вызвало у балтийцев негодование. Делегаты-черноморцы вынуждены были опубликовать в «Волне» заявление о своем отмежевании от Фельдмана. Но это им уже мало помогло. На митингах их освистывали.

Мы решили воспользоваться создавшимся положением и послать на Черноморский флот свою делегацию во главе с матросом Чугуновым. В ее составе было только пять человек. Но

эти пятеро, прибыв в Севастополь, сделали многое. До их приезда черноморцы плохо знали о положении на

[92]

Балтике. Группа Чугунова подробно рассказала о событиях на своем флоте, об отношении балтийцев к Временному правительству. Выступления представителей Центробалта оказали на севастопольцев такое воздействие, какого мы и сами не ожидали. Вскоре они изгнали с флота адмирала Колчака, служившего верой и правдой царю, а затем и Временному правительству. Когда моряки пришли арестовывать его, он, не желая сдавать оружия, демонстративно бросил его за борт. На некоторое время Колчак совсем сошел с политической арены. Зато год спустя оказался во главе большой белогвардейской армии и стал одним из самых активных душителей революции.

В Центробалте шла усиленная подготовка к I съезду моряков Балтийского флота. Подбирали докладчиков, редактировали документы, которые должны были представить на утверждение съезда. К съезду готовилось и командование флота, намеревавшееся дать нам бой. Оно надеялось на поддержку представителей Ревельской и некоторых других военно-морских баз.

Когда делегаты стали прибывать в Гельсингфорс, мы решили разместить ревельцев вместе с кронштадтцами, чтобы последние повлияли на оборончески настроенных матросов Ревеля. Но, несмотря на эту меру, очень волновались: все-таки эсеров, меньшевиков и беспартийных было больше. Всего в работе съезда участвовало около 250 моряков и 12 офицеров.

Заседания проходили в актовом зале женской гимназии на Аркадской улице. Уже в первый день обстановка была напряженная. После вступительного слова П. Е. Дыбенко приступили к выборам президиума. Председателем неожиданно избрали ревизора с крейсера «Адмирал Макаров», члена Центробалта Л. К. Рубанина — ярко выраженного оборонца, всецело преданного Временному правительству. В ЦКБФ он не пользовался авторитетом.

Заместителями Рубанина, или, как тогда говорили, товарищами председателя, стали Дыбенко и кронштадтский матрос большевик Н. Г. Маркин. Затем довольно остро заспорили о порядке дня. Представители командования настаивали прежде всего обсудить устав Центробалта. Дыбенко возражал, ссылаясь на то, что еще не приехал помощник Керенского лейтенант Лебедев. Его доводы показались вполне убедительными, поэтому

занялись сначала Положением о судовых комитетах, разработанным Центробалтом.

[93]

Ревельцы попросили разрешения зачитать съезду наказ своих избирателей. Делегаты согласились заслушать его. Наказ был откровенно верноподданническим. Он призывал делегатов выразить полное доверие Временному правительству, оказать поддержку «Займу свободы», добиваться тесного единения и политического согласия матросов и офицеров.

Слушая это «творение», большевики Центробалта недоуменно переглядывались. Об оборонческих настроениях ревельцев нам было известно. Но никто не предполагал, что влияние соглашателей на них так велико. Это еще раз подтверждало, что борьба на съезде предстоит нелегкая.

На второй день у Дыбенко не выдержали нервы — он попросил освободить его от обязанностей товарища председателя. Делегаты-большевики не одобрили его поступка, но делать было нечего — съезд уже принял его «отставку». Вскоре переизбрали и Рубанина. Вместо него выдвинули командира линкора «Андрей Первозванный» И. И. Лодыженского. Для нас это было хуже Лодыженский куда умнее и дальновиднее Рубанина.

Первый серьезный бой членам Центробалта пришлось выдержать при рассмотрении проекта Положения о судовых комитетах. К счастью, докладывал о нем Николай Маркин — человек, умевший говорить ярко и убедительно. Он доказал, что этот документ необходим. Несмотря на то что проект яростно ругали Рубанин и еще некоторые делегаты, съезд принял его за основу. Представители командования флота по этому вопросу предпочли уступить, чтобы всеми силами навалиться на устав Центробалта.

Н.Г. Маркин

Н. Г. Маркин

Противников у нас оказалось много. Особенно старались Рубанин, Лодыженский и представители Ревеля. Споры разгорались по каждому пункту. Особенно подвергались критике первые два параграфа, закреплявшие руководящую роль Центробалта на флоте.

В разгар развернувшейся словесной баталии приехал помощник Керенского Лебедев. В партию эсеров этот человек вступил в предреволюционные годы, несколько лет провел в эмиграции. Когда началась война, он пошел добровольцем во французскую армию. Получив весть о свержении в России самодержавия, Лебедев поспешил домой. В Петрограде он появился в форме лейтенанта французской армии. В таком виде выступал на митингах и совещаниях. Руководство партии приметило бойкого лейтенанта. Весной 1917 года он уже возглавлял комиссию Петроградского Совета по морским делам, а вскоре стал помощником Керенского. Его из-

брали почетным председателем I съезда моряков Балтийского флота.

Приехав в Гельсингфорс и узнав, что устав Центробалта хотя и с поправками, но все же пункт за пунктом принимается, Лебедев разъярился. В притихший зал полетели угрозы, одна страшнее другой. От имени своего начальника лейтенант грозился немедленно разогнать Центробалт, если только устав будет принят. В зале возник шум. Делегаты были возмущены таким тоном и особенно попыткой запугать их. Раздались возгласы, далеко не лестные ни для Лебедева, ни для Керенского.

Помощник министра окончательно вышел из себя. Потрясая кулаками, он закричал:

— Матросы! Что вижу я? Это же не организованный Балтийский флот, а анархистская банда!

Наверное, Лебедев потом пожалел об этих словах. В зале поднялась настоящая буря. Был момент, когда мне показалось, что незадачливого лейтенанта сейчас начнут бить. Но обошлось без скандала. Бледный и растерянный, Лебедев чуть ли не бегом покинул трибуну. Он настолько «пересолил», что делегаты, забыв о разногласиях между собой, дружно утвердили устав, а заодно и исключили Лебедева из почетных председателей съезда. Опростоволосившийся «лейтенант французской армии» немедленно покинул Гельсингфорс.

Почуяв, что Центробалт становится грозной силой и способен со временем повести за собой весь флот, перед вооруженной мощью которого Петроград был, в сущности, беззащитен, Временное правительство забеспокоилось. Ополчась против устава Центробалта, оно в конечном счете боролось за то, чтобы пушки Балтфлота в решительный час были направлены в нужную ему сторону.

В эти дни мы узнали, что правительство сменило у нас командующего. Им стал контр-адмирал Д. II. Вердеревский — хитрый и умный человек. Февральская революция застала его на посту командующего дивизионом подводных лодок в Ревеле. После свержения самодержавия Вердеревский повел себя весьма осмотрительно. Он никогда не позволял себе резких выпадов против революции и демократии, избегал конфликтов с матросскими массами. В то же время стремился показать, что верой и правдой служит новому правительству. Ценя служебные способности Вердеревского, Временное правительство назначило его начальником штаба Балтийского флота, а с 3 июня — командующим флотом.

Вердеревский поспешил представиться делегатам съезда, в своем коротеньком выступлении пообещал, что будет рука об руку работать с выборными матросскими организациями. Делегаты встретили его в целом довольно благожелательно, а представители Ревеля даже тепло.

Иначе отнеслись к Вердеревскому матросы некоторых кораблей Гельсингфорсской базы. Так, когда на «Кречете» появился его контр-адмиральский флаг, команда линкора «Петропавловск» демонстративно подняла вице-адмиральский флаг Максимова. Матросы заявили, что Максимов избран всенародно и не может быть кем-либо сменен. Пришлось самому Максимову ехать на корабль, уговаривать моряков. Центробалт также посоветовал судовому комитету «Петропавловска» не поднимать лишнего шума из-за смены адмиралов. Вердеревский, дав обещание работать с матросскими организациями дружно, тем не менее утвердить устав Центробалта отказался. Он лишь разводил руками и говорил, что подписать его должен сначала сам Керенский. Тогда съезд направил в Петроград делегацию во главе с Маркиным. Через два дня она вернулась ни с чем. Прямо с борта «Кречета» Маркин пришел на заседание съезда и потребовал слова.

Это было страстное и гневное выступление, оставившее в сердцах многих делегатов неизгладимый след.

— Товарищи! — сказал Маркин. — Наша миссия закончилась неудачно. Устав не подписан. Уже пятнадцать дней, как мы его обсуждаем и никак не можем ввести в жизнь — много преград встречает он на своем пути. Вот контр-адмирал Вердеревский выступал тут перед вами, все вы слышали его слова: «Будем работать вместе рука об руку, нога в ногу». А на деле? Что-то пока в разные стороны с нами. У революционного флота должен быть революционный адмирал, а не чиновник. Он должен считаться с желанием большинства флота. Если съезд предложил утвердить устав, то он обязан это сделать, иначе не может быть нашим командующим, мы выберем себе другого. В штабе тоже нужно произвести фильтровку. Адмирал говорит о какой-то согласительной комиссии между штабом и Центробалтом для выяснения сферы деятельности двух сторон. Наш первый съезд моряков Балтийского флота должен создать для Центрального комитета Балтийского флота прочный фундамент, а не что-то воздушное, хрупкое, чтобы его не разрушила ни вода, ни землетрясение. Мы не уступим ни миллиметра наших позиций и говорим: «Или мы, или вы».

Маркину устроили бурную овацию. Съезд постановил [96]

считать устав Центробалта вступившим в силу. Это была большая победа демократических сил. Своим решением балтийцы показали, что они не намерены впредь считаться с властями, если они против интересов моряков.

Сразу же после съезда началась подготовка к выборам в ЦКБФ второго созыва. Вскоре нам пришлось столкнуться с новой флотской организацией, возникшей в Петрограде, — с так называемым Центрофлотом. Костяком этой организации послужила морская секция при Петроградском Совете, состоявшая почти целиком из соглашателей. В состав Центрофлота вошли также моряки, избранные от флотов и флотилий на I Всероссийский съезд Советов. Новый орган с самого начала заявил о безоговорочной поддержке Временного правительства. Его линию определяли эсеры и меньшевики. Были в Центрофлоте и несколько большевиков, в частности мой старый товарищ Василий Марусев, кронштадтец Николай Маркин, наш центробалтовец Андрей Штарев. Но они находились в меньшинстве и не могли влиять на решения.

Центрофлот с самого начала претендовал на роль руководителя всех флотских организаций, пытался стать чем-то вроде третейского судьи в спорах между матросскими комитетами и представителями командования флотов. Правительство поддерживало Центрофлот, видя в нем верного помощника. Но Центробалт не собирался слепо подчиняться решениям соглашательской организации. В нашем уставе был пункт, позволявший отклонять антидемократические постановления Центрофлота. В окончательной редакции он выглядел так: «ЦКБФ проводит в жизнь все постановления, приказания и решения, касающиеся жизни флота, которые будут исходить из существующей центральной государственной власти и Центрофлота, согласуясь с положением флота».

Последние три слова и позволяли нам быть хозяевами положения. Такая формулировка давала возможность брать под контроль любое распоряжение властей, принимать или отклонять его. И этим мы пользовались в полной мере.

Когда Керенский подписал Декларацию прав солдата, мы нашли, что некоторые пункты этого документа не защищают, а ущемляют права рядовых. Например, Декларация запрещала военнослужащим выбирать начальников, офицеры в боевой обстановке ничем не ограничивались. Такие пункты могла использовать в своих интересах контрреволюция. Центробалт

решил приостановить на флоте действие приказа Керенского. И правительство проглотило эту горь-

[97]

кую пилюлю. Точно так же мы отменили правительственное распоряжение о переброске значительной части балтийцев на другие флоты и флотилии.

С конца мая 1917 года вся буржуазная печать начала поносить кронштадтцев, называя их изменниками родины. Поводом для злобной кампании послужила знаменитая резолюция Кронштадтского Совета, где были такие слова: «Единственной властью в г. Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит в непосредственные сношения с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Административные места в г. Кронштадте занимаются членами Исполнительного комитета или уполномоченными им лицами».

Этот документ лишал всякой власти Пепеляева — комиссара Временного правительства в Кронштадте, и он немедленно подал в отставку. Такое решение Кронштадтского Совета произвело впечатление внезапно разорвавшейся бомбы. Власти переполошились. Не имея сил и возможности принудить Кронштадт повиноваться, они начали против него злобную пропагандистскую кампанию, обвиняя кронштадтцев в «отделении от России».

Владимир Ильич Ленин неодобрительно отнесся к решению кронштадтцев, считая, что Советская власть в одном городе — это абсурд, утопия и что, замыслив такое решение, надо было посоветоваться в ЦК партии. Вместе с тем Владимир Ильич считал, что, коль скоро решение вынесено — надо держаться. Он высказал пожелание, чтобы кронштадтцы не дали поставить себя на колени в развернувшейся борьбе.

В ответ на выпады буржуазной и соглашательской прессы делегация кронштадтцев была направлена по приморским городам и базам, чтобы рассказывать морякам Балтийского флота о положении в Кронштадте, разоблачать выдумки о том, что непокорный город отделился от всей России. До приезда к нам делегация находилась в Выборге, где члены ее выступали на многочисленных митингах и собраниях. В Гельсингфорсе она побывала в городском Совете, в комитете РСДРП (б), затем пришла и к нам в Центробалт.

Встреча с нею была очень теплой. Руководитель делегации

поведал нам вкратце о последних событиях, посоветовался, на каких кораблях и в каких частях выступить.

[98]

Гельсингфорсцы восторженно встретили кронштадтцев. Команды «Севастополя», «Полтавы», «Гангута», «Петропавловска», «Республики», «Славы», «России» приняли резолюции, одобряющие действия Кронштадтского Совета. Подобные же решения были вынесены на митингах в Гжатском и Лодейнопольском полках, в Свеаборгской крепости. Под давлением матросских и солдатских масс Гельсингфорсский Совет вынужден был заявить, что «в отношении Временного правительства Кронштадтский Совет осуществил свое право».

Перед отъездом из Гельсингфорса кронштадтцы выступили на пятнадцатитысячном общегородском митинге, длившемся до позднего вечера. Гостей приняли тепло.

После этого делегация съездила в Або, а затем должна была отправиться в Ревель. Со штабом флота мы договорились, что ее возьмет на борт эсминец «Инженер-механик Зверев». Мы проводили товарищей, пожелали им счастливого пути. Но вскоре они опять появились в ЦКБФ. Вид у них был растерянный. Я спросил, что случилось.

— Ерунда какая-то, — сказал один из кронштадтцев, разводя руками, нас попросили с корабля.

— Быть того не может!

— Кто посмел?

Центробалт загудел как улей. Немедленно позвонили в штаб флота, предложили задержать выход «Инженер-механика Зверева». А уже через полчаса перед нами стоял виновник этого происшествия мичман Севастьянов. Голосом, не предвещавшим ничего хорошего, Дыбенко спросил:

— Как вы объясните Центробалту свои художества?

— Согласно уставам, — довольно резко ответил мичман, — посторонним лицам запрещается находиться на корабле.

— Вот как!.. — протянул Дыбенко и оглянулся на нас. — Я предлагаю, товарищи, за удаление с корабля лиц, размещенных там по приказу Центробалта, мичмана Севастьянова немедленно арестовать.

— Правильно! — раздались голоса.

— Есть ли надобность в голосовании по этому вопросу? — спросил Дыбенко.

— Абсолютно никакой.

Севастьянова взяли под стражу, а делегацию отправили в Ревель пассажирским пароходом.

Когда страсти улеглись, мы стали думать, что делать со строптивым мичманом. Все сошлись на том мнении, что по молодости он погорячился. В это время пришли пред-

ставители с эсминца и попросили отпустить Севастьянова. Они говорили, что он человек неплохой, прежде за ним ничего дурного не наблюдалось. К тому же у него все служебные шифры. Мы уважили просьбу. Но в воспитательных целях взяли у Севастьянова расписку в том, что по первому требованию он явится в ЦКБФ.

Постепенно Центробалт все больше расширял сферу своего влияния на флот. Матросы со штабного корабля «Кречет» держали нас в курсе событий, происходящих в штабе. Центробалт знакомился со всеми радиограммами и телеграммами, направляемыми из штаба на корабли. Командование флота не оставляло, однако, попыток подорвать наше влияние, используя для этого малейшую возможность.

Серьезный конфликт между штабом и Центробалтом возник из-за плана командования перебазировать некоторые корабли. Штаб подготовил приказ о переводе из Ревеля в Гельсингфорс 1-й бригады крейсеров. Одновременно крейсерам 2-й бригады предписывалось идти в шхеры. Внешне это выглядело как обычная передислокация кораблей. Но на самом деле в приказе таился иной смысл. Дело в том, что команды 1-й бригады в то время всецело находились под влиянием соглашателей, а во 2-й — начали проявляться большевистские настроения. Проводя «перетасовку» кораблей, контр-адмирал Вердеревский стремился создать в Гельсингфорсе некоторое равновесие политических сил, сколотить более крепкое антибольшевистское ядро.

Приказ был подготовлен и направлен по адресам, но Центробалт о нем не уведомили, так как передислокация крейсеров подпадала под рубрику оперативных действий командования, над которыми ЦКБФ формально был не властен. Однако судовые комитеты крейсеров 2-й бригады в действиях командования усмотрели политический характер и немедленно сообщили в Центробалт.

Мы решили наложить запрет на приказ командования. Но для этого нужно было заручиться поддержкой широкой матросской общественности. Пригласили представителей 37 судовых комитетов обменяться мнениями. А к Вердеревскому направили нескольких членов Центробалта с просьбой разъяснить смысл отданного приказа.

Быстро разрастающийся конфликт между командованием и Центробалтом совпал с периодом резкого подъема политической борьбы в стране. 18 июня во многих городах страны

[100]

состоялась мощная политическая демонстрация. В Гельсингфорсе она приняла невиданные дотоле размеры. Весь гарнизон города и почти все команды кораблей, за исключением вахтенных, вышли на улицы. Над колоннами пламенели флаги и полотнища лозунгов. Матросы и солдаты несли транспаранты с требованиями ввести выборное начало в армии и на флоте, убрать комиссаров и начальников, назначенных Временным правительством, немедленно удалить из правительства представителей буржуазии и передать всю власть Советам. Над колонной линкора «Республика» выделялись лозунги: «Долой представителей буржуазии из министерства!», «Вся власть Советам!», «Да здравствует Интернационал!».

Я тоже пошел на демонстрацию вместе с командой своего корабля. Приятно было шагать рядом со старыми товарищами по борьбе, с гордостью сознавать, как выросли наши ряды, какая огромная сила идет теперь за партией большевиков. Вот по-праздничному торжественный Федор Дмитриев, скромный и задумчивый Александр Лебедев, улыбчивый Иван Чистяков. Чистяков весь светился радостью. Указывая на взметнувшиеся над толпой знамена и плакаты, он возбужденно проговорил:

— Видишь, Коля, наша берет! Сколько лозунгов — и все большевистские, все против буржуев. Завизжат «временные», когда узнают!

Дмитриев тоже улыбался, зараженный непосредственной радостью добродушного великана. Он сказал, хлопнув его по спине:

— Так и должно быть, Гурьяныч, все идет правильным курсом! Еще немного — и весь народ за большевиками поднимется...

— Это точно, — согласился Чистяков, — и уже скоро!

Колонны двигались по городу, заполнив центральные улицы. Жители Гельсингфорса толпились на тротуарах, с любопытством глядя на демонстрантов, многие улыбались, приветливо махали руками. Лишь через несколько часов окончилась грандиозная демонстрация. На Вокзальной площади состоялся многотысячный митинг, единогласно принявший резолюцию, предложенную Гельсингфорсским комитетом большевиков. Заканчивалась она словами: «Да здравствует российская и всемирная социальная революция! Да здравствует Третий Интернационал! Да

здравствует социализм!»

С вокзального телеграфа эту резолюцию отправили Всероссийскому съезду Советов.

[101]

А на следующий день представители 37 судовых комитетов вместе с членами Центробалта собрались на «Республике» для обсуждения вопроса о посылке в шхеры 2-й бригады крейсеров. По поручению Центробалта я рассказал собранию о наших переговорах с командующим, о тех объяснениях, которые дал нам Вердеревский. По его словам, цель похода сводилась к тому, чтобы командиры крейсеров поучились вождению кораблей в шхерах. Выступавшие товарищи высмеяли это объяснение Вердеревского, рассчитанное на простаков.

— Нужно ли для такой цели уводить крейсеры на все лето! — говорили они. — К тому же каждому матросу известно, какой сейчас на флоте недостаток топлива и продовольствия. Проводить учения в больших масштабах по меньшей мере смешно в такой обстановке. Учения — это, конечно, ширма. Дело все в политику упирается...

Собрание единогласно постановило — признать объяснения командующего неосновательными и выразить ему недоверие. Представители судовых комитетов требовали, чтобы быстрее был принят закон о выборном начале на флоте. Товарищам из 2-й бригады крейсеров предложили остаться на месте.

Узнав о таком решении, генеральный комиссар Временного правительства при командующем Балтийским флотом Ф. М. Онипко незамедлительно телеграфировал в морской генеральный штаб. Конфликт вышел за пределы нашей военно-морской базы.

Мы договорились держаться твердо и своих позиций ни под каким нажимом не сдавать. К сожалению, дело осложнили команды «Петропавловска» и «Славы». На линкоре «Петропавловск» участники митинга, поддавшись агитации группы анархистов, вынесли резолюцию с ультиматумом Временному правительству: в 24 часа убрать из его состава десять министров-капиталистов. В противном случае матросы грозили подойти к Петрограду и обстрелять столицу. Весь флот они призывали последовать их примеру. На «Славе» произошел инцидент другого рода. Команда отказалась вести корабль в Рижский залив, куда его направлял штаб.

Вердеревский пригласил на «Кречет» представителей ЦКБФ. Из большевиков среди них оказался только один Силин. Командующий нарисовал мрачную картину развала флота и предложил центробалтовцам повлиять на команду линкора

«Петропавловск».

Но нам и без его просьбы было ясно, что петропавловцы [102]

наломали дров. Пришлось серьезно поговорить с ними, предупредить, чтобы впредь воздерживались от преждевременных ультиматумов. «Славе» Центробалт порекомендовал выполнить оперативный приказ штаба. Корабль последовал этому совету.

К концу июня 1917 года авторитет Центробалта вырос настолько, что мы уже без колебаний приостанавливали действие некоторых приказов по флоту, даже если под ними стояла подпись военно-морского министра. Так мы сорвали формирование морских ударных батальонов, предназначавшихся для отправки на сухопутный фронт. Правительство, разумеется, было в ярости, но поделать ничего не могло.

Вскоре мы начали готовиться к приему новых товарищей, избранных в Центробалт второго созыва. Состав его расширился, да и секции все больше обрастали активом. На маленькой «Виоле» становилось тесновато. Не помню, кому пришла в голову мысль использовать под помещение яхту «Полярная звезда». Изящное судно прежде было личной собственностью матери Николая II. О роскоши его внутренней отделки среди матросов ходили легенды.

Командование согласилось предоставить нам «Полярную звезду». Когда она прибыла в Гельсингфорс и швартовалась у стенки, на набережной собралась толпа любопытных. Трудно было не залюбоваться этим длинным, низко сидящим в воде, с откинутыми назад трубами красавцем кораблем.

Мы сразу же и перебрались на яхту. В бывшей царской каюте, стены которой были отделаны светлым шелком, поставили столы и стулья для канцелярии Центробалта. В огромном салоне оборудовали зал заседаний. Наиболее вместительные помещения отвели для работы секций ЦКБФ, а в остальных разместились члены Центробалта.

Сосед мне попался хороший. Иван Сапожников был избран в Центробалт от 1-го Отдельного батальона Приморского фронта. Это — стойкий, убежденный большевик, пользовавшийся у товарищей большим уважением. Его любили за принципиальность и скромность. Ему много пришлось пережить в жизни. В 1912 году вместе с группой подготовлявших восстание в Балтийском флоте Сапожников был схвачен охранкой, судим и приговорен к смертной казни. Приговор потом заменили каторжными работами. Отбывал он их на острове Нарген. В Центробалте Сапожников неуклонно проводил большевистскую

линию.

[103]

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Удивительно теплые и безоблачные дни стояли в Гельсингфорсе в первых числах июля 1917 года. Нагретые солнцем серые громады кораблей словно дремали на безмятежной глади залива. В свободное от вахты время матросы купались, невзирая на то, что вода в гавани была кое-где покрыта пленкой нефти и вообще не отличалась чистотой. Увольнявшиеся на берег уходили подальше за город — в лес, на пляжи.

Жаркая погода разморила людей, даже митинги стали проводиться реже. Однако мир и покой были только кажущимися. Вскоре события завертелись с головокружительной быстротой, внеся сумятицу в умы гельсингфорсских матросов.

Как-то ранним утром мы с Сапожниковым вышли из каюты, поднялись на палубу подышать свежим воздухом. На рейде маленький буксир разворачивал серую громаду корабля. Иван, защитив ладонью глаза от солнца, несколько секунд вглядывался в его силуэт, стараясь прочитать название на борту.

— Какой-то крейсер к нам пожаловал, похоже, «Адмирал Макаров».

— Точно, — подтвердил я, — он самый.

— Значит, верноподданные к нам прибыли, лучшие друзья Временного...

Действительно, команда «Адмирала Макарова» в то время почти целиком состояла из соглашателей и была известна тем, что безоговорочно поддерживала правительство. В последних числах июня крейсер находился в районе Моонзундских островов, где поддерживал дозорные корабли.

Появление «Адмирала Макарова» в Гельсингфорсе никого особенно не удивило. Все знали, что командование по мере надобности проводит различные переброски судов. На другой день в гавань вошли три подводные лодки, прибывшие из района Ганге, и три эсминца из Лапвика. На всех этих кораблях команды были настроены соглашательски. Это уже показалось нам подозрительным.

[104]

После очередного заседания Центробалта, задержав нескольких членов президиума, Дыбенко высказал свои соображения:

— Не нравится мне эта передислокация. Пока, конечно, возражать против нее нет прямых оснований, но надо быть начеку...

В ночь на четвертое июля флотские радиостанции приняли экстренное сообщение из Петрограда. Бюро ВЦИК открытым текстом просило всех слушать только призывы Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Приняла эту радиограмму и станция «Полярной звезды». Примерно в это же время в штаб командующего флотом по прямому проводу поступила юзограмма от помощника морского министра. Она сообщала, что солдаты пулеметного полка устроили на улицах столицы беспорядки, в городе слышна стрельба.

Так, в Гельсингфорсе впервые узнали о событиях в Петрограде. Утром из столицы не было никаких сведений, но после полудня в Центробалте стало известно, что штаб флота по аппаратам связи принял воззвание бюро ВЦИК к солдатам: не выходить на улицы с оружием в руках. Эта весть еще больше встревожила нас. Находясь в неведении об июльской демонстрации, мы чувствовали, что в столице происходит нечто серьезное.

В этот же день на «Полярную звезду» явились двое матросов, приехавших из Петрограда.

Они подтвердили, что там, где-то в центре, действительно раздавались винтовочные выстрелы.

На кораблях, стоявших в гавани, нарастало возбуждение. Поползли самые невероятные слухи о положении в Петрограде. Наиболее горячие головы уже с уверенностью утверждали, что началось вооруженное восстание. Моряки кучками собирались на палубах, в кубриках. Жадно слушали тех, кто хоть что-то знал.

Во второй половине дня в Центробалт явился взволнованный офицер из штаба командующего.

— Я от адмирала Вердеревского, — сказал он, обращаясь к Дыбенко. Командующий флотом считает совершенно недопустимым открытое телеграфирование.

— Это вы о чем? — спросил удивленный Дыбенко.

— Радиостанция «Республики» отправила радиограмму Кронштадтскому Совету. Позвольте зачитать текст. Тут говорится: «Экстренно сообщите о последних событиях. Нужна ли помощь?» Вердеревский считает...

— То, что считает Вердеревский, мы уже слышали, -

[105]

раздраженно сказал Дыбенко. — Передайте адмиралу, что вопрос этот мы выясним.

После ухода офицера разгорелся спор: правильно ля поступили матросы «Республики», снесясь с Кронштадтом через голову командования? Большинство сошлось на том, что — не

время вдаваться в уставные тонкости, когда надо срочно узнать о событиях и определить свое к ним отношение. Может быть, требовалась срочная помощь петроградским товарищам.

Вскоре от матросов со штабного корабля мы узнали, что в столице происходит нечто вроде вооруженной манифестации. Как будто бы демонстранты обстреляны из пулеметов. Все эти отрывочные сведения только усиливали возбуждение. В Мариинском дворце срочно собрались представители всех революционных организаций Гельсингфорса. На этом совещании было принято обращение, которое сразу же отправили в казармы, на корабли и на заводы. В нем говорилось: «Товарищи матросы, солдаты и рабочие! В связи с происходящими в Петрограде событиями, вызванными кризисом власти, совещание центральных революционных организаций Гельсингфорса призывает вас с величайшей осторожностью относиться ко всякого рода слухам. Оно зовет вас сплотиться теснее вокруг своих революционных организаций, сохранять полную выдержку и бдительно следить за всякими контрреволюционными попытками, сообщая о таковых своим организациям и Осведомительному бюро революционных организаций Гельсингфорса (Мариинский дворец).

Вместе с тем совещание призывает вас быть готовыми встать на поддержку революционной демократии в ее борьбе за власть.

Осведомительное бюро будет непрерывно осведомлять армию, флот, рабочих и население Финляндии о текущих событиях.

Вся власть Всероссийскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

Сплотимся вокруг революционной борьбы нашей трудовой демократии за власть!

Никаких неорганизованных выступлений!»

Большие опасения вызывала у нас позиция, занятая штабом командующего флотом. Мы знали, что по аппаратам Юза ведутся двухсторонние переговоры командования с морским министерством и генеральным штабом. Получая информацию из Петрограда, командование почему-то не

[106]

доводило ее до нас. Это настораживало членов Центробалта. Президиум ЦКБФ решил послать в штаб комиссаров, которые должны были присутствовать во время переговоров на линиях прямой связи со столицей. Избрали трех человек. В их число попал и я. Получив мандат, немедленно отправился в штаб командующего.

Телеграфная рубка на «Кречете» была местом, куда строжайше запрещался доступ всем посторонним. Кроме обслуживающего персонала сюда могли заходить лишь самые доверенные офицеры штаба. Эти строгости были вполне понятными: через руки связистов проходили данные о дислокации кораблей, приказы, распоряжения и другие секретные документы.

Члены Центробалта тоже не имели права доступа в рубку.

Разыскав дежурного офицера, я предъявил ему свой мандат. Он явно растерялся, начал бормотать, что он не может сам решить этот вопрос, и отправился к адмиралу Вердеревскому. Чинить препятствий мне не стали, и я прошел в тесную аппаратную. Кроме телеграфистов и шифровальщиков в ней находились начальник штаба капитан 1 ранга Зеленой и флаг-капитан оперативной части князь Черкасский. Увидя меня, они буквально остолбенели. В рубке воцарилась неловкая тишина. Офицеры штаба знали меня в лицо и, конечно, понимали, что член Центробалта пришел сюда неспроста. После длительной паузы Зеленой сказал:

— Вы, очевидно, знаете, что здесь идет прием и расшифровка оперативных телеграмм. Они, как известно, подлежат только ведению командования.

— Об этом мне известно, — сказал я. — Но в сложившейся обстановке Центробалт считает, что должен быть в курсе всех дел. Мне приказано знакомиться с содержанием всех без исключения юзограмм. Вот мой мандат.

Вошедший после меня дежурный офицер доложил начальнику штаба, что Вердеревский разрешил представителю Центробалта присутствовать в телеграфной рубке.

Зеленой пожал плечами.

Первая телеграмма, с которой я ознакомился, была подписана помощником военно-морского министра Дудоровым и гласила: «Немедленно прислать «Победителя», «Забияку», «Гром» и «Орфей» в Петроград, где им войти в Неву. Идти полным ходом. Посылку их куда — держать в секрете. Если кто и будет из этих миноносцев не может быстро выйти — не задерживать других.

[107]

Начальнику дивизиона по приходе явиться ко мне — временно возлагает на нибритания задержена чукие. И если потребуется действие противника прибывших цев. Если по вашим соображениям указанные миноносцы прислать невозможно совершенно замените их другим дивизионом, наиболее надежным».

Я намеренно привожу здесь телеграмму в том виде, как она выглядела после расшифровки. Впоследствии выяснилось, что в тексте, переданном из Петрограда, после фразы «Начальнику дивизиона по прибытии явиться ко мне» шли слова: «Временное правительство возлагает на них задачу демонстрации и — если потребуется — действие против прибывших кронштадтцев». Если бы это стало известно в тот момент — не миновать бы серьезных последствий. Шутка ли — помощник морского министра предлагал направить пушки эсминцев против вышедших на июльскую демонстрацию кронштадтцев!

Но и без того было очевидно, что боевые корабли понадобились Временному правительству, чтобы противопоставить их народным массам.

Вторая депеша была еще хлеще первой. В ней говорилось: «Временное правительство по соглашению с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов приказало принять меры к тому, чтобы ни один корабль без вашего на то приказания не мог идти в Кронштадт, предлагая не останавливаться даже пред потоплением такого корабля подводной лодкой...»

Прочитав этот текст, я растерялся. Держа оба сообщения в руке, лихорадочно соображал: что делать?

Гнетущую тишину в рубке нарушил Зеленой. Нервно постукивая пальцами по столу, он негромко произнес:

— Мне кажется, что нам надо трезво взвесить все обстоятельства дела... шифровка, конечно, необычна... надо посоветоваться с командующим. Полагаю, вы не будете предпринимать поспешных действий.

Не выпуская телеграмм из рук, я твердо сказал, что сейчас же иду в Центробалт. Зеленой больше всего боялся именно этого, но что он мог поделать? Во всяком случае, задержать меня он не мог. Матросы с «Кречета» помешали бы.

Выйдя из рубки, я быстро пошел к трапу, но меня перехватил дежурный офицер.

— Одну минуточку, — сказал он торопливо. — Командующий флотом просит вас зайти к нему.

Хотя по форме это была всего лишь просьба, отказаться было нельзя. К тому же я подумал, что командующий фло-

том выскажет свое отношение к депешам из Петрограда, и я смогу доложить Центробалту точку зрения Вердеревского.

Когда мы вошли в каюту, адмирал, отпустив дежурного, предложил мне сесть. Поблагодарив, я остался стоять. Несколько

секунд Вердеревский испытующе смотрел на меня, потом подошел ближе и в упор спросил:

— Что вы намерены делать с полученными юзограммами?

— Доложу о них президиуму Центробалта. Сейчас на «Полярной звезде» собрались представители судовых комитетов Гельсингфорсской базы. Думаю, что они должны быть ознакомлены с текстом этих документов.

— А вы отдаете себе отчет в том, что может произойти, если прочитать их на собрании?

Я, конечно, понимал, что оглашение секретных приказаний Временного правительства на «Полярной звезде», где атмосфера и без того накалена до предела тревожными слухами о событиях в Петрограде, вызовет взрыв возмущения.

— Положение очень серьезное, — сказал командующий, — хочу, чтобы вы, а через вас и Центробалт точно знали о моей позиции в этом вопросе. Заявляю вполне ответственно, что данной мне властью не допущу, чтобы флот был втянут в междоусобную борьбу. Так и доложите президиуму. Приказ Дудорова пагубен. Теперь второй вопрос. Я понимаю, что вы обязаны выполнить свой долг и покажете телеграммы президиуму. Однако я прошу о том, чтобы их содержание не стало достоянием членов судовых комитетов. Я не хочу допускать излишнего накала страстей. Полагаю, что командование в состоянии обо всем договориться с Центробалтом... уверяю вас, что в этом вопросе мы будем действовать сообща и не позволим использовать корабли флота в политической борьбе. Вы можете обещать мне, что юзограммы не будут зачитаны на собрании?

— Этого сделать не могу, — ответил я. — Тут уж как решит президиум.

Вердеревский задумался, потом решительно сказал:

— Тогда давайте договоримся вот о чем — если будет решено огласить юзограммы, прошу пригласить меня на заседание. Я сам зачитаю их. Имейте в виду, что это очень важно. Представители судовых комитетов должны знать, что командование флота не собирается выполнять приказа

[109]

Дудорова. Прошу вас дать слово, что без меня юзограммы не будут преданы гласности.

— Хорошо, такое слово я могу вам дать.

Придя на «Полярную звезду», я попросил членов президиума выслушать в узком составе мое сообщение. Депеши Дудорова вызвали бурную реакцию. Особенно негодовал пылкий Дыбенко. Каких только эпитетов не нашлось в его лексиконе в адрес

помощника морского министра и Временного правительства! Однако, когда улеглись страсти, сразу же встал вопрос о том, что делать.

Я доложил о своем разговоре с Вердеревским.

— Боится командующий, — сказал с уверенностью Дыбенко. — Наверное, вспомнил, как в марте матросы расстреляли адмирала Непенина.

Председатель Центробалта настаивал сейчас же зачитать телеграммы представителям судовых комитетов. Я уперся, ссылаясь на данное Вердеревскому обещание. Большинство членов президиума поддержали меня. В конце концов решили, что надо о нашем намерении поставить в известность командующего. Вместе со мной к адмиралу послали Андрея Штарева.

На этот раз мы застали у Вердеревского начальника штаба Зеленого и капитана 2 ранга Муравьева. Вердеревский, видимо, уже успел обо всем переговорить с ними. Он вновь заявил, что считает распоряжения Дудорова недопустимыми и не намеревается их выполнять.

— Мне кажется, — добавил Вердеревский, — что в Петрограде под влиянием совершающихся событий растерялись...

Он предложил послать Дудорову ответ и зачитал заготовленный проект.

Он был составлен в довольно резком тоне. Командующий писал, что считает посылку миноносцев в Неву актом чисто политическим и не согласен с таким распоряжением. Заканчивалось послание словами: «Центральный комитет и я употребили все усилия, чтобы удержать флот от междоусобной войны, куда никто не имеет права его втягивать».

Вердеревский подписал текст и неожиданно предложил сделать то же самое мне, как представителю Центробалта. Я охотно согласился. Тут же был вызван дежурный офицер, получивший приказ зашифровать текст и отправить в Петроград.

— А теперь, — сказал адмирал, — я вас слушаю. Узнав о решения Центробалта огласить юзограммы Дудорова, командующий в последний раз попытался нас

[110]

уговорить. Но мы держались твердо. Я в свою очередь доказывал адмиралу, что скрывать эти документы нет никакого смысла.

— Раз мы с вами совместно ослушались приказания, то незачем скрывать и шифровки.

Адмирал вдруг перешел на патетический тон.

— Я служу не людям, а Родине, и если флот вовлекают в политическую борьбу, то я не исполню приказания, а там могут меня сажать в тюрьму!..

После некоторого колебания Вердеревский все же решился:

— Пожалуй, я сам пойду на «Полярную звезду» и сделаю сообщение всем собравшимся комитетам.

Надо сказать, что опасения командующего насчет тюрьмы, как оказалось впоследствии, имели серьезные основания. Но об этом я расскажу позже.

Когда мы сошли с «Кречета», Штарев заметил:

— Ох и хитрая же лиса наш командующий!.. Собственных матросов боится больше правительства. Вот и обеспечивает себе безопасность. Интересно, как бы он поступил, если шифровки Дудорова не стали бы нам известны?..

Вердеревский явился на заседание Центробалта почти вслед за нами и сразу же попросил слова. Дипломатичный адмирал вскользь проронил, что считает себя человеком далеким от политики и не склонен поддерживать никакие политические авантюры, даже если бы они исходили из самых высоких кругов. Не забыл он упомянуть и о том, что отказался выполнить приказ. Лишь после этого адмирал начал зачитывать текст.

В салоне стояла мертвая тишина. Моряки слушали с напряженным вниманием. Вердеревский комментировал каждую фразу, стараясь сгладить остроту. То место, где предлагалось не останавливаться перед потоплением «ослушавшихся» кораблей подводными лодками, он вообще опустил. И все же охладить накаленную атмосферу ему не удалось. Едва командующий умолк, со всех сторон посыпались возмущенные реплики:

— Подумайте только, товарищи, эти сволочи решили стравить балтийцев друг с другом!

— Это прямая контрреволюция!

— Дудорова судить надо немедленно — провокатор он...

Наиболее горячие кричали, что настало время весь флот двинуть на Петроград и разогнать Временное правительство. Президиуму с большим трудом удалось навести относи-

тельный порядок, направить ход собрания в более спокойное русло.

Представители судовых комитетов просили слова один за другим. Большинство стояло на том, что надо оказать какую-либо помощь рабочим и солдатам Петрограда.

Резолюция заседания Центробалта совместно с представителями судовых комитетов выглядела весьма

внушительно. Она предлагала ВЦИКу, не теряя времени, взять власть в свои руки, образовать исполнительный орган для замены Временного правительства. Помимо того, балтийцы требовали арестовать помощника морского министра капитана 1 ранга Дудорова, доставить его в Центробалт и предать суду. Резолюция предлагала также генеральному комиссару Временного правительства при командующем флотом немедленно покинуть свой пост.

Резолюцию эту доставить во ВЦИК поручили специальной делегации, в которую вошли представители Центробалта и судовых комитетов — всего 67 человек. Из членов ЦКБФ в нее включили Николая Измайлова, Августа Лооса, Петра Крючкова и меня.

Н.Ф. Измайлов

Н. Ф. Измайлов

Представитель судового комитета «Орфея» предложил

отправить матросских посланцев на их корабле. Эту идею встретили с восторгом. «Орфей» был одним из четырех эсминцев, вызванных Дудоровым в Петроград для противодействия кронштадтцам. Теперь же «Орфей» повезет делегацию, которая должна арестовать самого Дудорова!

Бурное заседание закончилось поздней ночью. Полные решимости немедленно свергнуть Временное правительство, мы и не подозревали, что в Петрограде уже победила контрреволюция. И конечно, мы ничего не знали о том, что ВЦИК, которому балтийцы предлагали взять власть в свои руки, вступил в соглашение с правительством и дал согласие на расправу с большевиками.

В ту ночь мне так и не удалось заснуть. К нам в каюту неожиданно пришел офицер связи. Он сообщил, что командующий флотом хочет встретиться со мной еще раз и просит принести с собой резолюцию заседания.

Я было хотел отказаться от этого приглашения, но Сапожников отсоветовал.

— Сходи, — сказал он, — может быть, узнаешь что-нибудь новое от адмирала. Да и потом — нам интересно знать, как он относится к нашей затее...

Я последовал его совету и в третий раз за эти сутки отправился к Вердеревскому. Офицер связи объяснил, что он находится сейчас на даче, и проводил меня туда.

[112]

Несмотря на позднее время и домашнюю обстановку, адмирал встретил меня в полной форме. Попросив резолюцию, он опустился в глубокое кресло, осторожно развернул листки. Читал он внимательно, к некоторым местам возвращался. Я искоса наблюдал за ним, пытаясь определить по выражению лица, как он относится к нашим требованиям. Но оно было непроницаемым. Наконец Вердеревский поднял седую голову, с минуту о чем-то думал, потом аккуратно сложил бумажки и возвратил мне.

— Отправляетесь на «Орфее»? — спросил он.

— Да. На рассвете.

— Ну что же, счастливого пути...

Командующий, видимо, понимал, что в сложившейся обстановке с его возражениями все равно не посчитались бы, и потому решил остаться сторонним наблюдателем.

5 июля в 3 часа 30 минут «Орфей» снялся со швартов. Медленно обогнув громады стоящих на рейде линкоров и крейсеров, эсминец вышел из гавани в открытое море и стал набирать ход. Палуба заметно завибрировала под ногами, в лицо

упруго ударил соленый морской ветер. Утомленные бессонной ночью, члены делегации устроились на отдых: кто — в матросских кубриках, кто — на палубе.

Во второй половине дня на горизонте показались очертания острова Котлин. Слева по борту на фоне неба отчетливо вырисовывался купол Морского собора, возле Усть-Рогатки возвышался лес корабельных мачт, далее вдоль берега вытянулись корпуса Морского завода.

На траверсе Кронштадта члены делегации собрались на совет: как держать себя во ВЦИКе? Огласить резолюцию товарищи предложили мне. Я согласился.

Вскоре «Орфей» вошел в устье Невы и пришвартовался невдалеке от Николаевского моста. Прежде чем идти по адресу, решили заглянуть в Центрофлот, выяснить обстановку. На набережной встретился патруль гардемаринов флота. Нам приказали остановиться. Старший, ссылаясь на распоряжение командующего Петроградским военным округом, заявил, что вынужден нас задержать и доставить в Адмиралтейство.

Я объяснил, что мы делегация из Гельсингфорса и сами направляемся в Адмиралтейство. Начальник патруля заикнулся было, что гардемарины все же будут нас сопровождать. Раздались раздраженные голоса матросов:

— Нам никаких провожатых не надо!

— Без нянек обойдемся...

— Катитесь подальше!..

[113]

Нас было примерно впятеро больше, чем патрульных, к тому же у каждого матроса имелся револьвер. Гардемарины сочли за лучшее отстать. Все же эта встреча насторожила: неспроста, видно, отдан приказ задерживать матросов...

В Адмиралтействе разыскали знакомых членов Центрофлота. Они рассказали об арестах в столице, о разоружении кронштадтцев, о разгроме редакции «Правды». В общем, опираясь на вызванные в Петроград войска, реакция перешла в наступление...

Некоторые наши товарищи заметно приуныли, засомневались, стоит ли теперь идти во ВЦИК. Большинство настояло, что передать решение гельсингфорсских моряков все же следует. Более того, в резолюцию вписали дополнительное требование об освобождении арестованных кронштадтцев. Центрофлотцы отговаривали, считая нашу затею бессмысленной, предупреждали, что нас попросту арестуют. Но даже это не остановило представителей Гельсингфорса.

До Таврического дворца, где заседал ВЦИК, мы добрались без приключений. В вестибюле нашу группу задержали, стали расспрашивать, кто мы, откуда. Узнав, что имеет дело с делегацией из Гельсингфорса, дежурный попросил нас подождать. Вернувшись, он предложил пройти в помещение, где заседал ВЦИК. Как раз был перерыв. К нам подошла какая-то женщина.

— Откуда прибыли, товарищи? — громко спросила она,

— Из Гельсингфорса.

— Наверное, требования с собой привезли?

— Так точно!

— Неудачный момент вы выбрали. Но коль приехали — доводите дело до конца. Только не горячитесь. Помните, что для России нет сейчас ничего важнее, как выиграть войну. Вот когда покончим с Германией, тогда и свою буржуазию в бараний рог согнем!

Она еще несколько минут поговорила с нами, а затем, услышав звонок, пошла на свое место. Ухватив за рукав проходившего мимо человека, я спросил у него, кто эта дама. Он почтительно ответил:

— Разве не узнали? Это Мария Спиридонова — член ЦК партии эсеров...

Началось заседание. Председательствовал суетливый человек явно нервного склада. Старомодное пенсне и бородка клинышком делали его похожим на земского врача. Это был известный меньшевик Чхеидзе.

[114]

Наша группа стояла возле трибуны. Никто не предложил нам сесть, а сами мы, несмотря на то что в зале были свободные места, не решились.

Чхеидзе позвонил в колокольчик, дождавшись, когда в зале стихнет гул, объявил:

— К нам прибыла делегация от Балтфлота и желает сделать заявление.

Кто-то из товарищей ободряюще хлопнул меня по спине:

— Давай, Николай, не робей!

Доброе напутствие не помогло. Поднимаясь на трибуну, я отчаянно волновался. Чтобы выиграть время и подавить волнение, не спеша достал резолюцию, медленно развернул ее, положил перед собой, начал разглаживать ладонью. Во взорах, обращенных на меня из глубины зала, чувствовалась настороженность и даже враждебность. И тут я как-то сразу успокоился: какого черта мне робеть перед этими соглашателями,

если за мной такая сила? Я начал читать резолюцию. Первый же пункт, где предлагалось ВЦИКу взять власть в свои руки, вызвал невероятный шум в зале. Члены Исполнительного комитета кричали, топали ногами, выражая свое негодование. Председатель Чхеидзе с трудом восстановил тишину. Но и потом буквально после каждой фразы шум поднимался снова. Последние слова я почти прокричал:

— Шлем свой братский привет революционному пролетариату и армии Петрограда!

Галдеж усилился. Лишь небольшая группа людей, сидевших в левой стороне зала, аплодировала. Это были большевики. Один из них вдруг поднялся и крикнул, обращаясь к членам ВЦИКа:

— Рано, господа, торжествуете победу! Прошел могучий вал — вы сумели уцелеть. Но девятый вал революции сметет вас всех, как кучу мусора!

Наша делегация уходила из зала сопровождаемая угрозами. Нам кричали, что мы опозорили флот, что нас надо немедленно арестовать.

Однако никто не помешал нам свободно выйти из дворца и отправиться восвояси. Многие наши товарищи были подавлены. Обменявшись мнениями, решили завтра вернуться в Гельсингфорс.

Воспользовавшись свободным вечером, я пошел навестить сестру, у которой и заночевал.

Утром мне бы сесть на поезд и уехать в Финляндию. Но я отправился в Центрофлот. Здесь меня ждала ошеломляющая новость: наша делегация арестована на «Орфее». Часть

людей доставили в Адмиралтейство и уже допрашивали. Следствие велось рядом с комнатой, где я разговаривал с центрофлотцами. Дверь почему-то была открытой, и можно было слышать каждое слово.

Кто-то из арестованных уверял следователя, что его послали в Петроград против воли, он ничего не знает и вообще не согласен с резолюцией. Возмущенный поведением члена нашей группы, я уже собрался броситься к нему, но в этот момент ко мне подошел член Центрофлота Соловьев. Он заявил, что по распоряжению Временного правительства должен арестовать и меня.

— Эх, матрос, — с укоризной бросил я ему, — согласился на полицейскую роль!

Соловьев ничего не ответил. Меня посадили в автомобиль и повезли. Скоро стало ясно, что машина направляется в «Кресты».

На Петроградской стороне, недалеко от тюрьмы, встретилась группа матросов из нашей делегации. Как я узнал впоследствии, их доставили в «Кресты», допросили и сразу же выпустили. Меня же, судя по персональному приказу об аресте, ждала другая участь...

Тюремные формальности заняли совсем немного времени. Администрация удостоверила мою личность, затем молчаливый надзиратель отвел в одиночную камеру.

Тюрьма эта получила название «Кресты» из-за конфигурации здания. Четыре кирпичных корпуса сходились друг с другом под прямым углом. Камеры располагались вдоль наружных стен. Двери одиночек выходили на узкую металлическую площадку — нечто вроде длинного балкона с поручнями. Галерея опоясывала все здание. В середине оставался большой пролет. Этаж с этажом связывали узкие металлические лестницы. С любого места галереи дежурный надзиратель мог охватить взглядом все двери одиночек разом.

Камеры были небольшими. В каждой стояла привинченная к стене кровать. У окна — столик и табуретка. В углу на полочке — оловянная тарелка и оловянная кружка, которые заключенный не мог использовать как оружие или инструмент. Тут же лежало Евангелие, чтобы заключенные могли обратить свои помыслы к богу.

В царское время в «Крестах» существовали довольно суровые порядки. Но летом семнадцатого года от строгостей почти не осталось следов. Тюремщики потом объясняли это тем, что они не были уверены в прочности Временного правительства и многие заключенные могли оказаться у власти. Администрация не придиралась к передачам, разре-

шала переписку, позволяла приносить в тюрьму газеты, сквозь пальцы смотрела на общение арестованных друг с другом.

В первый же день я встретил во время прогулки своих товарищей по Центробалту — Измайлова и Крючкова. Мне удалось переговорить с обоими. Условились, как держаться на допросах, какие показания давать. О судьбе остальных членов делегации ни Измайлов, ни Крючков не знали.

На следующий день в мою камеру привели еще одного подследственного. Им оказался заместитель председателя Центробалта Сергей Магнитский унтер-офицер крейсера «Богатырь». Каким образом он очутился в Петрограде, почему его арестовали? Ведь Магнитский горой стоял за Временное правительство, почитал Керенского...

Мой сосед находился в подавленном состоянии. Но я постепенно заставил его разговориться и узнал, что произошло в Гельсингфорсе после отъезда нашей делегации.

5 июля Центробалт совместно с судовыми комитетами всех кораблей вновь принял резолюцию с требованием отнять власть у Временного правительства. В тот же день, несмотря на то что в Гельсингфорсе уже знали об усиления контрреволюции в столице, ЦКБФ издал приказ считать недействительными все распоряжения, поступающие из Петрограда за подписью помощника морского министра Дудорова.

В Петроград на эсминце «Гремящий» была послана вторая делегация. Возглавил ее Дыбенко. Вошел в нее и Магнитский. Однако едва корабль бросил якорь, явились вооруженные юнкера и арестовали делегатов...

После июльских событий «Кресты» были переполнены. В одиночные камеры стали помещать по двое. Так вот и оказались мы с Магнитским вместе. Ему принесли матрац, одеяло, подушку. Постель разложили на полу. Он кипел от негодования и все время чертыхался. Я не удержался от того, чтобы не позлорадствовать над ним:

— Никак не пойму, за что же тебя твой дорогой Александр Федорович Керенский в тюрьму посадил?

В ответ Магнитский разразился новым потоком брани. Не прошло и трех дней, как его освободили. Нас, большевиков, власти не торопились выпускать. Напротив, в тюрьму поступали все новые товарищи.

На одной из прогулок я встретил Павла Дыбенко. Что-нибудь нового он сообщить не смог. Через несколько дней в «Кресты» доставили схваченных в Гельсингфорсе Антонова-Овсеенко и Михаила Рошаля. Они рассказали, что волна

[117]

репрессий докатилась и до столицы Финляндии. Приказом Керенского Центробалт распущен, и должны состояться новые выборы его. Военно-морской министр потребовал, чтобы команды кораблей арестовывали всех, кто призывает к неповиновению Временному правительству. Экипажам «Петропавловска», «Республики» и «Славы», «имена коих запятнаны контрреволюционными действиями и резолюциями», повелел в 24 часа выдать зачинщиков и доставить их в Петроград.

В Гельсингфорс понаехали эсеровские и меньшевистские деятели. На митингах они, угрожая военно-полевым судом, заставляли матросов и солдат принимать резолюции о поддержке Временного правительства. С помощью военной силы

соглашатели закрыли большевистскую газету «Волна», руководителей Гельсингфорсского комитета РСДРП (б) арестовали.

Узнал я и о том, что правительство, вызвав в Петроград командующего Балтийским флотом, приказало взять его под стражу. Правда, в заключении Вердеревский пробыл недолго, и это никак не отразилось на дальнейшей карьере адмирала. Когда Керенский стал во главе Временного правительства, он назначил Вердеревского морским министром.

Читая газеты, которые нам передавали в тюрьму друзья, мы видели, как все больше наглела реакция. Буржуазная печать открыто призывала расправиться с В. И. Лениным. Керенский ввел на фронте смертную казнь. Разоружались революционно настроенные воинские части.

Среди вестей, поступавших к нам с воли, были и такие, которые наполняли наши сердца надеждой. Например, я узнал, что команды «Республики» и «Петропавловска» отклонили обвинение Керенского в предательстве и отказались искать в своей среде зачинщиков и шпионов. Дошли до нас вести и о том, что на многих кораблях Гельсингфорсской базы прошли митинги, требовавшие освобождения арестованных членов делегаций Балтийского флота.

Меня некоторое время не тревожили, потом все же вызвали к следователю. По опыту, приобретенному еще при царском режиме, я знал, что лучше всего ничего не говорить. Такая тактика затягивала следствие, не давала возможности ловить арестованных на противоречиях в показаниях. Поэтому я сразу же твердо заявил, что никаких показаний давать не буду. Меня на время оставили в покое.

Вновь пришли за мной лишь на двадцатый день моего пребывания в «Крестах». Повели в тюремную канцелярию. Там увидел офицера и двух матросов. Все они были мне

[118]

незнакомы, но на ленточках матросских бескозырок красовалось дорогое для меня слово «Республика». Прибывшие объяснили, что хлопотали о моем освобождении. Добились разрешения взять на поруки.

Когда мы вышли за ворота, они сказали, что надо зайти в Адмиралтейство и дать показания следователю — на таком условии я отпущен. Пришлось согласиться. Там представитель Центрофлота прочитал мне длинную и нудную нотацию. Он внушал, что я обязан своим вызволением лишь Центрофлоту и теперь мой долг — сделать чистосердечное признание. Потом

меня направили к следователю.

Открыв дверь его кабинета, я застыл на пороге. Прямо передо мной сидел подполковник Шпаковский — тот самый, который в октябре 1916 года выступал обвинителем на нашем процессе по делу Главного судового коллектива. Оказывается, преданнейший слуга самодержавия, помогавший царским властям расправляться с революционными матросами, преспокойно служит теперь Временному правительству!

Шпаковский, видимо, тоже узнал меня. Его худощавое лицо с тонкими усиками как-то съежилось, он заметно побледнел. С минуту длилась неловкая пауза, потом он вскочил из-за стола и быстро вышел из комнаты.

Некоторое время спустя в комнате появился другой человек, назвавшийся аудитором Фелицыным. Был он пожилым, полным, на вид добродушным, держался отменно вежливо. Наскоро ознакомившись с делом, Фелицын погладил пышную бороду и произнес:

— Давайте-ка, батенька, выполним некоторые формальности. Я задам вам несколько вопросов...

— Простате, — перебил я, — вначале скажите мне, в чем, собственно, меня обвиняют.

— Вполне, вполне законный вопрос... Могу сообщить, что Дыбенко, вы, а также ряд других членов Центрального комитета Балтийского флота обвиняетесь в самочинном приводе боевых кораблей с фронта, в измене родине, а еще в шпионаже в пользу германского генерального штаба. Могу сказать, что каждое обвинение должно быть доказано. Пока это только бумажка. Вам дается право опровергнуть все это на суде.

— А как скоро должен быть суд?

— Ориентировочно в мае тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Такая дата меня вполне устраивала. Я был уверен — Временное правительство долго не продержится,

В тот же день я уехал в Гельсингфорс.

КОРНИЛОВЩИНА

В Гельсингфорсском комитете партии мне сказали:

— После тюрьмы тебе не грех и отдохнуть денька три-четыре. Поезжай на свой корабль. Он сейчас в бухте Лапвик на учениях. Расскажи матросам, как Временное правительство большевиками тюрьмы набивает. Ну и еще — если в том районе проведешь митинг, а то и два, тоже возражать не будем.

Линкор «Республика» был направлен в бухту Лапвик вскоре после июльских событий. Командование под предлогом боевой учебы отослало из базы наиболее революционный корабль, чтобы хоть временно изолировать его команду. Однако большевики с «Республики», прибыв на новое место, сразу же вступили в контакт с комитетами частей береговой обороны.

На корабле до моего приезда уже состоялось несколько собраний, осудивших деятельность Временного правительства.

Июльские события не сломили революционный дух матросов с «Республики». В ответ на приказ Керенского, обвинявшего команду в измене, моряки направили в Петроград резолюцию, в которой заявили, что правительство занимается клеветой, что никаких зачинщиков и немецких агентов на корабле не было и нет. Команда требовала публичного извинения. Касаясь приказа о роспуске Центробалта, она заявила:

»Избранный же нами Центральный комитет Балтийского флота мы признаем и подчиняемся ему и будем впредь защищать его права всеми нашими средствами, как свои собственные права. За его бдительность в эти тревожные дни и за то, что он не позволил использовать силу Балтийского флота для контрреволюционных действий, мы приветствуем и благодарим его и заявляем, что право роспуска и переизбрания Центрального комитета Балтийского флота принадлежит съезду Балтийского флота, а не Временному правительству».

[120]

Рассказывая обо всех этих событиях, новый председатель судового комитета Григорий Корнев заметил:

— Конечно, сейчас Керенскому плевать на наш протест. Но резолюция наша не пропала даром, она заставила многих матросов задуматься.

Он информировал меня о прошедших выборах в ЦКБФ нового созыва:

— Некоторые команды выбрали таких представителей, которые горой за Временное правительство стоят. Но экипаж

«Республики» и в этой обстановке от своей линии не отступился, снова тебя избрали, хотя ты и в тюрьме сидел. И ничего, не решаются власти возражать против твоей кандидатуры.

Я поведал товарищам, как выступал во ВЦИКе, об обвинительном заключении следствия. Узнав, что меня объявили немецким шпионом, комендор Чистяков с серьезным видом произнес:

— Наверное, мало тебе германцы платят — бушлат совсем пообтрепался. Сходи-ка в нашу каптерку, получи новый.

Все дружно посмеялись над шуткой.

Меня трогала забота товарищей. Она проявлялась даже в мелочах — то лишний кусок в тарелку подложат, то книжку интересную разыщут... Дня три я действительно отдыхал, набирался сил. Потом неудобно стало. Узнав, что товарищи отправляются на берег проводить митинг, попросился с ними.

С этого дня окунулся в работу. Кроме «Республики» в бухте Лапвик появилось еще несколько кораблей. Мы организовали летучую группу агитаторов из представителей нескольких команд и начали разъезжать по побережью вплоть до Ганге и Або. Выступая перед матросами и солдатами, разоблачали политику Временного правительства. Мы с радостью убеждались в том, что Временному правительству не удалось обмануть и запугать массы, подорвать влияние большевиков. Лишь первое время после июльских событий чувствовалась некоторая растерянность. Кое-где в частях и на кораблях соглашателям удалось даже протащить резолюции в поддержку Временного правительства.

Но эта победа буржуазии и соглашателей была непрочной. Жизнь наглядно показывала массам, что им не по пути с меньшевиками и эсерами, стремящимися ликвидировать права народа, завоеванные в феврале.

После массовых арестов большевики быстро оправились и продолжали работу с еще большей активностью. Гельсингфорсскому комитету РСДРП (б) удалось вновь открыть свою

[121]

газету. Правда, теперь она называлась не «Волна», а «Прибой». Но это не отразилось на ее содержании.

В начале августа матросы начали подавать заявления о выходе из партии эсеров. Число желающих порвать связь с социал-революционерами увеличивалось с каждым днем. На миноносце No 216 моряки составили коллективное обращение. Они писали, что судовая ячейка «находит нужным оставить партию эсеров с ее кадетскими лозунгами... выйти из рядов

исконного врага трудящихся масс, буржуазии и стать под одно знамя труда и интернационала, партии большевизма. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Ниже следовало двадцать три подписи. На крейсере «Диана» из эсеровской партии вышли сразу шестьдесят человек...

А ряды большевиков неуклонно росли. К началу августа организация РСДРП (б) в Гельсингфорсе насчитывала уже более 4500 человек. Наша агитация находила все более широкий отклик. За время разъездов по частям береговой обороны в кармане моего бушлата скопилась толстая пачка резолюций, принятых на митингах. Все они говорили о том, что солдаты и матросы решительно протестуют против политики Временного правительства. Многие из них вступили в партию большевиков.

В то время как на местах происходило заметное полевение масс, Центробалт нового созыва, избранный в период наступления контрреволюции, оказался в большинстве своем соглашательским.

На его первом же заседании новый командующий Балтийским флотом контр-адмирал А. В. Развозов, присланный в Гельсингфорс вместо Вердаревского, без обиняков заявил,1 что Центробалт будет впредь руководствоваться программой, выработанной для него штабом флота. Развозов считал, что следует в первую очередь заняться хозяйственными делами флота, не лезть в политику, поддерживать правительственные органы и Центрофлот. В ЦКБФ первого и второго созывов такая речь вызвала бы бурное негодование. Но теперь Развозова встретили аплодисментами.

Развозов прежде был начальником Минной дивизии. Ее состав отличался верноподданническим отношением к Временному правительству, и оно решило вверить ему флот. По мнению морского генерального штаба, это был «твердый руководитель», а главное — политически благонадежный.

Развозов надеялся превратить ЦКБФ в орган, который

не будет вмешиваться в дела штаба и отойдет от политических вопросов.

В Гельсингфорсском комитете партии, куда я явился после возвращения из бухты Лапвик, мне сказали, что контакт с Центробалтом почти утрачен, там нужно восстановить влияние большевиков.

Новый председатель ЦКБФ Сергей Магнитский встретил меня без особого восторга. Он уже успел забыть обиду, нанесенную ему

в июльские дни. Он гордился, что избран председателем, и добросовестно выполнял советы Развозова.

— Слышал я, что ты все не унимаешься, агитируешь против правительства — сказал он мне при встрече. — Откровенно говоря, не пойму, зачем вы, большевики, воду мутите. Сейчас страну к единению звать надо, а вы к расколу ведете...

— Нет, отчего же? Мы тоже за единение — только не вод властью Временного правительства. И народ нас поддерживает. На вот, полюбуйся, что матросы и солдаты о «временных» говорят, и особенно о твоем любимчике Керенском!

Я протянул Магнитскому пачку привезенных с собой резолюций. Он пробежал глазами несколько листков, поморщился. Потом сказал сухо:

— Предупреждаю, что сейчас такая агитация в Центробалте не пройдет.

— Это мы еще посмотрим, — ответил я и отправился устраиваться в каюту.

Мы снова поселились вместе с Сапожниковым. Иван с первых же минут встречи начал вовсю ругать соглашателей из нового состава Центробалта, а больше всего — председателя Сергея Магнитского. Он рассказал, что теперь заседания проходят нудно. Недавно, например, решали, каков должен быть порядок командировок и переводов с корабля на корабль, говорили о постановке санитарного дела на флоте, о питании членов ЦКБФ, о самовольных отлучках матросов, о раскладке жалованья.

— Штаб командующего нарочно загружает нас подобными вопросами, пояснил Сапожников, — чтобы на политику времени не оставалось. Только, я думаю, командующий напрасно опасается. Такой состав Центробалта не решится ослушаться правительства. Управляющий морским министерством Лебедев написал в газете, что новый Центробалт продолжает вести прежнюю политику. Конечно, он наврал. Ничего общего между старой и нынешней линией! И командование флота об этом отлично знает. И все же наши согла-

шатели перепугались: а вдруг поверят! Вчера приняли резолюцию о том, что мы теперь другие. Да еще слезно просили Центрофлот оградить от незаслуженных нападок. Нашли кого умолять! Центрофлотовцы сами на задних лапках перед правительством ходят... Вчера же Гребенщиков предложил на заседании — давайте, говорит, товарищи, выясним свою политическую физиономию, давайте идти рука об руку с центральной властью... Слушать противно!

Сапожников сетовал, что малочисленная группа большевиков ничего не может поделать с соглашательским большинством Центробалта.

— Недавно Измайлов из тюрьмы вернулся, — добавил Иван, — он хотя и эсер, но левый и нашу линию поддерживает. Хорошо, вот ты еще приехал сейчас каждый штык на счету...

В том, что Сапожников не преувеличивает трудностей, я убедился на ближайшем заседании. Обсуждались текущие дела, и речь шла о контакте с научно-просветительным отделом матросского клуба в Гельсингфорсе. Слово взял Гребенщиков. Ему, оказывается, не нравится, что на местах матросы открыто критикуют правительство, требуют освобождения все еще сидящих в тюрьмах членов делегации Балтийского флота.

— Это что же получается? — восклицал Гребенщиков. — Подобные выступления частей флота подрывают авторитет Центробалта, тормозят его работу, ставят в неловкое положение.

— Мы сами себя поставили в такое положение, когда встали на соглашательскую позицию! — крикнул с места Солопенко, унтер-офицер с «Дианы».

В зале поднялся сильный шум. Список желающих выступить стал угрожающе расти. Поступило даже предложение прекратить запись ораторов. Меньшевики и эсеры яростно защищали линию, взятую новым составом Центробалта. Они предлагали принять специальную резолюцию, чтобы отмежеваться от требования матросской фракции Гельсингфорсского Совета освободить членов делегации. Большевики, напротив, призывали присоединиться к нему.

Я тоже поднялся на трибуну и заявил, что Центробалт в первую очередь должен защищать интересы матросов, поддерживать их требования, а не идти на поводу у командующего флотом. Сменивший меня Измайлов сказал, что если ЦКБФ будет занимать такую позицию, как сейчас, то матросы рано или поздно его разгонят. В зале поднялось

[124]

что-то невообразимое. Магнитский призвал Измайлова к порядку.

При голосовании все же прошла резолюция, осуждающая решение матросской фракции Гельсингфорсского Совета. Штаб флота был этим чрезвычайно доволен. Генеральный комиссар Временного правительства при командующем поспешил сообщить в Петроград о таком знаменательном факте.

Однако их радость была преждевременной. В Центробалт посыпались протесты команд. На очередном заседании

матросской фракции Гельсингфорсского Совета было выдвинуто требование переизбрать тех членов ЦКБФ, которые голосовали за соглашательскую резолюцию.

Большевики постарались, чтобы это решение стало известно командам всех кораблей. Большую работу в этом провели матросы с «Республики», вернувшейся из бухты Лапвик. Они побывали во многих командах, разъяснили, какую политику проводит тот или иной член Центробалта, предложили отозвать тех, кто поддерживает Временное правительство. Агитация имела успех. Уже вскоре несколько соглашателей — членов Центробалта — были лишены мандатов.

Такой поворот заставил кое-кого из эсеров и меньшевиков задуматься, вынудил учитывать настроения матросских масс.

Наконец наступил день, когда ЦКБФ открыто выступил против приказа командующего флотом. Речь шла о защите команды воздушной станции в Або. Еще во время июльских событий личный состав ее потребовал сместить начальника 6-го воздушного дивизиона лейтенанта А. И. Макаревича. Этот офицер вызвал общее возмущение моряков своим грубым к ним отношением. Они заявили, что откажутся выполнять распоряжения командования до тех пор, пока оно не уберет Макаревича.

Вместо того чтобы разобраться в случившемся, штаб флота решил наказать строптивых в назидание другим. Адмирал Развозов приказал расформировать команду, выявить подстрекателей. Тогда местный Совет матросских и солдатских депутатов обратился за помощью в Центробалт.

Большевики — члены ЦКБФ предложили отменить приказ командующего флотом. Соглашатели не хотели конфликта с командованием. В то же время понимали, что, если не пойдут на него, вызовут возмущение матросов. Кто-то посоветовал вызвать для объяснения адмирала Развозова. Предложение приняли.

[125]

Встревоженный Развозов явился сразу. До этой поры Центробалт третьего созыва был послушным ему. Адмирал сначала решил призвать ЦКБФ к порядку. Но очень скоро убедился, что сейчас не сможет этого сделать. Он переменил тон и пообещал приостановить расформирование станции. Большевики одержали победу.

Этот момент мы решили использовать. Дня через два неожиданно для президиума наша группа подала письменное заявление. В нем говорилось: «Ввиду непродуктивности работ ЦКБФ и падения его авторитета с каждым днем перед своими

выборщиками, исходя из следующих причин — за неимением устава и невозможностью установить права и деятельность Центрального комитета и командующего флотом, мы заявляем: так продолжать работу далее невозможно и выходом из настоящего положения мы усматриваем одно из двух — принятие старого устава ЦКБФ, утвержденного съездом, или немедленный созыв съезда Балтийского флота».

Магнитский был ошеломлен. Чего-чего, а требования вернуться к уставу, отвергнутому Керенским, он не ожидал. Используя свои права председателя, Магнитский пытался сорвать обсуждение нашего заявления. Он убеждал, что лучше послать наших представителей в Центрофлот и с его помощью получить новый устав. Его предложение не прошло. Обсуждение нашего требования приняло бурный характер.

В ходе заседания даже эсеровские представители вынуждены были признать, что авторитет Центробалта упал, что нужно принимать какие-то меры. Большевики настаивали, пока суд да дело, руководствоваться старым уставом. По этому вопросу было составлено восемь проектов резолюции. В итоге за основу взяли предложение Е. С. Блохина, в целом выражавшее точку зрения большевиков.

Испугавшийся Магнитский переменил тактику. После перерыва его приверженцы начали вносить бесконечные поправки. Дело дошло до того, что Блохин снял с обсуждения свой измененный до неузнаваемости проект. Воспользовавшись заминкой, Магнитский зачитал приказ Керенского об отмене прежнего устава ЦКБФ. Не делая паузы, сказал:

— Ставлю вопрос на голосование — подчиняемся мы приказу или нет?

Такой нажим Магнитского на многих эсеров и меньшевиков оказал воздействие. Боясь попасть в число строптивых, они сдались. Соглашатели взяли верх.

Но мы особенно не унывали. Ход заседания показал, что наши позиции в Центробалте укрепляются.

[126]

Вскоре из Петрограда нас уведомили, что Центробалт должен прислать во ВЦИК двух своих делегатов. Мы избрали П. А. Вербицкого и Н. С. Веселкова, а заодно постановили, что Магнитский тоже должен принять участие в заседаниях ВЦИКа. Вместо него председателем ЦКБФ временно избрали Федора Степановича Аверичкина — матроса с «Кречета», члена РСДРП (б).

В повестку дня ближайшего заседания мы включили

политический вопрос о смертной казни на фронте. И приняли по нему такую резолюцию: «ЦКБФ, обсудив вопрос о восстановлении смертной казни на фронте, с негодованием протестует против применения таких мер для восстановления дисциплины и поднятия мощи армии, предлагает Центрофлоту сделать срочное заявление Временному правительству о необходимости немедленной отмены смертной казни, нужной только империалистам, но не демократии».

Это была первая резолюция против политики Временного правительства, принятая Центробалтом после июльских дней. ЦКБФ вновь выходил на революционный путь.

Позиция большевиков еще более упрочилась, когда нам удалось провести решение о том, что на заседаниях Центробалта должны участвовать товарищи, входившие в состав его первого и второго созывов и недавно освобожденные из тюрем.

26 августа произошло событие, получившее широкую огласку среди моряков Балтийского флота. Узнав, что Временное правительство дало согласие на выезд за границу группе бывших приближенных Николая II и его семьи, команды многих кораблей выступили с протестом против этого решения. Матросы указывали, что среди бывших царедворцев есть люди, которым слишком хорошо известны военные тайны.

Правительство пропустило эти доводы мимо ушей. Тогда моряки обратились в Центробалт и Гельсингфорсский Совет, требуя своими силами задержать отъезжающих. На станцию Рихимяки был послан отряд.

Вернулся он скоро. Помню, я стоял на палубе «Полярной звезды», когда к пристани подошла большая группа вооруженных матросов. Они привели каких-то людей, одетых в штатское. Среди них были и женщины. Вокруг них быстро собралась толпа. До меня доносились раздраженные голоса:

— Чего цацкаться с царскими слугами?

— На месте надо прикончить выродков!.. Конвоиры с трудом сдерживали напор. В одном из моряков я узнал Михайлина — матроса с «Республики». Он про-

тиснулся к трапу, что-то сказал вахтенным. Арестованных и конвоиров пропустили без задержки. Увидев меня, Михайлин обрадовался:

— Слушай, Ховрин, скажи хоть ты — куда их девать?

— А что это за люди?

— Черт их знает!.. Одно известно — все с царского двора. Великих князей как будто нету. Все прислужники разные...

Намаялся с ними, чтоб им пусто было! — Он снял бескозырку, вытер ладонью мокрый лоб и со злостью добавил: — Из-за них какой-то солдат на вокзале меня в бок двинул... уже тут, в Гельсингфорсе. Слишком горячие люди стали. Еле провели по городу... Так ты поясни, куда их девать?

К нам подошли несколько членов Центробалта. После короткого совета решили поместить арестованных в нижних каютах. Возле дверей поставили часовых.

Среди задержанных на станции Рихимяки действительно оказались близкие царской семье люди: тибетский врач Бадмаев с женой и дочерью (его услугами пользовались прежде всего многие представители императорского двора), чиновник министерства внутренних дел Манасевич-Мануйлов, не раз выполнявший поручения царской семьи, фрейлина Вырубова — приближенная бывшей императрицы, известная сплетница и интриганка. Всего — десять человек.

Некоторые члены Центробалта испугались случившегося, и особенно того, что арестованные оказались на «Полярной звезде». Стали думать, куда их определить.

Евгений Блохин, гальванер с «Петропавловска» (из анархистов), предложил разместить доставленных на лайбу и отбуксировать ее под защиту одного из боевых кораблей. На худой случай — переправить всех в тюрьму. Помощник генерального комиссара Временного правительства при командующем флотом Франкфурт, пришедший на заседание, слезно умолял не делать этого. Он боялся, как бы матросы не обидели царедворцев.

Спорили долго, решили временно оставить их на «Полярной звезде» и сообщить о них Центрофлоту.

Матросы были довольны тем, что Центробалт не позволил приближенным царя выехать за границу. По распоряжению Центрофлота их отправили в Петроград. Против этого никто не — стал возражать — не до этих особ стало: Корнилов поднял мятеж...

Утром 28 августа члены ЦКБФ были ознакомлены с призывом Центрофлота к балтийцам подняться на борьбу с корниловщиной, с телеграммой Керенского, где гово-

рилось о том, что народ должен преградить путь мятежникам, и, наконец, с телеграммой самого Корнилова, в которой он обвинял Керенского в провокации и клялся «спасти родину».

Все это для нас оказалось неожиданным. Особенно

растерялись соглашатели. Большевики быстро сориентировались, приняли решение сразу же взять под контроль все средства связи Балтийского флота, информировать команды кораблей о мятеже Корнилова, запретить увольнения на берег, послать на боевые суда своих комиссаров.

В тот же день по инициативе Гельсингфорсского комитета РСДРП (б) на совместном заседании представителей всех демократических организаций города был образован Революционный комитет. В его руки перешла вся власть. От Центробалта членами ревкома были избраны четверо, среди них — Николай Измайлов.

В эти тревожные дни замечательно проявил себя член Центробалта матрос 2-го Балтийского экипажа Федор Кузьмин. Мы послали его в Центрофлот для связи. Там как раз собирались отправить в наступавшую на Петроград «дикую дивизию» матросскую делегацию. Кузьмину предложили возглавить эту группу. Он согласился. Агитаторы выехали на станции Дно, Антропшино и другие, где располагались эшелоны «дикой дивизии». Их беседы с горцами сыграли огромную роль. Моряки сумели убедить солдат, что реакционные офицеры обманули их, и конники отказались идти на Петроград, принимать участие в братоубийственной войне.

Член Центробалта Николай Измайлов в эти дни был комиссаром ревкома в казачьей дивизии, расквартированной в Гельсингфорсе. Корнилов возлагал особые надежды на расположенные в Финляндии конные части. По разработанному плану мятежа они должны были наступать на Петроград с севера. Однако ревком и Центробалт сорвали этот план. Измайлов вместе с другими товарищами выступал на казачьих митингах, разоблачал контрреволюционные замыслы мятежных генералов. Командиры казачьих частей были предупреждены ревкомом, что в случае, если они вздумают грузить войска в железнодорожные составы и отправлять в Петроград, пушки кораблей вдребезги разнесут поезда. Все это подействовало. Ни один эшелон с казаками не вышел из Гельсингфорса.

Зато в столицу направились несколько эсминцев для борьбы с мятежниками. Они вошли в Неву. Их команды

вместе с кронштадтцами участвовали в наведении в городе революционного порядка.

Матросы Балтийского флота, как один человек, выступили против Корнилова. Конечно, среди офицеров и высшего командного состава были люди, сочувствовавшие мятежникам.

Но они не смели открыто высказывать свои симпатии. Штаб флота, находившийся в то время в Ревеле, был под контролем Центробалта. Посланные на «Кречет» два наших комиссара — Машкевич и Григорьев — знакомились со всеми телеграммами и радиограммами, поступавшими в штаб. Адмиралу Развозову такое вмешательство крайне не понравилось, но он был вынужден на это согласиться.

Представителям Центробалта помогали матросы-большевики с «Кречета». С их помощью Машкевич и Григорьев читали все секретные сообщения. Благодаря бдительности комиссаров и команды в эти дни был пойман один из самых активных корниловцев — генерал Долгоруков.

Эпизод этот мало известен. Лишь совсем недавно мне посчастливилось узнать о нем интересные подробности от Василия Гервасиевича Машкевича.

27 августа примерно в 3 часа дня в штаб флота поступила телеграмма из ставки верховного командующего. Адмиралу Развозову предписывалось обеспечить проезд из Ревеля в Гельсингфорс командующего 1-м Кавказским корпусом князя Долгорукова. Машкевич был сразу же уведомлен об этом сообщении. Известно было, что Долгоруков — приспешник Корнилова. Части 1-го Кавказского конного корпуса стояли в Финляндии, и генерал, конечно, направлялся туда не случайно.

Машкевич немедля пошел к контр-адмиралу Развозову. Тот заявил, что такое известие для него — неожиданность. Комиссар предупредил командующего, что отдаст приказ об усилении контроля над средствами связи и передвижения. В тот же день Машкевич созвал представителей судовых комитетов кораблей, стоявших на Ревельском рейде. Обсудив положение, решили создать вооруженный матросский отряд на случай выступления контрреволюционеров, а генерала Долгорукова задержать.

На следующее утро комиссары Центробалта реквизировали все автомашины штаба. Матросские патрули отправились на них контролировать дороги, ведущие в Ревель. Под вечер они вернулись ни с чем. Примерно в это время к Машкевичу прибежал взволнованный председатель судового комитета с миноносца, стоявшего неподалеку от

[130]

»Кречета». Он рассказал, что недавно к сходням «Кречета» подъезжал автомобиль. Из него вышли два армейских офицера. Оба поднялись на штабной корабль. Спустя несколько минут они покинули его и в сопровождении флотского офицера прошли на миноносец.

Это мог быть князь Долгоруков со своим адъютантом. Машкевич с несколькими матросами помчался на миноносец. На палубе к ним присоединились несколько человек из команды. Вошли в командирскую каюту. Сиятельный князь находился там. Произведенный обыск не дал никаких результатов — у Долгорукова не оказалось ничего такого, что имело бы отношение к корниловскому мятежу. Под охраной двух часовых его временно оставили на корабле. Машкевич договорился с судовым комитетом, что командир миноносца должен быть арестован, если он попытается вывести корабль в море.

По прямому проводу с «Кречета» Машкевич связался с Центрофлотом и получил предписание доставить Долгорукова в Петроград для предания революционному суду. Когда эсминец с арестованным князем прибыл в столицу, Керенский прислал за ним на катере своего адъютанта. Но матросы решили по-своему. Они отправили Долгорукова в Петропавловскую крепость. Правда, просидел он там недолго. Керенский все же выпустил его. После Октябрьской революции Долгоруков бежал за границу...

[131]

НАКАНУНЕ

Обстановка в Центробалте все больше накалялась. Споры разгорались почти по каждому пункту повестки дня. Верх чаще стали брать большевики. Нас теперь открыто поддерживали товарищи, которые прежде колебались. Магнитский день ото дня мрачнел — чувствовал, что авторитет его рушится. К тому же он еще и трусил, видя, как Центробалт начинает то по одному, то по другому вопросу выступать против Временного правительства. Магнитский опасался, как бы рассерженный Керенский снова не арестовал непокорных.

3 сентября из штаба флота нас уведомили о получении правительственного приказа, запрещавшего политическую борьбу в войсках. С аппаратов связи надлежало снять контроль, установленный в воинских частях и на флоте в период корниловского мятежа. К нам, на «Полярную звезду», пришли представители Гельсингфорсского ревкома Палагин и Чугунов. Они проинформировали нас о своем решении оставить приказ Керенского без внимания.

Мы поддержали их в этом. Магнитский же испугался и подал заявление с просьбой освободить его от председательского поста. На заседании он особенно упирал на то, что считает несправедливым расстрел четырех офицеров с «Петропавловска», а сейчас не может согласиться с позицией Центробалта в отношении решения правительства.

Против отставки Магнитского никто не возражал. А Яков Мохов гальванер с «Севастополя» — заметил громко, что в последнее время председатель перестал быть беспристрастным, только и делает, что воюет с левыми членами Центробалта.

Магнитский с пафосом ответил:

— Да, председатель должен быть беспристрастным, но он должен держать собрание в рамках законности, подчинения высшим демократическим организациям, которым мы выразили доверие...

Когда мы вернулись после заседания в каюту, Сапожников сказал:

— Завтра на выборах надо своих ребят предложить. Жаль, что Павла Дыбенко нет. Он бы прошел, как говорится, с ходу. А пока будем выдвигать Аверичкина и Баранова.

На следующий день Магнитский неожиданно для нас был снова избран председателем. За него дружно проголосовали

эсеры и меньшевики — всего восемнадцать человек. Аверичкин получил одиннадцать голосов, а Баранов только девять. Мы поняли, что допустили ошибку, выдвигая сразу двух кандидатов. Один набрал бы больше голосов, чем Магнитский.

В связи с этим Баранов сразу после выборов очень резко отозвался о членах Центробалта, которые не выполнили наказов избравших их команд. Он назвал и Магнитского, выступившего против резолюции, вынесенной его же выборщиками — матросами крейсера «Богатырь».

Председатель молча проглотил эту пилюлю. Даже эсеры и меньшевики понимали, что Магнитский не может быть руководителем Центробалта. Через день снова состоялись выборы. На этот раз кандидатуру Магнитского вообще не выдвинули. Председателем ЦКБФ стал большевик Аверичкин.

Через два дня Магнитский подал заявление с просьбой освободить его от работы по состоянию здоровья.

Агитация большевиков за отзыв соглашателей из состава Центробалта приносила заметные результаты. В начале сентября их у нас еще на несколько человек уменьшилось. Правда, перевес большевиков был еще незначительным.

В эти дни эсеро-меньшевистское большинство ВЦИКа с согласия Временного правительства созывало Демократическое совещание. Было широко объявлено, что на него съедутся представители всей России, всех партий и групп. С помощью этого совещания соглашатели рассчитывали сохранить за собой руководство массами и поддержать пошатнувшийся авторитет Временного правительства. Центробалт решил послать в Петроград и своих делегатов. Меньшевики и эсеры намеревались избрать представителей от всех фракций и дать им общий наказ, отражающий точку зрения партийных групп. Конечно, такой наказ мог быть только компромиссным, и я, посоветовавшись с товарищами, выступил против него. Договорились выделить трех человек на совместном заседании всех групп. Когда проголосовали, оказалось, что на Демократическое совещание должны ехать большевики Баранов и я, а также сочув-

ствующий нам Кабанов — артиллерийский унтер-офицер с «Андрея Первозванного».

Соглашатели встали на дыбы. Особенно негодовали эсеры Иконников и Щука. Они никак не могли примириться с тем, что прошли лишь наши представители. Иконников зачитал письменный протест, под которым подписались одиннадцать членов Центробалта. Он предлагал признать выборы

недействительными. Но эти его домогания были отвергнуты.

Эсеры и меньшевики забеспокоились. День за днем они совещались в своих каютах, на каждом заседании выступали с протестами. Их отклоняли. Не видя иного выхода, они решили явочным порядком послать в Петроград эсера Романдина — артиллериста береговой батареи.

Забегая вперед, скажу, что Романдин вернулся в Центробалт после Демократического совещания заметно полевевшим.

8 сентября в 8 часов утра на стеньгах всех боевых кораблей Балтийского флота, на флагштоках в береговых частях под свежим морским ветром затрепетали красные флаги. Они реяли в Гельсингфорсе, Кронштадте, Либаве, Ревеле — во всех базах военно-морского флота.

Красные флаги на кораблях и в частях были вызовом Временному правительству, грозным предостережением балтийцев всем врагам революции. Они наделали переполоху и в штабе флота, и в морском ведомстве, и в правительстве.

История их появления такая. 1 сентября был опубликован правительственный декрет о переименовании Российской империи в Российскую республику. Для управления страной создавалась директория из пяти министров во главе с Керенским. Кстати говоря, в состав директории вошел и бывший командующий Балтийским флотом адмирал Вердеревский.

Декрет о Российской республике вызвал бурное ликование на страницах буржуазных газет. Они писали о наступлении новой эры, о великих переменах. На самом же деле это была обычная буржуазная уловка. Балтийцы очень скоро ее раскусили. По распоряжению Гельсингфорсского комитета РСДРП (б) матросы-большевики разъясняли командам подлинный смысл правительственного декрета, авторы которого «забыли» поставить перед словом «республика» слово «демократическая». На кораблях прошли митинги протеста.

По предложению большевиков собралось объединенное

заседание судовых комитетов девятнадцати боевых кораблей, стоявших в Гельсингфорсской базе. Оно резко осудило постановление Временного правительства.

Участники заседания предложили поднять на кораблях боевые красные флаги и не спускать до тех пор, пока правительство не проведет в жизнь демократические реформы. Это решение судовых комитетов было направлено в Центробалт с тем, чтобы о нем оповестили весь Балтийский флот.

Узнав об этом, Развозов прислал на «Полярную звезду»

старшего лейтенанта Демчинского. Этот человек, несмотря на свой сравнительно невысокий чин, имел вес в Гельсингфорсе. Он был председателем совета местного отделения Союза офицеров-республиканцев. Демчилский считался энергичным организатором, обладал незаурядными ораторскими способностями. Направляя его на заседание Центробалта, Развозов рассчитывал, что старший лейтенант быстрее, чем адмирал, найдет общий язык с матросами.

Выйдя на трибуну, Демчинский ни словом ни обмолвился о том, что командование флота возражает против требований девятнадцати судовых комитетов. Он постарался убедить всех, что они могли возникнуть просто по незнанию дела. Вопрос о том, какой должна быть республика, говорил Демчинский, решит Учредительное собрание, а матросы неправомочны решать государственные дела. Основной запас своего красноречия старший лейтенант израсходовал на доказательство беспочвенности и никчемности всей затеи с подъемом красных флагов.

— Посудите сами, — обращался он к центробалтовцам, — разве можно выражать протест, поднимая флаги? Напротив, расцвечивание ими кораблей означает обычно какую-то радость. Помните, когда Финляндия после Февральской революции вздохнула свободно, она вывесила красные флаги. А в открытом море подъем красного флага обозначает готовность к стрельбе...

Доводы Демчинского показались некоторым товарищам довольно убедительными. Но вот на трибуну поднялся представитель крейсера «Россия» Михаил Савоськин. Он сказал, что если Центробалт не поддержит призыв девятнадцати кораблей, то они сами сделают так, как наметили.

— Красный флаг не опрокинет корабля... — заметил Савоськин. — Доверие к правительству уже лопнуло. Объявленная республика — не наша, демократическая, а буржуазная!

[135]

Выступление Савоськина начисто смазало эффект, произведенный речью представителя штаба. Один за другим члены Центробалта стали предлагать поднять красные флаги на всех кораблях. Очень ярко и сильно высказался представитель линкора «Петропавловск» Хайминов.

— Мы решили, — заявил он, — что наш красный стяг будет реять на мачте до тех пор, пока не будет, учреждена демократическая республика. Нет смысла выражать доверие Временному правительству. Не дало оно нам ни земли, ни чего-

либо другого... Мы по первому зову пойдем за революционным Центробалтом. Смелее действуйте!

ЦКБФ принял резолюцию, в которой говорилось: «Принимая во внимание, что декретом Временного правительства объявлена Российская республика, а не демократическая, в знак протеста против недоговоренности и откладывания введения республиканских учреждений на неопределенное время, в 8 час. утра 8 сентября поднять на стеньгах всех судов Балтийского флота, а также в береговых частях красные флаги...»

Так возник новый конфликт с Временным правительством. Центробалт пошел на него под давлением матросских масс. Мы, большевики, понимали, что команды в требованиях идут значительно дальше своего выборного органа. Подъем красных флагов в знак протеста против антинародной политики Временного правительства наглядно показал, какие настроения господствуют на Балтийском флоте. На всех кораблях — больших и малых — наше постановление было одобрено к выполнено.

Вспышка корниловщины послужила для матросов Балтики суровой жизненной школой. Действия правительства в период мятежа и после него наталкивали матросов на вывод, что оно не желает выполнять требования народа. Жизнь шаг за шагом подтверждала правоту Ленина, правоту партии большевиков. На кораблях, которые еще в мюле были оплотом соглашательских партий, произошла перестановка сил. К середине сентября уже весь Балтийский флот шел за большевистской партией. Команды открыто высказывали недоверие Временному правительству и требовали передачи власти в руки Советов.

Попытка соглашателей обмануть массы с помощью Всероссийского демократического совещания и созданного из его участников так называемого предпарламента провалилась. Балтийские матросы настаивали на том, чтобы был созван II Всероссийский съезд Советов.

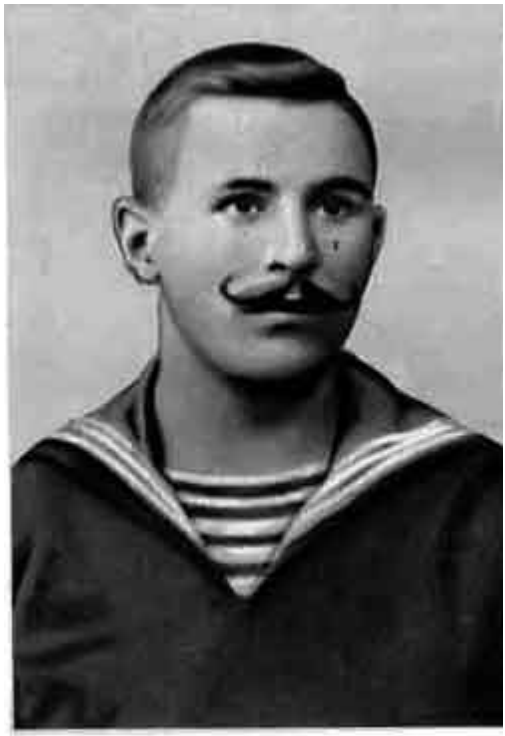
В обстановке революционного подъема нельзя было

[136]

больше терпеть, чтобы Центробалт из-за политики соглашателей плелся в хвосте событий и вместо упрочения авторитета терял его. Большевики-центробалтовцы все более решительно настаивали на созыве общебалтийского съезда, который мог полностью обновить состав ЦКБФ.

Меньшевики и эсеры всячески тормозили решение этого важного вопроса. Но вот 15 сентября в Центробалт поступила резолюция, принятая всеми частями, расположенными в Кронштадте. Они настаивали безотлагательно созвать

общебалтийский съезд. Подобные решения принимали и экипажи кораблей Гельсингфорсской базы. Из Петрограда к нам приехали члены Центрофлота Василий Марусев и Владимир Полухин, Они поддержали требования моряков.



В.Ф. Полухин

В. Ф. Полухин

Видя, что матросские массы могут созвать съезд и без их согласия, эсеры и меньшевики 17 сентября были вынуждены проголосовать за проведение съезда.

А на другой день в Центробалте появился Павел Дыбенко, выпущенный наконец из «Крестов». Выглядел он похудевшим и бледным, но энергичным. Его встретили шумно. Каждый старался пожать руку, сказать хоть несколько дружеских слов.

Предметом шуток стала борода Дыбенко, которую он отпустил, находясь в тюрьме. Она придавала ему цыганский вид. Павел добродушно отшучивался, говорил, что такого его враги революций будут больше бояться. Друзья Павла подозревали, что

дело не во врагах... Еще до июльских событий мы замечали, что Дыбенко неравнодушен к Александре Михайловне Коллонтай, которая приезжала к нам в Гельсингфорс для выступления на митингах. Коллонтай была старше Дыбенко, и, видимо, ему хотелось хотя бы с помощью бороды сгладить разницу в годах.

Дыбенко сразу же с головой окунулся в работу. Формально он не был членом Центробалта третьего созыва, но это никого не смущало. Его кооптировали в состав комиссий по подготовке съезда.

Уже в присутствии Дыбенко произошел новый инцидент с Временным правительством. 19 сентября на заседании были оглашены юзограммы о том, что правительство распустило Центрофлот. Известив это было крайне неожиданным для всех. Я уже упоминал о том, что Центрофлот состоял в основном из соглашателей и был опорой Керенского. Из-за чего же Александр Федорович «прогневался на послушный ему орган? Оказалось, что центрофлотцы про-

[137]

явили некоторую строптивость. Они размещались в Адмиралтействе очень тесно. Кто-то из членов Центрофлота разузнал, что начальник главного морского штаба оборудовал для себя квартиру в служебных помещениях Адмиралтейства. Центрофлотцы попросили передать эти комнаты им, но получили отказ. Тогда они сами, явочным порядком, заняли эту площадь. В дело вмешался военно-морской министр Вердеревский. Однако Центрофлот не уступал. Адмирал рассердился, доложил правительству о непослушании. В результате последовал приказ: «Немедленно распустить Центрофлот и разрешить на местах новые выборы».

Нам, в сущности, было мало дела до судеб Центрофлота. Мы считали его органом неавторитетным на Балтике. Но в данном случае вопрос уперся в принцип. У нас он был поставлен так: имеет ли право Временное правительство своей властью распускать без ведома моряков их выборную организацию? Центробалт решил: нет, не имеет!

В Петроград были командированы члены ЦКБФ Логинов, Милей и Школяров с наказом потребовать немедленного восстановления Центрофлота. Дыбенко предложил созвать представителей всех судовых комитетов, чтобы вместе с ними обсудить создавшееся положение.

19 сентября зал заседаний был полон. Перед началом собрания кто-то крикнул, что надо избрать председателем Дыбенко. Предложение было встречено одобрительным гулом. За

кандидатуру Павла Ефимовича проголосовали дружно. Дыбенко повел собрание напористо. Он сказал, что в данный момент все остальные вопросы следует отодвинуть на второй план и как следует обсудить создавшееся положение. Один из представителей судовых комитетов заикнулся было:

— А может, отложить до возвращения посланных в Петроград членов Центробалта?

На это не согласились. Начали обмениваться мнениями. Выступавшие критиковали действия Временного правительства, говорили, что терпению матросов приходит конец.

Особенно острой была речь машиниста эсминца «Расторопный» Аполлона Бучинского.

— Это что же получается? — сказал он. — Если дело пойдет так дальше, то, наверное, скоро Керенский провозгласит себя царем, финляндским, польским и прочая и прочая... А нам скажут, что все это нужно для спасения страны...

[138]

С места поднялся массивный Дыбенко. Внимательно оглядел притихший зал, взмахнул сжатой в кулак рукой.

— Товарищи! Второй раз мы видим безапелляционное решение Временного правительства. Мы не должны подчиняться незаконным решениям. Предлагаю резолюцию такого содержания: роспуск Центрофлота — незаконен. Если Временное правительство не считается с волей масс, то и мы не должны признавать такое правительство и подчиняться ему!

Шквал аплодисментов был ответом на эти слова. Даже наши противники, зараженные взрывом матросского энтузиазма, присоединились к овации. Один лишь представитель Гельсингфорсского Совета Колпаков промямлил, что конфликт между Центрофлотом и Временным правительством возник всего лишь из-за квартиры и не надо спешить выступать с такой резкой резолюцией. Его освистали, а водолаз Егор Лазуткин крикнул, перекрывая гул голосов:

— Все правильно, товарищи! Раз мы не признаем Временного правительства, то не должны признавать и его постановления!

В зале снова зааплодировали.

После короткого перерыва приняли резолюцию. В ней говорилось: «Считать роспуск нашей выборной организации незаконным и недопустимым, так как Временное правительство не имеет права распускать высшие организации, права, которое принадлежит только выборщикам и съездам. Ввиду того что Временное правительство не считается с этим, пленарное заседание заявляет, что больше распоряжений Временного

правительства не исполняет и власти его не признает...»

Это был прямой вызов Керенскому и его министрам. Как и следовало ожидать, буржуазные газеты пришли в бешенство. Они метали словесные громы и молнии по адресу балтийцев, но практически были бессильны что-либо изменить. Правительство тоже пришло в ярость, но вынуждено было молча снести такой неслыханный выпад против себя.

Этот конфликт наглядно показал, что Балтийский флот теперь уже целиком избавился от соглашательских иллюзий. Балтийцы встали под знамя большевизма.

Что же касается разогнанных центрофлотцев, то они не нашли ничего лучшего, как пойти на поклон к властям. Получив от них верноподданнические заверения, Керенский «великодушно простил» Центрофлот. Было официально объявлено, что этот орган восстанавливается в своих правах.

[139]

Известно, что Владимир Ильич Ленин, после того как он покинул Разлив, переехал в Финляндию и долгое время жил в Гельсингфорсе, надежно укрытый от ищеек Временного правительства. Отсюда он следил за развитием революционных событий в стране. Здесь он написал свое знаменитое письмо в Центральный Комитет партии о том, что на очередь дня встает вооруженное восстание.

К сожалению, ни в работах В. И. Ленина, ни в мемуарной литературе нет сведений о том, насколько Владимир Ильич был связан с большевиками-балтийцами в этот период. А связи эти, и причем самые тесные, были. Конечно, в условиях строжайшей конспирации только очень небольшой круг самых доверенных людей знал о местопребывании Ленина. Ни на кораблях, ни в Центробалте даже не подозревали, что Владимир Ильич Ленин находится совсем близко, живет в одном из городских домов. Но отдельные руководители Гельсингфорсского комитета большевиков, безусловно, об этом знали.

Уже после Октябрьской революции Борис Жемчужин рассказывал, что он не раз бывал у Владимира Ильича на конспиративной квартире, докладывал ему о положении дел на флоте. Ленин подолгу расспрашивал его о настроениях матросов, о расстановке сил в Гельсингфорсском Совете и в Центробалте, о возможностях, которыми располагают балтийцы в предстоящих боях за революцию.

К сожалению, Борис Жемчужин трагически погиб весной 1918 года. Он не успел написать о своих встречах с Владимиром Ильичей. Мы располагаем лишь косвенными сведениями о том,

что Владимир Ильич очень интересовался положением на флоте, пользовался точной информацией о делах и настроениях балтийцев. Известно, что, разрабатывая план вооруженного восстания, Ленин отводил морякам-балтийцам одно из видных мест. В статье «Советы постороннего» он подчеркивал: «Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части...» [1]

»Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов)...»[2]

»Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска...»[3].

Несколько позже Владимир Ильич Ленин писал: «Толь-

ко немедленное движение Балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию...

Дело в восстании, которое может и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель...»[4].

Есть еще ряд высказываний В. И. Ленина о важной роли Балтийского флота в свершении революции. Но уже и из того, что приведено здесь, можно видеть, что Владимир Ильич был совершенно уверен в решимости балтийцев идти в бой против Временного правительства, считал флот одной из основных сил способных обеспечить победу революции.

Когда были объявлены выборы в Учредительное собрание, большевики-балтийцы предлагали избрать от флота двух человек — Владимира Ильича Ленина и Павла Ефимовича Дыбенко. Сохранилось заявление В. И. Ленина, в котором он писал: «Я, нижеподписавшийся, Ульянов Владимир Ильич, сим изъявляю согласие баллотироваться в Учредительное собрание от Балтийского флота и не возражаю против порядка помещения в списке, предложенном флотской организацией РСДРП (большевиков)»[5].

При выборах в Учредительное собрание выставляли своих кандидатов и другие партии, чьи организации существовали на флоте. Однако подавляющее большинство балтийцев голосовали за список, предложенный большевиками. От их имени был вручен В. И. Ленину мандат об избрании в Учредительное собрание.

Владимир Ильич доверял морякам Балтики, и это доверие они с честью выполнили в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны.

25 сентября открылся II съезд представителей Балтийского флота. Приехали делегаты из Кронштадта, Ревеля и

Гельсингфорса, с береговых батарей и кораблей действующего флота. Почти все они прибыли на съезд с большевистскими наказами, с требованиями передать всю власть Советам.

Накануне съезда я вновь встретился со своим старым товарищем по подполью Василием Марусевым, приехавшим из Петрограда. Обычно спокойный и невозмутимый, Марусев на этот раз выглядел возбужденным и нетерпеливым.

[141]

Вечером, когда нам удалось уединиться, он рассказал о положении в столице, о рабочих митингах против Временного правительства, о растущих силах Красной гвардии.

Поглаживая свой соломенный казацкий ус, он говорил, не скрывая радости:

— По всему чувствуется, что скоро... Не удержаться теперь Керенскому и компании, весь народ поднимается! Помнишь, было время, когда мы по уголкам от агентов охранки прятались, шепотом о революции говорили? Теперь уже в полный голос везде о революции говорят. Как думаешь, когда начнется?

Я улыбнулся, не узнавая выдержанного и несколько медлительного Марусева, ответил ему с дружеской подковыркой:

— У нас в Гельсингфорсе хоть сегодня готовы начать — только кликни. Это у вас в Центрофлоте революцию тормозят.

— Что верно, то верно, — вздохнул Марусев. — Позор для моряков, да и только! И откуда такие гниды соглашательские в Центрофлот собрались? У самых темных матросов глаза давно раскрылись, а они до сих пор готовы Керенскому задницу лизать...

— А я уверен, когда дойдет дело до революции, они еще начнут нам палки в колеса ставить.

— Еще как начнут, — убежденно сказал Василий. — Я несколько месяцев с ними под одной крышей провел, знаю. Их тоже вместе с Временным правительством надо будет гнать матросской шваброй!

Вскоре после этого разговора я встретился еще с одним центрофлотцем Николаем Маркиным, знакомым мне со дня первого съезда балтийцев. Он рассказал, что соглашатели, не выдержав его «большевистского духа», исключили из состава Центрофлота.

Об этом Маркин говорил посмеиваясь:

— Для меня это кстати. Надоело бесцельно время убивать в канцелярии... Сейчас хоть делом занимаюсь — веду партийную работу в Кронштадте, на митингах перед петроградскими рабочими выступаю.

Маркин познакомил меня еще с одним кронштадтцем — стройным высоким парнем с веселыми и задорными глазами и волнистыми волосами. На всем его облике лежала печать некоторой лихости.

— Фамилия его по документам Викторский, — сказал Маркин. — А на самом деле это Анатолий Григорьевич Железняков. Прошу любить и жаловать.

[142]

Я пожал крепкую руку Железнякова. О нем я уже слышал. Летом 1917 года Железняков оказался замешанным в весьма нашумевшей истории. Временное правительство приказало очистить дачу бывшего царского сановника Дурново, занятую рабочими организациями, к которым присоединилась и группа анархистов. Когда казаки окружили дом, Анатолий находился там вместе с несколькими знакомыми анархистами. Они забаррикадировались мебелью, начали отстреливаться. Железняков бросил в наступавших бомбу. За это он получил четырнадцать лет каторжных работ. Но на каторгу Железняков не пошел. Просидев месяца полтора в тюрьме, он бежал оттуда вместе с товарищем по заключению. Побег был совершен средь бела дня с неслыханной дерзостью. Петроградские газеты взахлеб писали об этом. Пока Железнякова разыскивали по всем углам столицы, он перебрался в недосягаемый для Временного правительства Кронштадт, достал себе подложные документы на имя матроса Викторского с корабля «Нарова» и отправился в Гельсингфорс.

День открытия съезда был встречен в Гельсингфорсе, как большой праздник. Колонны вооруженных матросов проходили вдоль набережной, пронося красные флаги и плакаты. Лозунги их были самого решительного характера: «Власть Советам!», «Земля крестьянам!», «Долой войну!». Среди них не было видно ни одного эсеровского или меньшевистского призыва.

Делегаты съезда приветствовали демонстрантов с борта яхты. Когда прошла последняя колонна, делегаты отправились в зал заседаний Мариинского дворца. Председателем избрали Дыбенко, секретарем Викторского и приступили к работе. Бурной овацией встретили моряки прибывшего на съезд Владимира Александровича Антонова-Овсеенко. Смущенный и взволнованный, он занял предложенное ему место в президиуме, застенчиво поглядывая в зал сквозь стекла очков. Но стоило Антонову-Овсеенко взойти на трибуну, как он преобразился. Речь его была яркой и страстной. Владимир Александрович говорил о близкой победе пролетарской революции. Ему много и дружно

аплодировали.

Второй съезд моряков Балтики в отличие от первого с самого начала имел ярко выраженную политическую окраску, проходил целиком под лозунгами большевиков. В день открытия был обсужден вопрос о Демократическом совещании. В своей резолюции делегаты назвали это совещание искусственно подтасованным. Балтийцы требовали

[143]

немедленного созыва Всероссийского съезда Советов и предлагали ему взять власть в свои руки. «Безответственному же министерству, — записали они, — и выделенному из искусно подтасованного Демократического совещания предпарламенту, отвергшему защиту интересов обездоленных классов, доверия и поддержки от революционного Балтийского флота не будет ни на йоту...»

Второй съезд представителей Балтийского флота принял ряд важных решений. Одно из них — о направлении комиссаров в штабы и на корабли. Они облекались большими полномочиями — должны были наблюдать за расшифровкой всех радиограмм, вскрывать секретные пакеты, санкционировать отдаваемые частям и кораблям приказы, присутствовать на всех оперативных совещаниях в штабе флота.

Решение о комиссарах по рукам и ногам связывало притаившихся в штабе флота контрреволюционеров, ставило под контроль Центробалта любые действия командования. Вот почему еще во время обсуждения этого вопроса представитель штаба флота старший лейтенант Демчинский пытался уговорить делегатов отказаться от назначения комиссаров. Он сумел аргументировать это внешне очень вескими доводами. Демчинский сказал, что кораблевождение и решение оперативных военных вопросов требуют специальных знаний, большого опыта. Он привел примеры, подтверждающие его мысль о том, что аварии часто случаются именно на тех кораблях, где командиры избраны матросами, а не назначены штабом.

— Вот так же, — продолжал Демчинский, — может случиться и с комиссарами. Неподготовленному человеку трудно разобраться в действиях офицера. Поверьте мне: я говорю только в интересах дела.

Выступление Демчинского произвело впечатление на многих делегатов. Раздались реплики о том, что следует прислушаться к его доводам, а то ведь на войне, и особенно в море, шутки плохи... Другие говорили о том, что Демчинский преувеличивает, но не могли привести убедительных контрдоказательств.

Сидевшие рядом со мной товарищи шептали:

— Давай выступай. Ты разбирался в причинах аварий следственной комиссии Центробалта. Скажи, прав Демчинский или нет.

Я попросил слова вне очереди. Направляясь к трибуне, заметил, что Дыбенко ободряюще кивнул и сделал движение кулаком, будто пихал кого-то в бок — давай, мол,

[144]

стукни хорошенько по Демчинскому! К счастью, мне было чем «стукнуть». Я начал так:

— Господин старший лейтенант собрал много фактов об авариях кораблей, которыми командовали избранные матросами офицеры. Но почему-то умолчал о неполадках, происшедших по вине командиров, назначенных штабом. А ведь таких случаев значительно больше, и виноваты в них люди как раз со специальным морским образованием... Я покажу это на фактах.

А фактов у меня было много. Помимо тех, что накопились за время работы в следственной комиссии, в моих руках были еще документы о различных происшествиях на флоте с 1914 по 4917 год. Я рассказал делегатам, какие аварии и поломки случались по вине офицеров, сыпал примеры один за другим. Картина получилась настолько безотрадной, а сами факты настолько вопиющими, что доводы Демчинского померкли.

В заключение я сказал, что от аварий на море никто не гарантирован. Бывает, что и самый опытный командир попадает впросак. Но ведь все дело в том, что наши комиссары вовсе не собираются подменять командиров. Задачи у них другие. Они прежде всего должны следить, чтобы не было предательства со стороны офицерского состава. А для этого у наших комиссаров знаний вполне хватит. Мы не позволим скрывать приказы и распоряжения, направленные против революции.

Эти слова были встречены аплодисментами. Когда началось голосование по резолюции о комиссарах, ее приняли подавляющим большинством голосов. Это решение съезда вызвало переполох в штабе флота и морском министерстве. Вердеревский прислал телеграмму, требуя отмены этого постановления. Делегаты оставили ее без ответа. Комиссары были назначены на все корабли и во все береговые части. Они сыграли большую роль в подготовке и проведении вооруженного восстания.

Съезд моряков Балтики принял устав Центробалта, который вновь делал этот матросский орган полным хозяином на флоте. Я уже рассказывал о том, какие мытарства пришлось выдержать

Центробалту первого созыва из-за того, что командование и правительство не желали утвердить выработанный им свод правил. Теперь обстановка изменилась настолько, что устав решено было вообще никуда не посылать на утверждение.

На съезде обсуждался и вопрос о разоружении кронштадтских фортов. Временное правительство распорядилось

[145]

снять с них орудия под предлогом, что они нужнее на фронте. Делегаты дружно отвергли этот довод и заявили, что Балтийский флот не допустит лишения Кронштадта артиллерии.

Каждое решение съезда балтийцев было против Временного правительства. А у того уже не оставалось реальных сил, чтобы обуздать непослушный флот. Зато на словесные упреки и обвинения власти не скупились. По команде сверху буржуазные газеты принялись трубить о том, что Балтийский флот окончательно разложился и теперь совершенно небоеспособен, что он не сможет оказать никакого сопротивления, если немецкие корабли попробуют нанести удар...

Это походило на подсказку, и немцы не заставили себя долго ждать. В дни работы второго съезда представителей Балтийского флота крупные соединения кораблей противника начали боевые операции, стремясь прорвать оборонительный пояс и выйти к Гельсингфорсу и Кронштадту.

Парадоксально, но действия неприятеля были весьма на руку Временному правительству. Оно не жалело слов для заявлений о том, что будет вести войну до полной победы над врагом, а в то же время готово было пожертвовать Балтийским флотом и сдать Петроград, Не случайно именно в это время бывший председатель Государственной думы Родзянко во всеуслышание заявил в газете, что потеря Петрограда не будет иметь существенного значения. В правительстве вполне серьезно обсуждался вопрос о перенесении столицы в Москву.

Русская буржуазия рассчитывала задушить революцию руками немцев. Как бы откликаясь на это негласное приглашение, немцы усилили нажим на Северном фронте, активизировались на Балтике.

29 сентября командованию флота стало известно, что германские корабли подавили береговую батарею на острове Эзель и начали высадку десанта. В тот же день об этом узнали и делегаты нашего съезда. Балтийцы постановили направить в штаб трех комиссаров — Войцеша, Журавлева и Балыкина. Их обязали подписывать все приказы по флоту вместе с командующим. На рижское побережье послали членов ЦКБФ комендора линкора

«Гражданин» Суркова и комендора линкора «Слава» Тупикова. По требованию Центробалта к Моонзундским островам были отправлены подразделения 2-го Балтийского экипажа, в Ре-

веле сформированы матросские отряды, по всему флоту отменены отпуска.

Немцы рвались в Рижский залив. С их стороны в боях участвовали десять линейных кораблей и линейный крейсер, девять легких крейсеров, пятьдесят шесть эсминцев и около двухсот тральщиков, охотников за подводными лодками, вспомогательных судов. Удар противника приняли два устаревших линкора «Слава» и «Гражданин», три крейсера давней постройки, двадцать шесть эскадренных миноносцев и несколько десятков вспомогательных кораблей.

При таком неравенстве сил русским морякам приходилось только обороняться. Они изматывали неприятеля в непрерывных боях, наносили ему чувствительные потери. Утраты несла и наша сторона. У Моонзундских островов погибли линкор «Слава» и эсминец «Гром». Лишь после напряженных шестидневных боев врагу удалось пробиться в Рижский залив. Но этот успех обошелся ему дорого. Германцы лишились семи эсминцев, из строя были выведены три линкора, семь миноносцев, несколько вспомогательных судов и тральщиков.

К дальнейшему расширению наступательных операций на море они после этого уже не стремились.

Я совершенно уверен, что германский флот не добился бы и этих тактических преимуществ, если бы не предательство некоторых высших офицеров и не активная деятельность вражеской агентуры в нашем тылу. Примерно недели за две до начала наступления противника в Центробалте обсуждался вопрос о германском шпионаже в районе Рижского залива. Уже тогда было замечено, что летчики противной стороны, вылетая на бомбежку, точно знали расположение наших судов. Команды кораблей, находившихся в Рижском заливе, просили удалить с острова Моон баронов Нолькена, Буксгевдена и священника Мери. Члены ЦКБФ не доверяли начальнику сухопутной обороны контр-адмиралу Свешникову. На острова Моонзундского архипелага были командированы товарищи Красноперов и Машкевич. Прибыв туда, они установили, что адмирал Свешников и начальник дивизии подводных лодок Владиславлев находятся в тесной связи с иностранными лазутчиками. Красноперов и Машкевич выяснили, что Свешников распорядился снять с западного побережья Эзеля воинские части и отвести их в глубь

острова. На защите самого уязвимого места был оставлен лишь один пехотный полк. Артиллеристы береговых батарей сообщи-
[147]

ли нашим представителям: фундаменты для многих орудий сделаны так, что после нескольких выстрелов могут осесть. Пока Машкевич и Красноперов добивались санкции на арест начальника сухопутной обороны, прошло две недели. В это время развернулись бои на Моонзунде. Немцы высадились как раз в том месте, откуда Свешников приказал отвести войска. Узнав о десанте, Свешников бежал. Вместе с ним скрылся и начальник дивизии подводных лодок Владиславлев.

И еще одна деталь. В порту Гапсаль находился дивизион английских подводных лодок. Опираясь на русские базы, они вели операции против германского флота. Однако, когда корабли последнего появились у Моонзундского архипелага, ни одна английская лодка не вышла в море. Красноперов и Машкевич разговаривали по этому поводу с командиром дивизиона. Но тот ответил, что не имеет никаких распоряжений от своего начальства. Разозленные центробалтовцы пожелали ему поскорее убраться в свою Англию. Английские моряки так и сделали. При появлении противника они взорвали лодки и уехали, домой, не помню уже — через Финляндию или через Архангельск.

По поводу событий во время Моонзундских боев Владимир Ильич Ленин писал: «Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англофранцузскими капиталистами заключен заговор об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции таким путем?

Я думаю, что доказывает»[6].

Балтийские матросы встали грудью против врага, сорвали планы германского командования, а вместе с ними похоронили надежды русской буржуазии задушить революцию руками иноземных империалистов.

В то время как балтийцы сражались с неприятелем, геройски гибли в неравном бою, правительство продолжало поливать грязью весь флот. Это вызвало взрыв негодования среди команд кораблей. Они готовы были смести правительство Керенского.

А Керенский еще и масла подлил в огонь. В своей телеграмме на имя главнокомандующего армиями Северного
[148]

фронта он заявил, что балтийцы своими действиями вольно или невольно играют на руку врагу. Это окончательно переполнило чашу терпения моряков. На митингах и собраниях они высказывались за отставку правительства Керенского. Делегаты съезда не остались в стороне. Президиум решил принять по этому поводу специальную резолюцию. Мне не забыть той минуты, когда председатель огласил ее. В ней содержалось категорическое требование немедленно удалить из правительства авантюриста Керенского.

Эти слова были встречены овацией. Из зала неслось:

— Правильно! Хватит ему на шее народа сидеть... Пусть убирается!

Резолюция была принята единогласно. На делегатов она произвела очень сильное впечатление, понравилась всем своим боевым тоном, искренностью и яростной ненавистью к врагам революции.

Это решение съезда знаменовало собой окончательный разрыв Балтийского флота с правительством. С той поры уже не возникал вопрос: за кем пойдет флот? Теперь спрашивали: когда балтийцы выступят?

С первых дней октября новый состав Центробалта вплотную занялся подготовкой вооруженного восстания. Мы затребовали через Центрофлот пятнадцать тысяч винтовок, пятьсот пулеметов и тысячу револьверов. На кораблях и в береговых частях создавались боевые взводы, которые должны были поступить в распоряжение Центробалта. Появилась потребность в специальной военной комиссии ЦКБФ. И ее создали.

Центробалт четвертого созыва работал дружно, все вопросы решались быстро, по-деловому. Наш выборный матросский орган в эти дни мог смело считаться одним из отделений партии большевиков. Мы уже, не подчинялись Временному правительству, а исполняли лишь приказы партии.

На II Всероссийский съезд Советов из состава Центробалта были избраны четырнадцать человек — только большевики и им сочувствующие. В их числе оказался и я.

В эти напряженные, до предела заполненные работой дни мне довелось близко столкнуться с Анатолием Железняковым. Он понравился мне своей целеустремленностью, огромной силой воли, стремлением к справедливости во всем. От него веяло задором, энергией. Железняков в то время увлекался Кропоткиным и симпатизировал анархистам. По этому поводу у нас часто возникали споры. Под

влиянием товарищей — членов РСДРП (б) Анатолий постепенно изменил свои взгляды. Он с жадностью впитывал все, что видел и слышал, и не раз вынужден был признавать открыто правоту большевиков.

Накануне отъезда на II Всероссийский съезд Советов он как-то вечером признался мне, что анархисты, пожалуй, не та партия, которая способна защитить интересы народа. И, словно застеснявшись того, что сдает свои прежние позиции, добавил:

— Но вообще, они ребята боевые, не то что хлюпики-меньшевики...

— Может быть, и боевые, но куда гнут?.. Сверкнув белозубой улыбкой, Железняков сказал примирительно:

— Путаницы у анархистов, конечно, хватает...

Вскоре настал час прощания с товарищами из Центробалта. Делегаты II Всероссийского съезда Советов уезжали в Петроград. Лишь Дыбенко, избранный вместе с нами, остался в Гельсингфорсе. Ему надо было обеспечить работу ЦКБФ в решающие дни вооруженного восстания, проследить за своевременной отправкой кораблей и матросских отрядов на помощь питерским рабочим.

На прощание он крепко пожал руки всем уезжающим и сказал, что, наверное, скоро свидимся в Петрограде.

— Вы уж там, ребята, не подкачайте, на съезде. И в случае восстания тоже!

— Будь спокоен, — заверили его, — не подведем!

Октябрьский штурм

Прибыв в Петроград, мы прямо с вокзала отправились в Смольный. Улицы города казались малолюдными. Часто попадались юнкерские патрули. Возле булочных стояли длинные очереди за хлебом.

В Смольном долго бродили по бесконечным коридорам, пока нашли комнату регистрации. Немолодая женщина с усталым и бледным лицом записала нас в журнал. В графе «партийность» она с удовлетворением выводила: «член РСДРП (б)».

Когда подошел черед Железнякова, он, немного помедлив, сказал:

— Запишите, беспартийный...

Мы весело переглянулись: в поезде товарищи все время подшучивали над тем, что Железняков единственный анархист, затесавшийся в группу большевиков. Он отмалчивался. А теперь вот, видимо, решил отмежеваться от своей партии.

Отправились в общежитие. Нас разместили вместе с моряками, прибывшими с других флотов и флотилий. Мы быстро перезнакомились, зачитали им наказ, врученный нам балтийцами. Он понравился нашим новым товарищам своей целеустремленностью, тем, что в нем были четко изложены требования: немедленно свергнуть продажное Временное правительство и передать власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Черноморцы, представители с Белого моря, Каспия и Тихого океана были настроены так же. Они рассказали, что Центрофлот тоже намеревается прислать своих делегатов на II съезд Советов.

— Нет уж, дудки! — решительно сказал Иван Сапожников. — Нечего им тут делать, только имя моряка опозорят.

Кто-то из наших предложил:

— Давайте пошлем телеграмму в ЦКБФ. Пусть там изберут еще трех человек и пришлют на съезд вместо центрофлотцев!

Эту мысль поддержали. В тот же день Центробалт про-

вел дополнительные выборы и направил в Петроград П. Д. Малькова, П. С. Сутырина и П. Я. Рямmo.

Открытие съезда задерживалось. Чтобы не терять зря времени, мы по предложению Петербургского комитета РСДРП (б) в эти дни выступали на рабочих и солдатских митингах, рассказывали о положении на флоте, о том, что балтийцы уже не подчиняются Временному правительству и готовы в любой час

поддержать питерский пролетариат. Некоторые из нас выполняли отдельные поручения Военно-революционного комитета, готовившего вооруженное восстание.

Однажды на одной из улиц Петрограда я вдруг встретил своих старых товарищей по подполью — Василия Марусева и Федора Дмитриева. Обрадованные встречей, мы спрятались от дождя в какую-то подворотню, чтобы поговорить. Когда стало темнеть, Марусев сказал:

— Негоже нам тут торчать — продрогли уже совсем. Может быть, зайдем в гости к Старку? Это недалеко...

Старк одно время работал в Гельсингфорсском комитете. Направились к нему.

Он встретил нас приветливо. Оказалось, что мы угодили прямо к ужину. Нас усадили за стол. Приятно было сидеть в теплой, уютной комнате, не торопясь потягивать крепко заваренный чай. Беседа наша оказалась неожиданной, но интересной. Речь шла о том, что больше всего волновало каждого в те дни — о вооруженном восстании. Марусев, Дмитриев и я считали вопрос предельно ясным — надо разгонять Временное правительство, заключать мир, отдавать крестьянам помещичью землю. Старк же был настроен не так оптимистично.

— В том, что в нынешней обстановке мы сможем взять власть в свои руки, я не сомневаюсь, — произнес он, — а вот как ее потом удержать, как управлять таким огромным государством? Вы над этим не задумывались?

Признаюсь, для меня такие мысли были новыми. Я считал, что сейчас главное — взять власть. А как ее удержать, подумаем, когда она будет у нас в руках. Конечно, это хорошо, что Старк смотрел вперед. Но плохо, что не был уверен в нашем завтрашнем дне. Правда, впоследствии он принимал активное участив в революции, в строительстве молодого Советского государства. Несмотря на некоторые колебания, Старк честно ж добросовестно выполнял партийные решения.

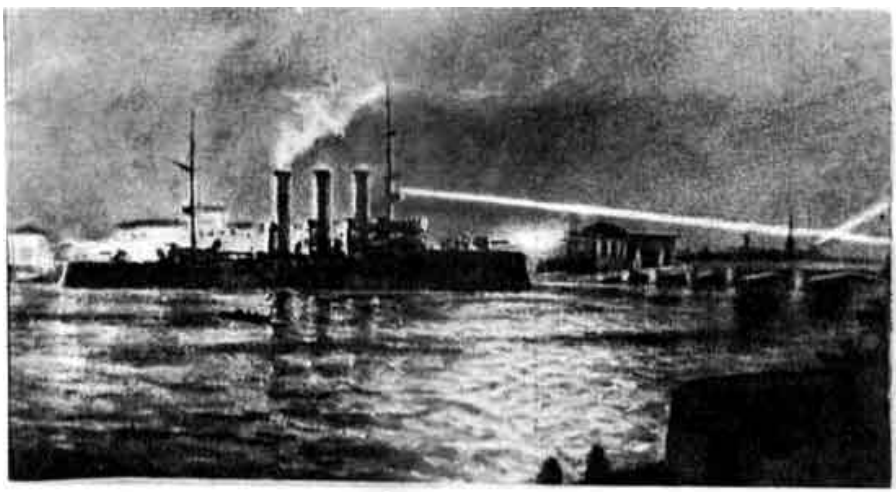
Ушли от него поздно. Несмотря на непогоду, на улицах было полно народа. Петроград напоминал огромный воору-

женный лагерь. То и дело по мостовым грохали тяжелыми сапогами солдаты вызванных Временным правительством в столицу воинских частей, маячили конные казачьи разъезды, подразделения юнкеров несли охрану почты, телеграфа и телефона.

Боясь корабельной артиллерии, Временное правительство с помощью Морского министерства решило удалить из Петрограда

«Аврору», которая только что закончила ремонт на Франко-Русском заводе. Исполняющий обязанности командира лейтенант Эриксон получил приказ выйти в море для опробования машин. Однако вскоре в адрес судового комитета «Авроры» пришел другой приказ — от Центробалта. О нем Эриксон доносил командующему Балтийским флотом адмиралу Развозову: «Сегодня днем председатель судового комитета получил приказание от Центробалта впредь до его распоряжения не выходить из Петрограда. Председатель судового комитета настаивал перед Дыбенко по юзу на необходимости выхода крейсера на пробу машин, которую предполагается произвести в среду, а завтра должны были перейти в Кронштадт. Дыбенко настаивает на том, чтобы крейсер 25-го и 26-го оставался в Петрограде. Председатель судового комитета ослушаться распоряжений Цевтробалта не считает возможным, о чем и заявил мне».

»Аврора» осталась в столице. Кроме нее Центробалт прислал еще четыре эсминца. Из Кронштадта пришел минный заградитель «Амур». К началу восстания на Неве стоял внушительный отряд боевых кораблей. Один их вид вызывал дрожь у защитников Временного правительства.



Крейсер «Аврора» на Неве в октябрьские дни 1917 года
С картины художника Г. Горшкова

Крейсер «Аврора» на Неве в октябрьские дни 1917 года (С картины художника Г. Горшкова)

Зато моряки приход боевых кораблей встретили восторженно. Наконец-то настал момент, о котором мы так долго мечтали.

— Думал ли ты, Коля, — спрашивал меня Сапожников, — что вое будет вот так?

— Нет, — признался я, — по-другому все представлялось. Более стихийно...

Восстание началось до открытия II Всероссийского съезда Советов. По указанию Петроградского ВРК, разместившегося в Смольном, 24 октября отряды Красной гвардии вышли на улицы. К Смольному потянулись вооруженные рабочие петроградских заводов, из Колпина и Сестрорецка. У ступенек института были установлены орудия, за оградой пофыркивали моторы броневиков. Подступы к столице охранялись революционными частями.

[153]

Ночью рабочие и матросские отряды заняли мосты, телеграфное агентство, почтамт, вокзалы, государственный банк и другие важные объекты, окружили Зимний дворец. Утром 25 октября на улицах столицы появилось обращение «К гражданам России», в котором говорилось, что Временное правительство низложено и власть перешла в руки Военно-революционного комитета. Автором исторического воззвания был В. И. Ленин.

Один только Зимний дворец оставался пока еще в руках бывшего правительства, отрезанного от города и от страны плотным кольцом восставших рабочих, матросов и солдат. Его распоряжениям подчинялись только подразделения юнкеров да женский ударный батальон. Выставив из-за поленниц дров стволы пулеметов и винтовок, защитники Зимнего упрямо держались. Они не сдавались, надеясь на помощь, которую обещал оказать сбежавший из Петрограда Керенский.

Вечером 25 октября начал свою работу II Всероссийский съезд Советов. Делегаты разместились в актовом зале не только на стульях, но и на подоконниках, многие стояли в проходах, теснились в дверях. Наша группа разместилась в первых рядах. Нам хорошо был виден президиум.

Хотя съезд в подавляющем большинстве состоял из представителей большевиков, открыл его меньшевик Дан. За столом рядом с ним сидели Гоц и Абрамович. Все они принадлежали к руководящему ядру отжившего свои дни соглашательского ЦИКа.

Заметно расстроенный, Дан поднялся на трибуну, подождал, пока утихнет шум, затем стал говорить о том, что съезд собрался в исключительной обстановке и Центральный исполнительный

комитет считает ненужным открывать заседание политической речью.

— Я являюсь членом президиума ЦИКа, — напомнил Дан. — Мои партийные товарищи сейчас находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров...

После его слов делегаты зашумели, с разных сторон раздались выкрики:

— Позор!

— Долой корниловцев!

— Предатели!

Сидевший невдалеке от нас черноморский матрос с георгиевской лентой на бескозырке вложил два пальца в рот и оглушительно свистнул. Железняков уважительно посмотрел на него, А Дан, стараясь сохранять спокойствие,

терпеливо ждал, когда все смолкнут. Наконец такой момент наступил, и он сказал:

— Заседание Второго съезда Советов объявляю открытым и предлагаю приступить к выборам президиума.

Представители соглашательского ЦИКа торопливо покинули свои места за столом. Делегаты быстро избрали президиум, в основном состоявший из большевиков. Начались выступления. Внезапно какой-то взъерошенный человек, обращаясь к председателю, попросил слова для внеочередного заявления. Он чуть ли не бегом влетел на сцену. Срывающимся голосом он закричал, что Зимний дворец обстреливается пушками Петропавловской крепости и морскими орудиями «Авроры».

— Мы протестуем! — восклицал он, заламывая, руки. — Мы покидаем съезд и идем к Зимнему дворцу умирать вместе с нашими братьями!

И действительно, после его сообщения группа меньшевиков демонстративно вышла из зала. Кто-то из матросов крикнул:

— Скатертью дорожка!

А Железняков вдруг толкнул меня в бок, с озорной усмешкой сказал:

— Пойдем и мы с тобой, поглядим, как они «умирать» будут... Чего нам тут сидеть, речи слушать? Может, у Зимнего и для нас дело найдется? Часть наших ребят уже давно на Дворцовую площадь ушла.

Я согласился с ним. Выйдя из Смольного, направились к Зимнему. По пути мы раздобыли винтовки, хотя у нас имелись пистолеты. Чем ближе подходили к Дворцовой площади, тем громче слышался треск ружейных и пулеметных выстрелов. Со

стороны Петропавловки звонко грохали пушки. Мы обогнули площадь и через Невский вышли к Александровскому саду возле Адмиралтейства. Здесь было полно матросов. Кто-то окликнул Анатолия, и к нему подошли сразу несколько человек. Оказалось, что здесь ждали сигнала матросы из Машинной школы. Желёзнякова окружили тесным кольцом.

Но разговаривать было некогда. Мы подоспели как раз к тому моменту, когда начинался решительный штурм Зимнего дворца. Его крыло, обращенное к Адмиралтейству, было высвечено лучами прожекторов с «Авроры» и стоявших возле Николаевского моста эсминцев.

Вскоре со стороны Миллионной улицы и арки Главного штаба плеснулось и затопило все пространство грозное

[155]

»ура!». С каждой секундой оно звучало все громче. Мы тоже закричали и кинулись вперед.

Вместе с другими я побежал к дворцу. Когда поравнялись со штабелями дров, за ними никого не оказалось: юнкера и ударницы бежали во дворец. Мы начали их преследовать и вслед за ними ворвались в вестибюль. Тут они побросали оружие.

Потеряв Железнякова, я побежал вместе с матросами и красногвардейцами по лестнице вверх, проскочил какую-то площадку и очутился возле распахнутой настежь высокой двери. Бросился туда. В небольшом зале, окруженная плотным кольцом матросов, рабочих и солдат, стояла группа испуганных людей. Это были министры Временного правительства. Лишь адмирал Вердеревский, которого я хорошо знал по Гельсингфорсу, казался спокойным.

Возбуждение постепенно улеглось. Установилась тишина. Впоследствии, вспоминая этот момент, я понял, что, ворвавшись в зал заседания Временного правительства, многие из нас попросту не знали, что делать дальше. Момент был напряженным. Для министров дело могло окончиться плачевно. Кинься на них какой-нибудь обозленный солдат-фронтовик — и их бы смяли. Но в эту минуту появился среднего роста человек в очках, в помятой фетровой шляпе. Выйдя вперед, он сказал спокойно и властно, обращаясь к министрам:

— Именем Военно-революционного комитета вы арестованы!

Это был член ВРК Антонов-Овсеенко.

В зале снова поднялся гул, но быстро смолк. Все хотели видеть и слышать, что будет делать дальше Антонов-Овсеенко. А он подозвал поближе группу моряков, приказал оцепить арестованных. Балтийцы хорошо знали Владимира

Александровича в лицо. Его авторитет на флоте был непререкаем, и матросы тотчас же выполнили его распоряжение.

Антонов-Овсеенко составил акт об аресте и приказал препроводить министров в Петропавловскую крепость. Сам он тоже отправился с конвоем...

На другой день я встретился с товарищами из Центробалта в Смольном. Здесь мы узнали, что в здании Петроградской городской думы минувшей ночью была создана контрреволюционная организация, присвоившая себе пышное название — «Комитет спасения родины и революции».

[156]

В нее вошел и президиум Центрофлота. Услышав об этом, Иван Сапожников со злостью сказал:

— Докатились соглашатели! Ну уж этого матросы им не простят.

Наши товарищи решили посоветоваться с членами Военно-революционного комитета. А мне и Железнякову удалось поговорить с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Мы встретили его в коридоре Смольного, остановили и попросили совета. Феликс Эдмундович внимательно выслушал нас, твердо сказал:

— Вопрос, по-моему, ясный. Разогнать надо этот Центрофлот. Настало время морякам новый революционный орган создать. Думаю, что вы, делегаты съезда, могли бы это сделать сами. Здесь сейчас представители всех флотов, и вы вполне можете образовать что-то вроде общефлотского ревкома, который временно, пока мы не организуем народные комиссариаты, может возглавить всех военных моряков России.

Матросы — делегаты II Всероссийского съезда Советов собрались вместе, чтобы избрать новый полномочный орган взамен соглашательского Центрофлота. Назвать его решили Военно-морским революционным комитетом (ВМРК). Кто-то предложил на пост председателя кандидатуру Ивана Ивановича Вахрамеева. Предложение дружно поддержали.

Впервые я познакомился с Вахрамеевым на втором съезде моряков Балтийского флота, на который он был избран от транспорта «Оланд». Неторопливый, уверенный, взвешивающий свои слова и поступки, Вахрамеев понравился нам своей деловитостью, умением обстоятельно решать вопросы. В его кандидатуре мы не ошиблись. На новом посту Иван Иванович проявил себя талантливым организатором. Всего в первый состав ВМРК были избраны одиннадцать человек — Василий Мясников,

Николай Неверовский, Виктор Пенкайтис, Анатолий Железняков и другие товарищи. В состав комитета вошел и я.

В тот же день мне удалось побеседовать с членом Петроградского Военно-революционного комитета прапорщиком Н. В. Крыленко. Он сказал, что наряду с другими народными комиссариатами намечено создать и комиссариат по делам военно-морского флота. Он поинтересовался, как отнесутся матросы к тому, чтобы привлечь к работе адмирала Вердеревского. Я ответил, что Вердеревский — человек знающий и очень опытный. Если он согласится сотрудничать с Советской властью, то лучшей кандидатуры, пожалуй, не сыскать. Тем более что с ним рядом будут работать

[157]

наши товарищи, которые обеспечат правильную политическую линию. Если же он откажется, то можем выдвинуть кого-нибудь из своих. Дыбенко, например.

Н.В. Крыленко

Н. В. Крыленко

Адмирал Вердеревский отказался от предложенного поста. Выпущенный из Петропавловской крепости, он вскоре эмигрировал во Францию. В годы второй мировой войны, уже будучи глубоким стариком, он участвовал в борьбе против гитлеровских захватчиков, оккупировавших Францию. После изгнания оккупантов вместе с многими другими эмигрантами попросил предоставить ему советское гражданство. Просьбу его удовлетворили. Конец своей жизни он прожил гражданином Советского Союза.

Крыленко, так же как и Феликс Эдмундович Дзержинский, посоветовал нам не медлить с роспуском Центрофлота. Здесь же, в Военно-революционном комитете, мне вручили мандат, из которого явствовало, что я назначаюсь комиссаром Морского министерства и Адмиралтейства. Мне объяснили, что нужно будет проследить за тем, чтобы министерство с самого начала четко выполняло распоряжения Советской власти.

Я готов был немедленно идти в Адмиралтейство, но Крыленко посоветовал мне сначала побывать на заседании съезда. Увидев, что я колеблюсь, он добавил:

— Владимир Ильич сегодня выступать будет.

Услышав это, я немедленно помчался в актовый зал. Как и в первый день, народу было битком. Хорошо, что товарищи как-то умудрились сохранить свободное место.

Заседание шло как обычно. Но вот председательствующий Яков Михайлович Свердлов объявил, что сейчас перед делегатами выступит Ленин. Зал словно взорвался, загремел овациями, приветственными возгласами. Когда Владимир Ильич вошел в зал, все встали.

До этого я видел Ленина на Апрельской конференции. Теперь он показался мне похудевшим и утомленным. Непривычно было видеть его гладко выбритым без усов и бородки. Ленину пришлось их сбрить, когда он скрывался в подполье от ищеек Временного правительства.

Поднявшись на трибуну, Владимир Ильич вытянул вперед руку, останавливая овации. Едва они смолкли, он заговорил, как всегда, энергично и бодро. Владимир Ильич повел речь о том, что больше всего волновало миллионы людей, — о мире. Слушали его в напряженном молчании, боясь проронить хоть одно слово. Ленинский Декрет о мире был принят с небывалым воодушевлением.

В тот же вечер по второму докладу Ленина съезд при-

нял еще один декрет, возвестивший, что отныне вся

помещичья земля без всякого выкупа переходит в руки трудового народа. Горячими, долгими овациями съезд приветствовал и образование первого Советского правительства во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Дождавшись перерыва в заседании, я все же решил пойти в Морское министерство. В Адмиралтействе уже никого не было, кроме дежурных. Предъявив свой мандат, я попросил телеграфистов связать меня по прямому проводу с Центробалтом. Через несколько минут они сказали, что на проводе Дыбенко.

Здесь для точности я приведу сохранившийся в архиве текст нашего разговора:

Ховрин: В Петрограде помимо съезда образовался «Комитет спасения революции», в состав которого вошли большинство оборонцев городской управы, представители меньшевиков и оборонцы, ушедшие со съезда, и представители Центрофлота, за исключением меньшинства его членов. Я говорил с Крыленко частным образом. Есть идея распустить его, организовав из членов съезда временный Морокой революционный комитет, который завтра соберется. Арестованный Вердеревский находится в Петропавловской крепости. Кроме того, имел разговор с Крыленко в Революционном комитете, который высказался, что есть намерение привлечь Вердеревского в министерство. Конструкция власти будет коллегиальная. В состав Морской коллегии намечены кандидаты: Антонов, Крыленко и Дыбенко. Ответь на эти вопросы.

Дыбенко: Вошли ли в «Комитет спасения» представители от Балтики? По флоту объявлено постановление исполнять приказания только Центробалта, в оперативных делах — комфлота. Почему у аппарата все время стоят кадеты в виде Клименко, который совершенно не дает никаких сведений? Если у вас мало людей, верных революции, то мы пришлем от Балтики. Сообщи полностью, какие перемены. Прибыли ли наши четыре миноносца... пришли ли эшелоны, посланные из Гельсингфорса? Для них послана провизия, шестьсот пудов. Сделай справку, если нужна провизия, пришлем еще. Миноносцы и эшелоны посланы в распоряжение Петроградского революционного комитета. Команду Балтики убрать от Центрофлота.

Ховрин: Часть членов Балтики вошла в «Комитет спасения». Я назначен комиссаром в Морское министерство. Караул подчиняется только мне. С завтрашнего дня мы назначаем своих комиссаров. Посылать что-либо обождите,

[159]

за исключением провианта. Все части войск, посланные вами,

находятся в распоряжении Революционного комитета, в том числе и миноносцы. Положение везде до некоторой степени выясняется. Части войск, направленные против Петрограда, присоединяются к нам. Керенский утром 25 октября выехал из Петрограда в Гатчину, призывал войска идти на Петроград. Войска отказались. В Казани происходит сражение, то же и в Царицыне. Из других мест сообщений не имею. Ответь на вопросы о Вердеревском и Центрофлоте.

Дыбенко: Центрофлот объявить неправомочным ввиду того, что Балтийский флот лишит мандатов своих представителей, защищающих Керенского. Вердеревский под сомнением, вопрос не обсуждался. Узнай, где Дмитриев. Требуется бригадный на крейсеры. Из каких частей представители Балтики вошли в «Комитет спасения»? Укажи фамилии; если сейчас не знаешь, то постарайся узнать. Финляндия объявлена на военном положении ввиду того, что буржуазная гвардия покушается сделать нападение на наши войска. Приняты все меры. Вместо Некрасова назначены два комиссара. Флот в возбужденном настроении и рвется в бои на баррикады. Приходится сдерживать. Комиссары Временного правительства Онипко и Франкфурт устранены. «Народная нива» за погромный призыв закрыта. Редактор арестован. Редакция реквизируется для левых эсеров по соглашению с Центробалтом.

Ховрин: О Вердеревском желательно решить вопрос в положительном смысле. Завтра предполагается его освободить. Верховная комиссия, может быть, сегодня будет, утверждена съездом. Кандидаты — как я и называл. В состав этой комиссии предполагается пригласить Вердеревского и еще кого-нибудь. Можешь ли ты, не принося ущерба делу, приехать в Петроград? Дмитриева пятого адреса не знаю.

Дыбенко: В состав коллегиального министерства имеются намеченные уже кандидаты и в какие министерства?

Ховрин: Есть основание предполагать, что премьер будет Ленин, об остальных ничего не знаю. Относительно Центрофлота вопрос наполовину решен.

Дыбенко: Относительно Вердеревского обсудим на общем собрании, дадим ответ.

Ховрин: Нельзя ли дать ответ к утру? Я буду утром на заседании Революционного комитета. Можете не поспать ночь, но дайте ответ.

Дыбенко: Дадим ответ к семи утра.

[160]

Ховрин: Можешь ли ты приехать?

Дыбенко: Могу. Когда именно приехать?
Ховрин: Я сообщу. Нет ли каких вопросов?
Дыбенко: Скажи, сколько убитых и раненых у дворца?
Ховрин: Убито пять матросов и один солдат. Раненых много.
Дыбенко: Сколько с другой стороны?
Ховрин: Никого.
Дыбенко: Сдался ли женский батальон?
Ховрин: Все сдались.

Утром 27 октября товарищи из ВМРК решили окончательно покончить с соглашательским Центрофлотом. Разогнать его поручили мне. Вместе со мной отправились Анатолий Железняков и Эйжен Берг. Пока мы шагали к Адмиралтейству, я обратил внимание, что некоторые прохожие обходят нашу небольшую группу стороной. Причиной этого оказался Берг. Его решительное лицо, мощная, почти квадратная фигура и без того производили внушительное впечатление. А тут еще он заткнул за пояс два револьвера. Я сказал ему, что, может быть, лучше положить револьверы в карман, а то, мол, люди пугаются.

— Нет! — густым басом отозвался он, воинственно топорща усы. Пугаются только буржуи. А они и должны бояться революционных матросов!

В Адмиралтействе мы неожиданно встретили моего старого знакомого Федора Кузнецова-Ломакина — кронштадтского подпольщика, с которым мы вместе сидели на скамье подсудимых в октябре 1916 года. Федор разговаривал о чем-то с группой вооруженных матросов. Увидев меня, он радостно бросился навстречу:

— Вот чудеса-то! Какими судьбами?

Я коротко рассказал, зачем мы пожаловали в Адмиралтейство. Кузнецов-Ломакин сказал, что готов помочь нам. Потом добавил улыбаясь:

— Тебе, Николай, повезло. Я сейчас начальник караула. Ребята в карауле хорошие, настроены по-большевистски. Так что можешь распоряжаться.

Попросив Кузнецова-Ломакина выставить матросов у входа в зал, я с товарищами вошел внутрь. Центрофлотцы встретили нас неприветливо. Еще не зная о решении ВМРК, они, конечно, догадывались, что пришли мы неспроста. Я сказал, что уполномочен сделать важное сообщение, и предложил пригласить в зал всех членов Центро-

флота , которые находились в это время в Адмиралтействе.

Когда все были в сборе, я объявил, что решением Военно-морского революционного комитета Центрофлот объявляется распущенным. Шум поднялся неимоверный. Соглашатели кричали:

— Не имеете права!

— Это насилие!

— Мы не будем подчиняться узурпаторам!

Гвалт не давал мне возможности договорить. Напрасно я стучал ладонью по столу, стараясь навести порядок. Шум не утихал. Тогда вперед вышел Берг и рявкнул так, что задрожали стекла:

— А ну, тише, божьи дети!

Оглушенные звуком его голоса, центрофлотцы смолкли. Я объявил, что назначен комиссаром Морского министерства и Адмиралтейства, зачитал свой мандат и приказал, не теряя времени, сдавать дела.

— А до сдачи дел, дорогие граждане, будете находиться как бы под домашним арестом.

Центрофлотцы вновь было загалдели, но довольно быстро смирились. Только один дотошный с нашивками унтер-офицер все еще продолжал у меня выяснять, по какому праву мы разгоняем Центрофлот. Желая побыстрей отвязаться от него, я сказал коротко:

— По праву сильного, понял?

После этого вопросов к нам больше не было. Громко, чтобы все слышали, я отдал приказание Кузнецову-Ломакину никого из помещений не выпускать, у всех дверей расставить караульных. Когда мы вышли на улицу, начальник караула в раздумье спросил:

— И долго их тут держать?

— Вряд ли нужно долго, — сказал я, — припугнули мы их, и на первый раз хватит. Если кто будет проситься выйти в город — не препятствуй...

Кузнецов-Ломакин в точности выполнил приказ. В тот же вечер центрофлотцы поодиночке ушли, сдав свои дела. Орган соглашателей перестал существовать. Матросы о нем не жалели. Но так называемый «Комитет спасения родины и революции» направил по всем флотам телеграмму: «27 октября в 5 часов вечера в Центрофлот явился матрос Ховрин, заявивший от имени Морского военного комитета, избранного съездом Советов, о роспуске Центрофлота. На запрос о причине Ховрин ответил: «По праву сильного». Не имея возможности сопротивляться грубой силе, Центрофлот

заявил: роспуск считает незаконным. Подчинился грубой силе и сдал дела».

На флотах эта телеграмма произвела совсем иное впечатление, чем то, на которое рассчитывали в «Комитете спасения». Матросы единодушно одобрили решение ВМРК.

Военно-морской революционный комитет занял помещение, где размещался прежде Центрофлот. Разогнав соглашателей, мы пригласили из состава Центрофлота матросов-большевиков. С нами стали работать Василий Марусев, Владимир Полухин, Иван Соловьев и еще несколько человек. Все они активно помогали Вахрамееву налаживать работу нового органа.

Одним из первых получил задание ВМРК Анатолий Железняков. Ему поручено было обеспечить порядок в районе Невского проспекта и Дворцовой площади. В то время на Невском и возле Зимнего дворца группами собирались недовольные революцией обыватели, чиновники разных ведомств, гимназисты. Они устраивали жидкие митинги протеста, шумели и витийствовали друг перед другом. Там же появилось много уголовников и всякого рода анархиствующих личностей, рассчитывающих половить рыбку в мутной воде.

Железнякову выделили матросов из 1-го Балтийского экипажа. В помощь себе он взял также Эйжена Берга. Тот с удовольствием согласился разгонять буржуев и жуликов. Один вид Берга с неизменными револьверами за поясом действовал на слабонервных интеллигентов устрашающе. Достаточно было ему подойти к кучке митингующих против Советской власти, как она сама собой тихо и незаметно таяла. Бергу иногда даже не приходилось прибегать к словам и уговорам.

В первый же день матросские патрули навели в районе Невского и Дворцовой площади идеальный порядок. И митингующих, и уголовников как ветром сдуло. Берга стали шутливо называть комендантом Невского.

Военно-морскому революционному комитету с самого начала его деятельности пришлось решать массу неотложных вопросов. Для работы не хватало суток. Многие из нас и поселились тут же, в Адмиралтействе, приспособив для ночлега диваны и кресла.

Во главе Морского министерства была поставлена коллегия из трех человек. По ходатайству ВМРК первым наркомом по морским делам стал Павел Ефимович Дыбенко. Управляющим министерством рекомендовали капитана

[163]

1 ранга Модеста Васильевича Иванова. Во все управления

были назначены комиссары.

В Петрограде было неспокойно. Один за другим вспыхивали юнкерские мятежи. Теперь, несколько десятков лет спустя, видно, что новая революционная власть допустила ошибку, не разоружив юнкеров сразу же после ареста Временного правительства. Но в те дни такая мера не казалась необходимой.

В тот день, когда это случилось, я находился в ВМРК. Неожиданно со стороны Исаакиевской площади послышалась пулеметная стрельба. Все, кто находились в помещении, схватились за оружие и помчались на улицу. Перед нашими глазами предстала такая картина: два броневика кружили по площади и вели огонь по рослому матросу, который прятался за колоннами собора. К груди он прижимал раненую руку и морщился от боли. Прибежавшие из Адмиралтейства моряки, прячась за штабелями дров, пытались подобраться к машинам поближе. Но свинцовый ливень не давал возможности подступиться к ним. Наша же стрельба была бесполезной — пули отскакивали от брони.

Похозяйничав перед Исаакием примерно с полчаса, броневики направились на улицу Гоголя. Один из них на углу почему-то остановился. Мы выскочили из-за укрытий и бросились к машине, дружно навалились на нее и опрокинули набок. В дверцу застучали прикладами, кто-то крикнул:

— А ну, вылазьте, гады!

Медленно открылся люк, показался бледный человек в кожаной тужурке. Увидев, что стоящий рядом матрос замахнулся штыком, он отшатнулся и срывающимся голосом попросил:

— Не надо, я не стрелял, я — шофер!

Следом за ним вылезли еще двое. Под солдатскими шинелями у них были офицерские кителя. Обоих тут же пристрелили, а трупы сбросили в реку. С этими лютыми врагами нельзя было церемониться.

Очень часто враги сами вызывали нас на жестокость, бессмысленно убивая наших товарищей. Матросы беспощадно мстили за гибель друзей.

Никогда не забуду случай, который произошел во время осады восставшего юнкерского Павловского училища. Моряки и солдаты обстреливали засевших в здании юнкеров, пытались ворваться внутрь, однако каждый раз отступали, оставляя на мостовой раненых и убитых. Мятежники дер-

жались стойко. Но вот в окне показалась высунутая на штыке белая тряпка.

— Братва, гляди — сдаются юнкера! — воскликнул кто-то.

— Наконец-то додумались! — раздались голоса.

Все вышли из-за укрытий и направились к подъезду. Но едва дошли они до середины двора, как из окон в упор ударили пулеметы... Десятки убитых и раненых упали на камни двора.

Ярости наступавших не было предела. Они ворвались в здание. Расправа была короткой...

В эти дни всем нам некогда было даже сомкнуть глаз. На Петроград начали наступление казачьи части генерала Краснова. Военно-морской революционный комитет многое сделал для отражения этой угрозы. Боевые корабли получили приказ занять позиции, с которых можно было держать под обстрелом подступы к Петрограду. Отряды кронштадтских, гельсингфорсских и ревельских матросов были направлены под Гатчину и Царское Село.

Мне тоже было поручено выступить с матросским отрядом навстречу наступающим казакам. Командиром выделили нам пехотного офицера, а я был за комиссара. Из города вышли пешим порядком. Пока двигались по улицам Петрограда, отряд имел бравый и подтянутый вид. Но вот потянулись размокшие от дождя проселочные дороги. Здесь мы убедились, насколько неподходящая матросская форма для маршей. Ботинки у всех промокли насквозь, брюки были в грязи.

Усталые, голодные и злые, мы вечером устроились на ночлег в какой-то деревушке. Утром — подъем и без завтрака — в путь. Некоторые стали роптать. Но вот со стороны Петрограда показались накрытые брезентом телеги. На передней рядом с возницей сидел молодой паренек в рабочей тужурке. Еще издалека он крикнул:

— Эй, морячки! Принимай провизию и сапоги!

Матросы вмиг окружили подводы и начали нагружаться едой, подбирать обувь. Тут же, на дороге, переобувались, заправляя в голенища злополучные клеши. Сапоги почему-то оказались лимонно-желтого цвета, но это никого не смущало — зато ноги сухие. Свои ботинки оставили на дороге. Жителям ближайшей деревушки их, наверное, хватило потом на много лет.

Подкрепившись, все заметно повеселели. Послышались шутки, кое-кто попробовал даже напевать. Двинулись дальше.

[165]

Неподалеку от села Александровского наш отряд остановили красногвардейцы. Они предупредили, что впереди, за холмом, казаки. Командовавший нами офицер приказал отряду развернуться в цепь. Матросы сошли с дороги. К их сапогам

сейчас же налипли пудовые комья грязи. Но какой-то весельчак продолжал балагурить:

— Где там вояки Керенского попрятались? Не знают небось еще матросскую полундру!

Раздалась команда — и мы двинулись по вспаханному полю, с трудом вытаскивая из густого, черного месива ноги. Казаки не стреляли. Когда мы оказались на середине пашни, захлопали винтовки, ударили пулеметы. Командовавший нами офицер зычно крикнул:

— Ложись!

Он первым упал на землю. Некоторые матросы последовали его примеру. Однако большинство осталось на ногах. Впервые слыша эту армейскую команду, они растерялись. Казацкие пули не щадили их. Десятки наших товарищей навсегда остались здесь. Когда опять пошли в атаку, матросы действовали уже более осмотрительно.

Казаков заставили отступить. Но отряд, впервые участвовавший в сухопутном бою, понес немало жертв. Большая группа матросов погибла уже после того, как противник был сбит с позиций. Считая, что опасность миновала, балтийцы зачем-то столпились у железнодорожной будки. Вражеский наблюдатель засек это скопление. Последовал залп батареи — и многие наши товарищи погибли под разрывами снарядов.

К вечеру к нам на позиции приехал Николай Ильич Подвойский. Собрав вокруг себя моряков, он похвалил их за храбрость, но тут же и отругал за излишнюю лихость и неумение воевать. Из рядов раздалось:

— Не учили нас этому... Мы же не пехота...

— Теперь придется, — сурово сказал Подвойский, — враги еще не разбиты...

Н.И. Подвойский

Н. И. Подвойский

Но нашему отряду в эти дни не пришлось больше воевать. На следующее утро мы узнали, что казачьи части генерала Краснова капитулировали, сам Краснов арестован, а Керенский бежал из Гатчины, переодевшись в матроса. Нас отозвали в Петроград.

Вечером, поужинав, мы с Анатолием Железняковым уже собирались лечь спать, как нас неожиданно пригласили в штаб Петроградского округа. Антонов-Овсеенко проинформировал, что в Москве идут тяжелые бои. Кремль еще не взят восставшими.

[166]

— На помощь москвичам решено послать отряд моряков, — сказал Антонов-Овсеенко. — Сформировать его поручается вам, товарищ Ховрин...

Я сразу же приступил к делу. Во 2-й Балтийский экипаж, в Кронштадт, на корабли полетели распоряжения о выделении надежных ребят. Первым в отряд попросился Эйжен Августович

Берг, а к утру 2 ноября в его составе насчитывалось уже несколько сот человек.

Командиром отряда был назначен Ф. Ф. Раскольников, комиссаром стал я, а начальником штаба — А. Ф. Ильин-Женевский.

[167]

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Колеса деловито стучали на стыках. За окнами в чернильной темноте осенней ночи время от времени вспыхивали оранжевые россыпи искр. Желтые язычки пламени свечей слегка подрагивали за грязными стеклами фонарей, разливая по вагону зыбкий тусклый свет. Неясные блики играли на стволах сложенных на лавках винтовок, на круглых боках бутылочных гранат.

Несмотря на поздний час, в штабном вагоне никто не спал. Да и в соседних тоже, видимо, бодрствовали. Иногда, перекрывая шум идущего поезда, до нас доносились звуки веселой песни.

Матросский эшелон шел на Москву головным. Следом за ним двигались составы с солдатами 428-го Лодейнопольского полка и путиловские бронеплощадки с красногвардейцами. Командовал всеми этими силами К. С. Еремеев — член Петроградского военно-революционного комитета. Почти всю дорогу он, не переставая, дымил зажатой в зубах короткой трубкой. Такого завзятого курильщика мне еще не приходилось встречать.

К.С. Еремеев

К. С. Еремеев

В пролетах между станциями наши составы шли хорошо. Зато на остановках нас подолгу задерживали. Мы подозревали, что имеем дело с саботажем железнодорожных чиновников, однако доказать ничем не могли.

На станции Тосно Еремееву передали телеграмму. В ней сообщалось, что впереди нас в сторону Москвы движется неизвестный бронепоезд. Еремеев недоуменно пожал плечами:

— Непонятно. Из Петрограда никаких бронепоездов Военно-революционный комитет не отправлял. Откуда он мог взяться?

После короткого совещания на платформе решили дать депешу на ближайшую от нас Окуловку с требованием задержать неизвестный бронепоезд. Когда туда прибыли, там его не оказалось: железнодорожники не осмелились остановить бронированную крепость. Они лишь рассказали, что в ней — ударники, которые обстреливали красногвардей-

цев и матросов в боях под Гатчиной и Царским Селом. После того как красновцы капитулировали, бронепоезд, обойдя Петроград по ветке, вышел на Николаевскую дорогу.

Мы качали преследовать его. В Бологое прибыли, когда уже стемнело. И тут настичь противника не удалось. Он свернул на Полоцкую ветку. Видимо, направился к Западному фронту. В нашем штабе уже хотели махнуть на это дело рукой, но узнали, что солдаты с артиллерийских складов, расположенных вблизи станции Куженкино, разобрали рельсы и теперь бронепоезду некуда деваться.

— Придется нам несколько задержаться, — сказал командир нашего отряда, — просто обидно будет, если упустим.

Еремеев дал согласие на эту операцию. Бронеплощадки с морскими орудиями и матросский эшелон перевели на Полоцкую ветку. В кромешной темноте двинулись дальше. Когда, по нашим расчетам, неприятель должен был быть уже близко, состав остановился, моряки высыпали на землю. Вперед выслали разведку.

Вскоре бронепоезд был обнаружен, и оказалось, что команда его сбежала. Теперь он уже находился в наших руках. На нем было две пушки во вращающихся башнях и шестнадцать пулеметов, установленных по бортам. Внутри мы обнаружили. изрядный запас патронов и снарядов, несколько ящиков с гранатами-лимонками.

Матросам очень пришлись по душе трофейные гранаты. До этого они имели дело только с гранатами бутылочного типа, а теперь, увидев удобные, по руке, лимонки, набили ими карманы, а некоторые — даже вещевые мешки. Поначалу командование отряда не возражало против этого увлечения, пока не произошел трагический случай (это было уже в Москве).

Один из моряков нечаянно выдернул предохранительную чеку. Ему крикнули, чтобы он отбросил гранату в сторону, но он замешкался и был убит взрывом. После этого происшествия штаб отдал приказ сдать все лимонки.

Среди прочих трофеев матросы обнаружили изумительной красоты шашку в серебряных ножнах. Делавший ее мастер вырезал на конце эфеса голову коня. Ножны покрывала тонкая чеканка. Долго любовались мы этим оружием. Кто-то предложил подарить его командиру отряда. Тот сначала смущенно отнекивался, потом все же принял.

Захваченный бронепоезд укомплектовали личным составом и поставили впереди эшелонов. Вернувшись в Бологое, взяли курс на Москву. На этот раз ехали без приключений.

Прибыли на Николаевский (ныне Ленинградский) вокзал глубокой ночью. Еще в пути узнали, что революция в Москве победила и власть перешла в руки Совета. Еремеев, несмотря на поздний час, отправился в Московский ревком, приказав нам ждать его в составах.

После его отъезда Железняков отпросился в город. Он был родом из Москвы, здесь жили его мать и родные. Он и меня уговорил пойти вместе с ним. Командир не возражал против этого, и мы отправились пешком в Марьину рощу. Анатолий уверял, что это совсем недалеко. На самом же деле мы потратили часа два, пока добрались до дома, где жила его семья.

Над Москвой только забрезжил рассвет, когда Анатолий громким стуком разбудил всех домочадцев. Радости родных не было предела. Нас усадили за стол, быстро вскипятили чайник. Все время, пока мы чаевничали, мать не сводила с Анатолия глаз, с жадным вниманием ловила каждое его слово. А младший братишка Железнякова и двое его племянников возились в углу, примеряя нашу боевую амуницию.

Пробыли мы у родных Железнякова совсем недолго, потому что время нашего «отпуска» уже истекло. Но и этот короткий визит произвел на меня большое впечатление. Приятно было посидеть в домашней обстановке, о которой мы уже стали забывать.

Когда вернулись на вокзал, командир предложил мне и Железнякову пойти вместе с ним на поиски подходящего помещения для нашего отряда. У Красных ворот наше внимание привлек длинный трехэтажный дом с широкими окнами. Оказалось, что это институт благородных девиц.

— А ведь здесь наверняка найдем излишек площади, — сказал Железняков. — Посмотрим?

Пошли в канцелярию. Узнав о цели нашего прихода, представительница дирекции встретила нас недоброжелательно. Но мы все же, осмотрев помещение, сказали, что займем пустующие комнаты первого этажа. Дама пробовала протестовать, но в конце концов сдалась.

Когда матросы нашего отряда услышали, в каком здании им придется жить, шуткам их не было конца. Они от души веселились, представляя себя в обществе дворянских дочек. Конец излишнему веселью положил решительный Берг. Он громогласно объявил:

— Кончайте, товарищи, неуместные разговоры! В Смольном раньше тоже благородные девицы помещались,

а теперь там — центр мировой революции. И ничего смешного в этом не может быть. Ясно?

До института пошли строем. Если в Петрограде матросов видели часто, то в Москве такой большой отряд моряков появился впервые. На тротуарах толпились любопытные, следом бежали восхищенные мальчишки. А на наших ребят любо-дорого было посмотреть. Они шагали, как на параде: идеально держали равнение, не оглядывались по сторонам. Их выправка, мужественный и суровый вид яснее слов говорил о том, что это шагают герои революции — балтийские моряки.

Прибыв на место, отряд разместился в освобожденных для нас комнатах и стал ожидать приказаний. Сопротивление врагов в Москве было полностью сломлено. Юнкеров разоружили, часть арестовали, некоторых отпустили домой. Все же Московский ревком нашел дело и для нас. Он решил использовать балтийцев для поисков подпольных складов оружия, созданных контрреволюционными офицерами, и для борьбы с бандитами, которых порядком развелось в ту смутную пору. Царской полиции уже не существовало, а милиция еще только зарождалась. В такой обстановке уголовники чувствовали себя вольготно. Они терроризировали целые кварталы. Банды действовали дерзко и были хорошо вооружены.

Несколько дней подряд наши матросы, разбившись на группы, проводили облавы, прочесывали рынки, обыскивали ночлежки. Мы ловили уголовников в кабаках, громили подпольные игорные дома, врывались в бандитские притоны. Вся эта блатная шваль, почти всегда пьяная, яростно сопротивлялась. Они пускали в ход ножи, пистолеты и даже гранаты. Некоторые наши товарищи погибли от бандитских рук. Но и мы не давали им пощады. Бандитов, захваченных с оружием в руках, расстреливали на месте.

Когда среди уголовников распространился слух о том, что матросы круто расправляются с теми, кто оказывает им вооруженное сопротивление, мы стали замечать, что при очередных наших налетах бандиты ведут себя гораздо покладистее, сдаются, не прибегая к оружию. В короткий срок нам удалось заметно утихомирить уголовников.

Но честно говоря, матросов не очень устраивала их новая роль. Они рвались в бой с контрреволюцией. Командир отряда, Ильин-Женевский и я пошли к командующему войсками Московского округа Н. И. Муралову. В это время из Петрограда поступила директива, которая предписывала нашему отряду

двигаться к Харькову и дальше на юг для
[171]

борьбы с белым казачеством и оказания помощи местным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Раскольникова отзывали обратно в Петроград.

В актовом зале института состоялся митинг. Тут же решено было избрать нового командира отряда. Выбор товарищей пал на меня. Комиссаром избрали прибывшего к нам члена Петроградского ВРК прапорщика Павлуновского, а начальником штаба оставили Ильина-Женевского.

Собравшись втроем, мы произвели некоторые назначения внутри отряда. Железняков стал моим заместителем. На должность начальника хозяйственной части назначили по моей рекомендации аккуратного и исполнительного Юкумса, а начальником связи утвердили Шпилевского.

Оба они были с «Республики». Матросы с этого корабля составляли ядро нашего отряда, самую боевую и дисциплинированную его часть.

Московский ревком направил к нам штабс-капитана Скавронского. Должности для него не определили, и он выполнял у нас роль военного советника при штабе. Надо сказать, что советы его нам очень пригодились впоследствии. Это был спокойный, тактичный и на редкость деловой человек. У матросов Скавронский быстро завоевал авторитет.

Для усиления отряду придали роту училища прапорщиков под командованием унтер-офицера Яшвили, четыре бронеавтомобиля и прожекторную команду с двумя прожекторами и автономной электростанцией.

Бойцы горели желанием быстрее отправиться в путь. Каждый день они засыпали штаб вопросами: когда поедем? У нас, по сути дела, все было готово в отправке. Оставалось только получить вагоны и паровозы. Но их-то как раз и не было. Железнодорожное начальство ссылалось на многие причины, мешающие выделить подвижной состав. Сначала мы терпеливо ждали, но потом стали догадываться, что столкнулись с саботажем.

В то время на железных дорогах видную роль играл так называемый Викжель — профсоюзная организация, у руководства которой стояли меньшевики и эсеры. Викжелевцы с первых же дней Советской власти показали себя ее врагами. Вот и теперь они, как могли, препятствовали нашему выезду. В конце концов терпение лопнуло. Ильин-Женевский и я отправились к высшему руководству Викжеля. Я прихватил с собой винтовку. На железнодорожных путях отыскали салон-вагон. К нам вышел

упитанный господин в накинутой на плечи роскошной меховой шубе, но в туфлях

[172]

на босу ногу — очевидно, совсем недавно встал с постели.

Со скучающим видом выслушав нашу просьбу, он развел руками и начал убеждать нас, что не в состоянии ничем помочь. Я слушал его журчащий баритон и начинал «заводиться». Изо всех сил стараясь сдержать раздражение, сказал:

— Нам эта волынка надоела. В последний раз спрашиваю: когда будут вагоны?

— Но я же объяснил вам — свободных вагонов нет, ничего в данное время сделать не можем...

Оставив всякую дипломатию, я так стукнул прикладом в пол, что задребезжали стекла в окнах, и заорал, наступая на господина:

— Да ты что — издеваться над матросами вздумал? Гони сейчас же вагоны, сукин сын!..

Тут я запустил серию таких словечек, что викжелевец побелел и попятился. Он пообещал сейчас же все уладить. Сняв трубку, он по телефону отдал распоряжение выделить для отряда вагоны третьего класса и несколько платформ.

Когда мы возвращались к себе, Ильин-Женевский дал волю сдерживаемому смеху. Он признался, что хотел просить для людей теплушки, а оказалось, что поедем со всеми удобствами.

В тот же день отряд погрузился. На платформы вкатили броневики, поставили прожекторы и легковой автомобиль, раздобытый где-то Бергом. Имущество разместили в вагонах. Наконец тронулись. Впереди шел трофейный бронепоезд, захваченный по пути в Москву, за ним путиловские броневлощадки, последним — эшелон с матросами.

Часа через два остановились. Выглянув в окно, Ильин-Женевский с изумлением увидел, что мы на том же месте, откуда выехали. Оказалось, что нас «прокрутили» по окружной дороге. Никто не понимал, в чем дело. Посыпались предположения: не викжелевские ли это козни? Но вскоре все прояснилось. К нам прибыл представитель Московского ревкома и предложил, чтобы мы вернули машину бельгийского консула. Он сказал, что ее реквизировал кто-то из наших матросов. Консул заявил протест.

— Вышло дипломатическое осложнение, — развел руками ревкомовец, — надо этот инцидент ликвидировать...

Все находившиеся в штабном вагоне обратили взоры на Берга. Он сидел красный от смущения, не зная, куда де-

[173]

вать свои большие руки. В свое оправдание он лишь буркнул:

— А откуда я знал, что это консул? Вижу, идет буржуйский автомобиль остановил, предложил освободить: нужен, мол, для революции...

Пожурив Берга, мы с извинениями вернули консульскую машину. Взамен нам дали другую — не такую красивую, но вполне надежную. Распрощавшись с Москвой, отряд двинулся на юг.

В Тулу прибыли вечером. Утром наши представители отправились в местный Совет: нам поручено было взять с тульских оружейных складов десять тысяч винтовок и пулеметы для рабочих Харькова и Донбасса. К сожалению, в Совете первую скрипку играли соглашатели. Они затеяли дебаты: давать или не давать нам оружие? На помощь нам пришли тульские большевики. Вместе с рабочими оружейного завода они добыли все, что мы просили.

Погрузив оружие, мы двинулись дальше. Почти на каждой остановке проводили митинг, рассказывали местным жителям, как побеждала в Петрограде Октябрьская революция. Нашими постоянными ораторами были Железняков и Берг. Иногда приходилось выступать и мне.

Очень радовало, что железнодорожные телеграфисты регулярно сообщали нам все новости. Благодаря их помощи мы своевременно узнали весьма важную для нас весть.

На одной из станций, когда наши паровозы набирали воду, в штабной вагон пришел взволнованный связист. Он показал нам недавно полученную телеграмму. В ней сообщалось, что на Белгород со стороны города Сумы идут эшелоны ударников. Предполагалось, что они хотят, минуя Харьков, пробиться на Дон, где генерал Каледин собирал контрреволюционные силы.

Я немедленно собрал штаб. Решение было единодушным: преградить врагам путь. Принимая такое решение, мы даже не знали, какими силами располагает враг. Только в Белгороде нам стало известно, что он намного превосходит нас по численности. Однако это обстоятельство не поколебало нашей решимости.

По прибытии на станцию мы сразу же поставили к телеграфным аппаратам своих контролеров, перевели на Сумскую ветку бронепоезд, связались с местным ревкомом. Ему лишь недавно стало известно о грозящей городу опасности. Белгород, по сути, был беззащитен. Правда, здесь находился польский запасный полк, или, как его называ-

ли, легион. Но ревком не знал, какую позицию займут поляки в случае наступления неприятеля.

Председателем Революционного комитета был местный адвокат Меранвиль де Сент-Клер — невысокого роста, смуглый, черноволосый, с небольшой бородкой и в очках. Являясь меньшевиком-интернационалистом, он в 1917 году действовал как большевик. Узнав о цели нашего приезда, он заметно повеселел. Нам под штаб была предоставлена местная гостиница.

Выслав в город патрули, мы по совету штабс-капитана Скавронского возле насыпи Сумской ветки начали рыть окопы. Для этого мобилизовали жителей. В польский легион послали своего представителя. Полком этим командовал офицер Яцкевич. Мы пригласили его для беседы. Однако он не приехал, а прислал своего заместителя Черняковского. Тот и дал нам все необходимые сведения о своей части. Она формировалась еще в царское время и состояла из взятых в плен солдат австро-венгерской армии. Предназначалась для использования на фронте, но после Февральской революции застряла в Белгороде. Лишь небольшая часть легионеров имела винтовки австрийского образца. Да и к тем не было достаточного количества патронов.

По словам Черняковского, в полку насчитывалось около шести тысяч человек. Офицеры — старые, служившие прежде в австро-венгерской армии. Они едва ли сочувствовали Октябрьской революции. Зато с солдатами, видимо, можно было договориться — на выборах в Учредительное собрание большинство из них голосовали за большевистский список.

В результате переговоров с командованием легиона мы пришли к соглашению, что полк в оперативном отношении будет подчинен нам. Некоторые подразделения его используются для несения патрульной службы в Белгороде и выделения дозоров за пределы города.

Вместе с местным Советом и революционным штабом мы стали готовить Белгород к обороне. Приближался час встречи с ударниками. По нашим сведениям, их эшелоны были уже верстах в пятидесяти от Белгорода. Благодаря помощи железнодорожных телеграфистов, сообщавших нам самые свежие данные о противнике, мы имели довольно полное представление о его силах. Их ядром был батальон 1-го ударного полка, которым командовал белогвардейский подполковник В. Манакин, 2-й Оренбургский, 4-й и 8-й ударные батальоны. Численность всей этой группы достигала трех тысяч человек. На вооружении ее имелось пять-

десят пулеметов. К счастью, у неприятеля отсутствовала артиллерия.

Защитников Белгорода было в несколько раз меньше. Зато мы располагали бронепоездом, бронеплощадками и бронеавтомобилями и были уверены, что к нам обязательно придет помощь — о продвижении ударных батальонов уже знали и в Москве, и в Харькове.

Харьковский ревком прислал четыреста красногвардейцев и шестьдесят солдат, их сейчас же определили на позиции. Надеялись и на помощь польских легионеров...

Вечером в наш штаб с Белгородского вокзала позвонил телеграфист. Он сообщил, что получил сведения со станции Томаровка, находящейся в двадцати восьми километрах от Белгорода, — туда на паровозе прибыла разведка противника. Мы выделили пятнадцать матросов, приказав им по возможности взять вражеских лазутчиков живьем. Вместе с ними вызвался на операцию и поручик Хрусцевич, появившийся в нашем отряде, когда мы были в Москве. Выделенная группа прицепила к свободному паровозу теплушку и направилась в Томаровку. Паровоз шел с потушенными огнями. Остановился примерно в километре от станции. Дальше моряки пошли пешком в обход станции. А поручик Хрусцевич один продолжал двигаться по полотну. Он первым достиг Томаровки, на путях и на платформе никого не обнаружил. Решив, что неприятель уже уехал отсюда, он безбоязненно вошел в станционное помещение.

Едва Хрусцевич открыл дверь, как увидел направленный на него револьвер. Решительный голос предложил ему поднять руки. Поручик повиновался, понимая, что сопротивление бесполезно. Прапорщик — командир разведки — вытащил из кармана Хрусцевича старую офицерскую книжку и стал ее рассматривать. Видя, что имеет дело с кадровым офицером, он успокоился, опустил револьвер и возвратил документ Хрусцевичу. Поручик молниеносно выхватил свой револьвер и обезоружил прапорщика. А тут подоспели и матросы, захватившие на станции двух ударников.

Пленных посадили в теплушку, прицепили сзади трофейный паровоз и покатили обратно в Белгород. Захваченных сразу же допросили. Они не стали запираться и рассказали все, что знали. Зато начальник разведки всячески пытался запутать нас, вел себя вызывающе и даже угрожал.

Солдат мы отпустили, посоветовав им никогда больше

не воевать против Советской власти. А прапорщика пришлось

расстрелять.

На следующее утро из Томаровки снова передали: к станции приближаются несколько эшелонов. Это могла быть только ударники. На совещании в штабе Скавронский, показав пункт на карте, сказал:

— Вот здесь надо нанести удар. Наш бронепоезд должен застигнуть манакинцев врасплох. Думаю, что неожиданным огневым налетом мы сумеем нанести им чувствительный урон. А основные силы вводить в бой, считаю, пока не стоит.

Это предложение энергично поддержал Ильин-Женевский. Решено было на всякий случай к бронепоезду прицепить еще две теплушки с матросами и солдатами прибывшего из Харькова батальона 30-го пехотного полка. Встал вопрос: кто будет руководить налетом на Томаровку? Я сказал, что готов отправиться на бронепоезде. Скавронский категорически возразил:

— Это будет, по существу, разведка боем. Командир же должен оставаться с основными силами.

Я попробовал оспорить его довод, но меня никто не поддержал. Тогда возглавить группу поручили комиссару Павлуновскому. Вместе с ним отправились Железняков и Берг.

Состав ушел. Началось томительное ожидание. Часа через два раздался звонок со станции Белгород-Сумская. Представитель ударников приглашал к телеграфному аппарату командира польского легиона. Мы с Ильиным-Женевским отправились на провод и попросили телеграфиста передать, что готовы слушать противника. Тотчас же последовал ответ: «У аппарата командир батальона капитан Степанов. От имени своего командования я предлагаю польскому легиону прекратить братоубийственную войну... мы идем на Дон и не имеем ничего против вас».

— Передайте капитану Степанову, — сказал связисту я, — что здесь командует всем штаб сводного отряда матросов, солдат и красногвардейцев. Польский легион все переговоры поручил вести нам.

Услышав этот ответ, офицер-ударник не пожелал дальше разговаривать с нами.

Через несколько минут меня позвали к телефону. Докладывал Михайлин матрос с «Республики».

— Товарищ Ховрин! — кричал он в трубку. — Станция Томаровка обстреляна. Но нас обходят ударники...

— Почему не возвращаетесь назад? — спросил я. — Вам

же приказано после обстрела немедленно отходить к

Белгороду.

— Ударники нас обошли. Сейчас будем отгонять их от полотна дороги.

В этот момент в трубке раздался треск — и все смолкло. Напрасно я прижимал ее к уху — ничего больше не было слышно. Нами овладело беспокойство. Каким образом манакинцы могли оказаться в тылу бронепоезда? Я уже подумывал, не послать ли подмогу. Но вот с платформы кто-то крикнул:

— Возвращаются!

Все выскочили из помещения. Да, приближался наш бронепоезд. Вскоре он остановился. Сразу же бросилось в глаза, что стенки прицепленных к нему вагонов все в дырках от пуль. Моряки вынесли несколько раненых.

Подошедший ко мне Берг тихо сказал:

— Михайлина потеряли... тело его не смогли вынести... И еще Орехов там остался...

От прибывших я узнал, что произошло.

Когда бронепоезд вылетел из-за поворота, в Томаровке уже стоял эшелон с ударниками, а еще один подходил. Кронштадтец Василий Серебряков первым же снарядом разбил паровоз, затем перенес огонь на теплушки. Из вагонов, как горох, посыпались солдаты. Тогда Серебряков ударил по прибывающему составу, и второй локомотив был выведен из строя. Тут было бы самое время возвращаться. Но комиссар Павлуновский решил вступить с ударниками в переговоры, надеясь, что они сдадутся. Те попросили час, чтобы посовещаться. Пока моряки ждали ответа, манакинцы зашли им в тыл. Пришлось прорываться. К счастью, противник не успел взорвать путь.

Погибших в этом бою подобрали день или два спустя. Манакинцы надругались над телом Михайлина: срубили ему шашкой верхнюю часть черепа и втиснули в мозг большевистскую газету... Матросы поклялись отомстить за товарищей.

Тела убитых решили отправить в Гельсингфорс, чтобы там их похоронили. В проводах павших моряков участвовало большое количество жителей Белгорода.

После схватки с ударниками под Томаровкой мы приготовились встретить их на подступах к Белгороду. Но они решили, не ввязываясь в бои, обойти город с севера. У нас было слишком мало сил, чтобы преследовать их в поле. Неожиданно по железной дороге к нам прибыл большой отряд черноморских матросов. В его первом эшелоне

насчитывалось тысяча двести пятьдесят человек. На подходе

к Белгороду находился еще один состав. Командовал всем отрядом матрос Алексей Мокроусов.

С такими силами уже можно было встречаться с врагом лицом к лицу. На общем совещания решили, что командовать всеми силами балтийцев и черноморцев будет прапорщик Павлуновский, а походный штаб возглавит прапорщик Ильин-Женевский.

Для защиты города под моей командой оставлялись польский полк и часть петроградского отряда.

От местных жителей мы узнали, что основная масса ударников вышла к селу Крапивное. Они намеревались пересечь железную дорогу в районе станции Сажное. Это километрах в тридцати севернее Белгорода. Туда и был направлен сводный отряд балтийцев и черноморцев вместе с бронепоездом.

29 ноября матросы внезапно появились у села Крапивное, где расположились на отдых ударники. Но, встреченные плотным пулеметным огнем, отошли. В это время подоспел второй эшелон черноморцев. Вместе с ротой польского легиона и несколькими пушками моряки поспешили на помощь атакующим.

Подавив артиллерийским огнем пулеметные точки противника, сводный отряд штурмом овладел селом Крапивное. Враг вынужден был откатиться к западу. Его начали преследовать, не давая ни минуты передышки. Батальоны ударников пытались зацепиться за какую-нибудь деревушку, чтобы привести свои силы в порядок, но им это не удавалось сделать. Постепенно их отступление превратилось в беспорядочное бегство.

В последний раз манакинцы попробовали остановить матросов у деревни Драгунской. Но были здесь окончательно разбиты. В своем донесении в Совет Народных Комиссаров начальник сводного отряда Павлуновский сообщил:

»Наш отряд, состоящий из черноморцев, балтийцев и польского легиона, держал все время противника под ударами и у дер. Драгунской окончательно разгромил и рассеял организованное ядро корниловских[7] войск. Бои у дер. Драгунской продолжались около 6 часов. Выпущено было 300 снарядов. Дальнейшее преследование привело к захвату у него обозов, пулеметов и т. п. Наш отряд пресле-

довал противника на протяжении 100 верст и уничтожил его как организованную боевую величину. Наши потери за все время: 19 убитых, 92 раненых».

Так окончился путь большой группы белогвардейских войск.

Начиная с момента, когда наш бронепоезд выпустил первые снаряды по вражеским эшелонам на станции Томаровка, и кончая полным разгромом ударников прошло двенадцать дней. Только отдельным манакинцам удалось спастись и пробраться на Дон.

Там в это время основной силой была группа контрреволюционных войск, собранная генералом Калединым. В ней насчитывалось примерно семь тысяч человек. В случае если бы трехтысячному отряду ударников удалось прорваться к Каледину, силы последнего увеличились бы значительно.

Бои под Белгородом сыграли серьезную роль. Не случайно Центральный Комитет большевистской партии под председательством В. И. Ленина рассматривал ход боевых действий под Белгородом на заседании 29 ноября. О победе над ударниками «Правда» сообщила в своем экстренном выпуске.

Еще во время преследования моряками отступающего неприятеля в Белгород приехали представители Харьковского ревкома — товарищи Руднев, Данишевский и Берлин. Они рассказали, что в Харькове складывается исключительно сложная обстановка. Положение местного Совета непрочно. Опираться он пока может только на небольшие, и слабовооруженные отряды красногвардейцев. В городе находятся воинские части, в которых очень сильно влияние петлюровцев. Если они вдруг выступят против Совета, у Харьковского ревкома не хватит сил удержать власть.

А такие попытки уже были. Петлюровцы пробовали овладеть телеграфом. Лишь с большим трудом красногвардейцы отстояли его. Представители Харьковского ревкома просили как можно скорее прибыть к ним на помощь.

После разгрома ударников у деревни Драгунской балтийцы вернулись в Белгород. В это время сюда прибыл из Брянска и отряд Сиверса. Мы договорились, что направимся в Харьков вместе. К сожалению, из строя вышел наш бронепоезд, и его пришлось поставить на ремонт. Черноморцы еще не собрались — часть из них вылавливали остатки манакинцев. Они обещали выехать следом.

В Харьков наш отряд и отряд Сиверса прибыли 8 декабря. Эшелоны встали на запасных путях невдалеке от вокзала. Не мешкая, матросы захватили здания вокзала

и телеграфа, а артиллеристы Сиверса установили пушки на Холодной горе, господствующей над городом. Все это было сделано по плану, разработанному еще в Белгороде вместе с представителями Харьковского ревкома. Сразу же установили

связь с ревкомом, который помог нам разобраться в обстановке.

Большое впечатление на меня, да и на всех наших товарищей произвел Артем (Сергеев), возглавлявший в это время харьковских большевиков. Это был коренастый, крутоплечий человек недюжинной силы. Его волевое лицо с небольшими усами казалось высеченным из гранита. В глубине широко открытых глаз таилась лукавинка. Он сказал нам, что основную опасность представляют 2-й Украинский полк и автобронедивизион, присланный в Харьков незадолго до Октябрьской революции. Полк, по сути, поддерживает контрреволюционную Центральную раду, а бронедивизион открыто не признает Советскую власть.

По совету Артема мы решили попробовать сначала вступить в переговоры с командованием бронедивизиона, который помещался на Мироносицкой улице (сейчас улица Чернышевского). Туда направились представители наших двух отрядов. Делегация выглядела внушительно: со мной пошли Железняков и Берг. И Сиверс взял с собой двух человек.

Встретили нас холодно. Разговаривал с нами командир дивизиона. Присутствовавшие при этом офицеры и члены солдатского комитета лишь поддакивали. У нас сложилось впечатление, что комитет здесь существует только ради формы.

Сухощавый и подтянутый командир бронедивизиона (видно, кадровый офицер) обратился к нам:

— Если вы хотите вести дружеские переговоры, то прошу объяснить, для какой цели выставлены пушки на Холодной горе?

Насупившийся Эйжен Берг раскрыл было рот, но Сиверс, положив ему руку на плечо, опередил его:

— А разве они кому мешают? Стоят, молчат, пейзаж не портят...

Наш собеседник стиснул зубы, но сдержался и произнес спокойно:

— Допустим, что так... Что дальше?

— Разрешите мне несколько слов, — сказал я. — Мы отправляемся на юг против Каледина. Ваши машины стоят здесь без дела. Нам хотелось бы заполучить их.

— Наши броневики, — сказал командир дивизиона,

взвешивая каждое слово, — из Харькова не уйдут. Они должны поддерживать порядок в городе.

— А какой порядок? — спросил вдруг Железняков. — Вернее, чей?

— Я понял ваш вопрос, — кивнул головой сухощавый, — и

могу вам твердо сказать: ни Керенскому, ни раде, ни большевикам мы этих машин не отдадим. Попробуете взять? Пожалуйста, но только через наши трупы!

Разговор на этом закончился. Мы вернулись на вокзал, чтобы обсудить, что делать дальше. Собрались в штабном вагоне матросского отряда. Пришли к нам и товарищи из Харьковского ревкома. Сообща решили, что надо попытаться захватить броневики.

Вечером начали осуществлять свой план. В двух концах Мироносицкой улицы поставили пушки, нацелив их на бронедивизион, и предложили ему сдаться. Однако командование части оставило наш ультиматум без внимания. Тогда кто-то предложил направить в сторону дивизиона с демонстративной целью один из броневиков балтийцев.

Направили посыльного в отряд с приказом привести машину. Прошло минут двадцать, как вдруг Артем спохватился, что надо предупредить артиллеристов. Не зная, что бронеавтомобиль пойдет наш, они могли обстрелять его. Перспектива ни за что ни про что потерять его встревожила меня, и я, взяв подвернувшегося извозчика, вместе с членом Харьковского ревкома Фельдманом поехал к нашим пушкарям. Мы были от них уже совсем близко, когда раздался выстрел. Лошадь, вздрогнув, остановилась. А мы пулей вылетели из пролетки, крича на бегу, чтобы больше не вели огонь.

К счастью, снаряд не задел броневик. Зато переполох на улице поднялся невообразимый. Выстрел разбудил жителей, услышали его и в бронедивизионе. Надо сказать, что он весьма подействовал на нервы наших противников. Если до этого они затягивали переговоры о сдаче, то теперь быстро приняли все наши условия. Находившиеся в распоряжении дивизиона солдаты и офицеры сдали нам все свое оружие и двенадцать бронеавтомобилей. Сложнее обстояло дело со штабом бронедивизиона. Офицеры, засевшие в здании, не хотели сдаваться. Мы попробовали ворваться в дом, но были встречены пулеметным огнем из окна. Подступиться к зданию со стороны улицы оказалось невозможно.

Я повел наших пулеметчиков во двор жилого корпуса, расположенного напротив. Поднялись на второй этаж, по-

стучались в первую попавшуюся квартиру. Хозяева оторопели, увидев вооруженных матросов, да еще с пулеметом. Я объяснил, что придется на несколько минут побеспокоить живущих здесь. Распахнул выходящее на улицу окно, двое

моряков установили «максим» на подоконнике и начали бить очередями по штабу, не давая никому оттуда высунуться. Я с остальными выскочил на улицу. Под прикрытием пулеметного огня мы ворвались в занятое офицерами строение. Они отстреливались до последнего патрона и погибли. Несколько человек потеряли и мы.

В одной из комнат штаба я нашел четыре маузера в деревянных кобурах. Иметь такой пистолет — мечта каждого матроса. Один из них я взял себе, второй отдал Анатолию Железнякову, а еще два не помню, кому достались.

На следующий день в Харьков специальным поездом прибыл Антонов-Овсеенко, назначенный командующим советскими войсками Украины. Владимир Александрович вызвал к себе Сиверса и меня. Выслушав рассказ о разоружении дивизиона, он одобрил наши действия.

— Мы не имеем возможности церемониться с теми, кто не желает сложить оружия, — сказал он.

Когда Антонов-Овсеенко узнал, что расположенный в Харькове 2-й Украинский полк подвержен влиянию петлюровцев, но из казарм не выходит, а только митингует, он посоветовал нам прощупать хорошенько настроение солдат. Нужно было выяснить, не удастся ли повести эту часть за собой или хотя бы расколоть ее.

В «гости» к петлюровцам, занимавшим в то время Москалевские казармы, взяли самых лучших наших ораторов — Берга и Железнякова. Но как они ни старались — им не удалось растопить лед недоверия пехотинцев. Они кричали, что будут с нами разговаривать только тогда, когда мы уберем пушки с Холодной горы и вернем захваченные броневики.

Примерно так же встретили нас в другом полку. Мы доложили Антонову-Овсеенко, что, по нашему мнению, уговоры ни к чему не приведут. Он приказал разоружить обе части. Эту операцию удалось провести быстро и без лишнего шума. Очень помогли нам трофейные броневики.

Положение в Харькове резко изменилось. Ревком стал полновластным хозяином в городе. Привезенные нами из Тулы винтовки и пулеметы были розданы красногвардейцам, часть оружия отправили рабочим Донбасса.

Вскоре в Харькове было образовано первое советское правительство Украины.

[183]

Антонов-Овсеенко приказал нашему отряду отправиться в Чугуев и разоружить там юнкерское училище. Юнкера не

признавали Советскую власть, разогнали местную рабочую милицию, арестовали делегацию Харьковского ревкома. Нам предписывалось привести этих горячих юнцов в чувство.

Учитывая, что ряды балтийцев заметно поредели, Антонов-Овсеенко направил к нам прибывших из Твери красногвардейцев. Теперь матросы составляли лишь небольшую часть отряда.

В Чугуев двинулись двумя эшелонами. С нами пошли и путиловские бронеплощадки. Оказалось, что город расположен в стороне от железнодорожной станции и отделен от нее холмом. На это возвышение мы немедленно поставили пушку, взяв юнкерское училище на прицел. От орудия провели к штабному вагону нитку полевого телефона.

Мы не хотели напрасно проливать кровь и попытались мирно договориться с командованием училища, но переговоры затянулись. Начальник училища отвергал два основных пункта наших требований: сдать оружие и отправить всех юнкеров в Харьков.

ведя, что разговоры приносят мало толку, я приказал осветить юнкерское училище прожекторами и выпустить в его крышу два-три снаряда. После этого не прошло и получаса, как из Чугуева примчалась к нам в штабной вагон целая делегация. Среди прибывших был городской голова и несколько именитых граждан. Они в один голое умоляли нас не стрелять больше из пушки и клялись, что помогут договориться обо всем с юнкерами.

Оставив их у себя заложниками, штаб в свою очередь отправил в училище трех человек во главе с Железняковым. Оттуда вскоре к нам пожаловал сам начальник училища. Мы подумали, что он приехал с известием о капитуляции, но оказалось, что он просит перемирия. Тогда я взял трубку телефона, чтобы, приказать артиллеристам открыть огонь. Только после этого начальник училища принял все наши условия. Мы отобрали у юнкеров оружие, а их погрузили в вагоны.

Все обошлось как будто хорошо. Правда, не без неприятности. Утром местные жители пришли к нам в штаб с жалобами, что люди из нашего отряда провели несколько самовольных реквизиций. Это уже было чрезвычайное происшествие. Несмотря на все старания, виновных разыскать не удалось.

[184]

Вернувшись в Харьков, я доложил о случившемся Антонову-Овсеенко. В последующей беседе с жим высказал мысль, что отряд с таким пестрым составом трудно поддается управлению, его нужно переформировать. Владимир Александрович

согласился со мной. По его распоряжению балтийцы были возвращены в Петроград.

Шли последние дни 1917 года. Заснеженный Петроград казался посуровевшим и малолюдным. Зимний ветер с Финского залива забирался под бушлаты, пробирал до костей. Мы с Железняковым шагали по улицам, направляясь в Адмиралтейство. Холод заставлял нас ускорять шаг, так что к концу пути мы почти бежали.

В Адмиралтействе товарищи встретили нас радушно, до отвала накормили, рассказали о всех новостях. Мы, например, узнали, что флотом теперь управляет морская коллегия в составе матроса Дыбенко, мичмана Раскольникова и капитана 1 ранга Иванова. Работает она дружно, с делами справляется. Правда, первые недели после победы революции офицеры из Морского министерства и Морского генерального штаба пробовали заниматься саботажем, но после ареста нескольких человек образумились.

В тот же день я и Железняков встретились с Дыбенко. Он занимал огромный кабинет морского министра. На письменном столе рядом с массивным чернильным прибором лежала матросская бескозырка и стоял на домятой газете железный чайник.

Дыбенко мы видели в последний раз в сентябре перед отъездом на II Всероссийский съезд Советов. С тех пор щеки его заметно ввалились, а борода прибавила в длине. Но, как всегда, от него веяло энергией и решимостью.

Он рассказал, что в связи с приближением дня открытия Учредительного собрания начинают поднимать голову явные и замаскированные контрреволюционеры. Многие революционные части сейчас помогают устанавливать Советскую власть на периферии. В столице есть не совсем надежные полки, в которых враги ведут скрытую агитацию. Что касается Красной гвардии, то люди в ней, безусловно, преданные, но им не хватает воинской выучки и умения.

— Короче говоря, — сказал Дыбенко, — Совнарком решил ко дню открытия Учредительного собрания подтянуть в Питер матросские отряды. Думаю, что из Кронштадта надо взять примерно тысячу человек. Столько же даст и Гельсингфорс. Формирование отрядов поручается вам.

После разговора с Дыбенко я без промедления отпра-

вился на Финляндский вокзал, а Железняков — на Балтийский.

Прибыв в Гельсингфорс, пошел в Центробалт, который помещался теперь на бывшей царской яхте «Штандарт». Но и «Полярная звезда» по-прежнему стояла здесь же, у стенки. Новый председатель ЦКБФ Николай Измайлов встретил меня с распростертыми объятиями, сообщил, что уже знает о цели моего приезда.

— Мы это дело быстро провернем, — говорил он, улыбаясь. — Но не обойдется без трудностей. Уже много матросов с кораблей поснимали. Но раз надо — сделаем. А ты сегодня же на заседании должен рассказать Центробалту о делах на юге, о том, как вы ударников под Белгородом били.

— Конечно, конечно, — пообещал я, — как старый член ЦКБФ, обязан отчитаться перед товарищами.

Измайлов сдержал слово — отряд гельсингфорсских моряков был сформирован в два дня. Получив оружие и небольшой запас продовольствия, мы выехали в Петроград.

Железняков со своими кронштадтцами уже был там. Его назначили комендантом Таврического дворца, в котором должно было открыться Учредительное собрание. А наш гельсингфорсский отряд разместили на Суворовском проспекте в помещении бывшего военного училища. Оба отряда моряков с двух сторон должны были прикрывать подступы к Смольному.

5 января 1918 года открылось Учредительное собрание. Этого дня с нетерпением ждали явные и тайные враги революции. Они надеялись, что Учредительное собрание сумеет отстранить от власти большевиков и ликвидировать их завоевания.

К этому времени активизировались контрреволюционные подпольные организации. Было совершено покушение на Владимира Ильича Ленина. Ехавший вместе с ним в автомобиле швейцарский социал-демократ Платтен прикрыл собой Ленина и сам был ранен...

Пока делегаты Учредительного собрания съезжались в Таврический дворец, на улицы города вышли недовольные Советской властью чиновники, лавочники, адвокаты, гимназисты, переодетые офицеры и юнкера. Эсеровские агитаторы пытались вывести из казарм Преображенский и Семеновский полки. Враги Советов, брюзжащие обыватели собирались в колонны под лозунгом: «Да здравствует Учредительное собрание!»

Мы получили приказ усилить патрулирование улиц, не

допустить демонстрантов ни к Смольному, ни к Таврическому дворцу, задерживать все автомобили без пропусков, обыскивать подозрительных и отбирать оружие.

Я находился в здании училища, когда связной-матрос прибежал с сообщением, что со стороны Литейного проспекта к Таврическому дворцу идут демонстранты. Захватив на подмогу часть матросов, я поспешил к головным дозорам своего отряда. Подоспели вовремя. Колонна была уже совсем близко. Строго говоря, назвать это сборище колонной можно было с большой натяжкой. Чувствовалось, что эти люди не привыкли к сплоченности, не умеют ходить в строю. В жидковатых рядах не было и намека на равнение. Но главное не в этом. Разглядывая лица демонстрантов, я не заметил в них той решимости, которую видел во время рабочих манифестаций. Мне вспомнились февральские дни 1917 года. Мы шли тогда безоружные против конных и пеших городовых, прорывались сквозь их ряды, невзирая на нагайки и шашки, не боясь смерти...

А эти выглядели совсем по-иному — боязливыми и нерешительными. Правда, среди них попадались и люди с военной выправкой, сурово и зорко поглядывавшие на матросов. В оттопыренных карманах их пальто угадывались припрятанные револьверы. Но таких было мало.

Видя, что перегородившие улицу матросы вскинули винтовки, колонна остановилась. Я вышел вперед и предложил тихо и мирно разойтись по домам. В ответ послышались озлобленные крики. Постепенно задние ряды стали напирать на стоявших впереди. Нечто организованное превратилось в толпу.

Я приказал дать несколько выстрелов поверх голов. Эффект был поразительный — демонстрантов как ветром сдуло. На мостовой остались лишь плакаты и калоши. Матросы от души смеялись, наблюдая бегство приверженцев Учредительного собрания, в зале которого в это время происходили знаменательные события. Большевики предложили делегатам утвердить декреты Советской власти — декреты, в которых были выражены мысли и чаяния миллионов людей. Но Учредительное собрание отклонило их.

Тогда представитель фракции большевиков объявил, что собрание не оправдало доверия народа и поэтому большевики покидают заседание.

В некоторых книгах до сих пор утверждается, что, разгоняя Учредительное собрание, Железняков выполнял приказ Ленина. Это не соответствует действительности. Вла-

димир Ильич, покидая Таврический дворец, сказал Дыбенко, чтобы матросский караул дождался, когда закончится заседание. После того как делегаты разойдутся, нужно будет закрыть входы

во дворец и никого больше не впускать в него.

Но у Железнякова не хватило терпения. Когда перевалило за полночь, а ораторы и не думали закругляться, он вышел на сцену, прервал речь Чернова и произнес свою знаменитую фразу, которая впоследствии облетела чуть ли не все газеты мира:

— Караул устал и хочет спать...

Утром появился декрет ВЦИКа о роспуске Учредительного собрания. Никто, конечно, не бранил Железнякова за то, что он на несколько часов опередил события. Народ воспринял разгон Учредительного собрания как очень правильный и своевременный акт. Когда через несколько дней в том же самом зале Таврического дворца собрались делегаты III Всероссийского съезда Советов, они дружно аплодировали Железнякову, единодушно одобряя его поступок.

...Мела январская поземка по малолюдным улицам Петрограда. Наш отряд готовился ехать далеко на юг, где поднимала голову собирающая силы белогвардейщина. Мы уже получили приказ о выступлении, когда тяжелая болезнь свалила меня с ног.

Две недели спустя я встал, но был еще очень слаб, В Адмиралтействе товарищи рассказали, что меня намеревались послать вместе с так называемой Румынской коллегией на румынский фронт. Однако врачи не разрешили. Туда поехал Анатолий Железняков.

Лишь к осени 1918 года здоровье мое улучшилось, и я снова смог взять в руки оружие.

Над молодой Советской Республикой заполыхал пожар гражданской войны. В лютой злобе со всех сторон бросались на нее враги, пытаясь вновь утвердить власть помещиков и капиталистов. Отряды балтийцев один за другим отправлялись воевать против Дутова и Краснова, Колчака и Деникина, Юденича и Врангеля, против белогвардейцев, интервентов и разных банд.

Многие погибли, защищая Советскую власть. Немало друзей, товарищей по борьбе потерял я в это суровое время. Весной восемнадцатого года в Гельсингфорсе пули финских белогвардейцев оборвали жизнь комиссара Бал-

тийского флота Бориса Жемчужина. На Каме в неравном бою с вражескими батареями погиб на горящем пароходе «Ваня-коммунист» любимец кронштадтских моряков комиссар Волжской военной флотилии Николай Маркин. На Украине, на станции Верховцево, выводя бронепоезд из кольца деникинцев, был

смертельно ранен бесстрашный Анатолий Железняков. Под жарким солнцем Ленкорани упал на горячую землю, сраженный осколком, пламенный большевик Тимофей Ульянцев. В песках под Красноводском вместе с другими бакинскими комиссарами расстрелян интервентами Эйжен Берг. На льду под Кронштадтом во время атаки на мятежную крепость пулеметная очередь скосила чистого сердцем Семена Пелихова.

Уже после гражданской войны умер от туберкулеза мой старый товарищ по подполью Иван Сладков.

Неумолимо бегущие годы уносят и уносят старых балтийцев. В 1962 году умер Федор Дмитриев, а годом позже — Василий Марусев, Иван Сапожников...

Как сложились судьбы других моих соратников, я сказать затрудняюсь. 5Кизнь разбросала их в разные концы нашей огромной страны.. Но с некоторыми из них я продолжаю поддерживать самую тесную связь. Переписываюсь с бывшими кронштадтскими подпольщиками Зайцевым, Кузнецовым-Ломакиным, с первым председателем Военно-морского революционного комитета Вахрамеевым, с бывшим членом Гельсингфорсского комитета РСДРП (б) Рошалем, получаю вести от центробалтовцев Измайлова и Машкевича...

Все мы, ныне здравствующие, безмерно счастливы, что дожили до сегодняшних дней и воочию увидели плоды Октябрьской социалистической революции. Пролитая кровь не пропала даром. Советская власть прочно стоит на ногах, а освобожденный народ под руководством партии успешно строит коммунизм.

От сознания этого радостно бьется сердце.

Киев, 1963-1966 гг.

[189]

ОБ АВТОРЕ ВОСПОМИНАНИЙ (В. К. Архипенко)

Среди борцов за победу Великой Октябрьской социалистической революции моряки-балтийцы занимали достойное место. Они были верной опорой ленинской партия, направлявшей их туда, где складывалась самая трудная обстановка. Матросы Балтфлота с честью прошли дорогами гражданской войны. Одни из них стали командирами бронепоездов, полков, бригад, дивизий, укрепрайонов, другие — военными комиссарами, руководителями партийных организаций, работниками ЧК. Балтийцы стали гордостью революции и самыми стойкими ее защитниками.

Одним из них был и Николай Александрович Ховрин (1893 — 1972 гг.) матрос линейного корабля «Республика», коммунист с подпольным стажем, видный организатор матросских масс, активный участник Октябрьского вооруженного восстания. В годы гражданской войны Н. А. Ховрин выполнял ответственные задания партии. Он участвовал в формировании частей Красной Армии на Украине, сражался против петлюровцев и деникинцев, многое сделал для создания береговой обороны освобожденного от врага Черноморского побережья. Конец гражданской войны застал Николая Александровича в Керчи, где он был командиром военного порта.

Но и в дальнейшем Н. А. Ховрин, по существу, не порывал с флотом. После непродолжительного пребывания в запасе он снова надел форму военного моряка. С 1932 года служил в Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН), участвовал в подъеме кораблей, затонувших во время гражданской и Великой Отечественной войн, в том числе на Балтике, Черном море и на Днепре.

За время службы в Вооруженных Силах Н. А. Ховрин был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны и Красной Звезды, а также несколькими медалями.

Двадцатидвухлетним юношей вступил Николай Александрович в ряды подпольной организации большевиков. Через всю свою жизнь он с честью пронес высокое звание

члена Коммунистической партии, отдал всего себя без остатка служению народу.

В последние годы жизни Николай Александрович Ховрин поселился в Киеве, на одной из тихих улиц Подола. До конца своих дней он оставался солдатом партии, активно участвовал в общественной жизни, встречался с молодежью, с воинами армии и флота. Имя его наряду с другими героями Октября вошло в летопись нашей Великой Революции.

Текст воспоминаний Н. А. Ховрина печатается по изданию 1966 года с небольшими сокращениями. Внесены некоторые поправки редакционного характера. Фактические данные сверены по документам.

[191]

ББК 63.3(2)71
Х68

Литературная запись В. К. Архипенко

Ховрин Н. А.

Х68 Балтийцы идут на штурм.— 2-е изд.— М.: Воениздат, 1987. — 192 с., ил. — (Воен. мемуары).

В пер.: 1 р. 00 к.

Революционная романтика — вот чем прежде всего привлекает к себе эта книга. Автор ее — бывший матрос линейного корабля «Император Павел I», участник большевистского подполья на флоте, а затем член Центробалта. Он встречался с В. И. Лениным и выполнял его задания, командовал отрядом революционных моряков, штурмовавших Зимний и арестовывавших Временное правительство. В воспоминаниях нашли отражение и сложная обстановка тех дней, и самоотверженность рабочих и крестьян, пошедших за ленинской партией, и матросские думы о жизни, о будущем.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Х $\frac{0505030100\text{-}047}{068(02)\text{-}87}$ 71-87 ББК 63.3(2)71

© Воениздат, 1966, 1987

notes

Примечания

1

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 383.

2

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 383. (Тот же источник, что и в ссылке 1. В печатном оригинале — «Там же». Ссылка приводится полностью в связи с тем, что в устройствах для чтения электронных книг не всегда есть возможность свободно перемещаться по сноскам. — V_E.)

3

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 384. (В печатном оригинале — Там же, с. 384 — V_E)

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 390.

5

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 446. (В печатном оригинале — Там же, с. 446 — V_E)

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 347.

Корниловскими войсками здесь названы ударные батальоны из отряда В. К. Манакина.